

ИМПЕРИАЛИЗМ

ИМПЕРИАЛИЗМ

События
Факты
Документы

А.Ф. Панфилов

Радиовойна:

история
и современность

Радиовойна:
история и современность

ИМПЕРИАЛИЗМ

ИМПЕРИАЛИЗМ

События
Факты
Документы

А.Ф. Панфилов

Радиовойна: история и современность

Очерки о внешнеполитической
радиопробаганде фашистской Германии,
США, Англии и ФРГ

Москва
«Искусство»
1984

ББК 76.31
П16

Рецензенты:
доктор филологических наук **Е. А. Ножин**,
кандидат исторических наук **В. Л. Артемов**

П **4403050000-102** 19-84
025(01)-84

© Издательство «Искусство», 1984 г.

Введение:

ЧТО ТАКОЕ «РАДИОВОЙНА»?

Три десятилетия назад известный американский писатель-фантаст Рей Брэдбери, спроецировав в будущее «американский образ жизни», нарисовал довольно мрачную картину грядущего мира — мира, в котором жестоко преследуются свободное чувство и свободная мысль. Книги — сокровищница знаний предшествующих поколений — подлежат в этом мире сожжению; они заменены другими средствами воздействия на умы: «электронным океаном звуков» и «мерцающими стенами», то есть радио и телевидением. Причем эти средства превращены в орудие разобщения людей. Трудно, прочитав роман Брэдбери «451° по Фаренгейту», забыть сцену возвращения пожарного Монтэга в свой дом...

«Ему показалось, что он вошел в холодный, облицованный мрамором склеп. Непроницаемый мрак. Ни намек на залитый серебряным сиянием мир за окном. Окна плотно закрыты, и комната похожа на могилу... Его жена расprostерта на кровати, не укрытая и холодная, как надгробное изваяние, с застывшими глазами, устремленными в потолок... В уши у нее плотно вставлены миниатюрные «Ракушки», крошечные, с наперсток, радиоприемники-втулки, и электронный океан звуков — музыка и голоса, голоса и музыка — волнами омывает берега ее бодрствующего мозга... Каждую ночь сюда врывается океан звуков и, подхватив Милдред на свои широкие крылья, баюкая и качая, уносит ее, лежащую с открытыми глазами, навстречу утру. Не было ночи... когда Милдред не уплывала бы на этих волнах, не погружалась бы в них с готовностью еще и еще раз».

Что же произойдет, если сознание миллионов людей, так же как и сознание впавшей в каталептическое состояние Милдред, окажется одурманенным? Писатель рисует трагический финал:

«Вдруг небо над домом заскрежетало. Раздался оглушительный треск, как будто две гигантские руки разорвали вдоль кромки десять тысяч миль черного холста... Над домом пронеслись ракетные бомбардировщики — первый, второй, первый, второй, первый, второй. Шесть, девять, двенадцать — один за другим, один за другим, сотрясая

воздух оглушительным ревом... Дом сотрясаясь... В какую-то долю секунды, пока бомбы еще висели в воздухе, на расстоянии ярда, фута, дюйма от крыши отеля, в одной из комнат он увидел Милдред. Он видел, как, подавшись вперед, она всматривалась в мерцающие стены, с которых, не умолкая, говорили с ней «родственники». Они тараторили и болтали, называли ее по имени, улыбались ей, но ничего не говорили о бомбе, которая повисла над ее головой...

Упала первая бомба.

— Милдред!

Быть может — но узнает ли кто об этом? — быть может, огромные радио- и телевизионные станции с их бездной красок, света и пустой болтовни первыми исчезли с лица земли?»

Конечно, не следует, поддавшись силе художественного воображения писателя-фантаста, возлагать ответственность за возможные трагические события в мире на радио и телевидение. Но тем не менее могущественные современные средства массовой информации и пропаганды, и в частности радио, а точнее, те люди, в чьих руках находятся эти средства, несут немалую долю ответственности за то, что происходит в современном мире и что может произойти.

В 50-е годы картина «электронного океана звуков», нарисованная Реем Брэдбери, еще казалась фантастичной. А сейчас?

Человечество живет в «электронном океане» социальной информации. К началу 80-х годов в мире насчитывалось около 400 миллионов телевизоров и более миллиарда радиоприемников¹, работало огромное количество радио- и телевизионных станций, коротковолновых передатчиков, позволяющих практически всему населению планеты оперативно получать любую информацию из любой страны мира, на любом языке. Возникла сложная система международных связей в области информации, оказывающая большое и многообразное влияние на судьбы человечества.

Особую роль играет в этой системе международное радиовещание.

Термин «международное радиовещание» широко употребляется в специальной и массовой литературе, а также в вещательной практике наряду с другими: «иновещание», «радиовещание на зарубежные страны», «внешнее радиовещание», «зарубежное радиовещание». Все эти термины являются синонимами.

Субъектом международного радиовещания, определяющим его идеологическую и политическую линию, выступает в конечном счете правящий класс (и соответственно — правительство, партия) того государства, которое ведет передачи на зарубежную аудиторию. Тот факт, что в ряде капиталистических стран такого рода деятельностью занимаются от лица различных общественных, культурных, религиозных организаций или «заинтересованных групп» частные, а не государственные радиостанции, не меняет классового характера и сущности этой деятельности.

Практика показывает, что при использовании в международном радиовещании, по существу, всех радиожанров его главным, качественным отличием от вещания, направленного на собственную аудиторию, является гораздо большая политическая заостренность, отсутствие «чисто развлекательных», «чисто информационных», «чисто рекламных» передач. Таким образом, оно осуществляется главным образом в целях ведения политической пропаганды, для оказания политико-идеологического воздействия на граждан зарубежных стран. Поэтому для качественной характеристики общего содержания международного радиовещания используется термин «внешнеполитическая радиопропаганда», а само вещание рассматривается как инструмент внешней политики того государства, которое является его субъектом.

Радиопередачи на зарубежную аудиторию ведутся преимущественно на родном для нее языке. Поэтому в практике и получил широкое распространение термин «иновещание», то есть вещание на иностранных языках, вещание для иностранной аудитории. Однако в таких передачах может использоваться (и широко используется) также и родной язык субъекта международного радиовещания, если этот язык более или менее знаком потенциальным слушателям в других странах. Примеры тому — так называемые «всемирные службы» на английском языке Британской радиовещательной корпорации (Би-би-си) и «Голоса Америки», коротковолновое вещание из ФРГ на немецком языке, направленное на различные районы мира, радиовещание на арабском языке из Каира, адресованное зарубежным слушателям в Африке и на Ближнем Востоке, и др.

Исходя из вышесказанного, международное радиовещание можно определить как специфическую форму деятельности, заключающуюся в подготовке и выпуске радиопередач, предназначенных для слушателей в дру-

гих странах с целью оказания на них определенного политико-идеологического воздействия.

Статистика международного радиовещания с особой наглядностью свидетельствует о том, что роль его как острейшего оружия идеологической и политической борьбы в мире постоянно возрастает. Если в 1950 году объем еженедельных программ иновещательных служб 27 стран мира, особенно активно использовавших это средство пропаганды, составлял 3222 часа, то уже к началу 70-х годов он возрос до 12 574 часов, то есть увеличился почти в 4 раза². Следует учесть, что эти данные охватывают менее половины всех государств, имевших службы иновещания, не включают коммерческие и религиозные станции, ведущие вещание на иностранных языках, не учитывают того, что некоторые страны часть своих внутренних программ передают на коротких волнах для зарубежной аудитории. Таким образом, темпы роста международного радиовещания в 50—60-е годы фактически были еще более значительными.

Активно шел этот процесс в США, Англии и ФРГ, в чем нельзя не увидеть связи с той ролью, какую отводили эти страны радиопропаганде в годы «холодной войны».

Так, США увеличили объем иновещания с 497 часов в неделю в 1950 году до 2060 в 1973; Англия за тот же период — с 643 часов до 751, а ФРГ, которая в 1950 году еще не начала официально радиопередач для зарубежной аудитории, сумела с помощью своих союзников по НАТО создать мощное иновещание и довести к 1973 году еженедельный объем передач до 806 часов³. Нужно учесть, что и эти данные не совсем точно отражают реальную картину. Так, сведения по США не включают вещание на зарубежную аудиторию не только коммерческих и религиозных радиостанций, но и радиостанции «Свободная Азия», а данные по ФРГ относятся лишь к программам «Немецкой волны» («Дойче велле») и не учитывают передач «Немецкого радио» («Дойчландфунк»).

И в период относительной разрядки, то есть в 70-е годы, международное радиовещание продолжало развиваться чрезвычайно динамично. К началу 80-х годов его осуществляли почти 60 стран, а суммарный объем программ, передававшихся на 148 языках, составлял 20 тысяч часов в неделю⁴.

О бурном развитии международного радиовещания говорят также другие данные: рост количества коротковолновых передатчиков, используемых для вещания на дальние расстояния, и усиление их мощностей. Если в

1950 году в мире насчитывалось 385 коротковолновых передатчиков, которые работали на зарубежную аудиторию, то к началу 70-х годов их число возросло до 1365; если в 1950 году лишь 16 из них обладали мощностью от 200 киловатт и выше, то к середине 1972 года их было уже 185 — почти в двенадцать раз больше⁶.

Быстро развивалась техническая база иновещания США, Англии, ФРГ. Так, например, в Вертахале (ФРГ) в 70-е годы было закончено строительство комплекса радиопередатчиков «Немецкой волны», который считается сейчас одним из самых мощных в мире; Англия в эти годы значительно модернизировала техническую базу иновещания Би-би-си; настоящую «гонку радиооружий» начала администрация президента Картера, а затем Рейгана. Достаточно сказать, что всего за пять лет — с 1975 по 1980 год — передающие мощности «Радио Свободная Европа» и «Радио Свобода», ведущих подрывную пропаганду на население европейских социалистических стран и СССР, были увеличены с 3775 до 7500 киловатт, то есть в два раза⁶.

Вот здесь-то, упомянув о подрывной пропаганде, мы и подходим к понятию «радиовойна». Дело в том, что наши идейные противники и в теории и на практике ставят между понятиями «международное радиовещание» и «радиовойна» знак равенства, оправдывая свою позицию... действиями Советского Союза и стран социалистического содружества в этой сфере массовой коммуникации: они-де тоже ведут радиовоюну! Это явная ложь.

Действительно, в современном мире, в условиях обострения борьбы идеологий, радио, как свидетельствуют приведенные данные, все более утверждает себя в роли важнейшего орудия пропаганды на другие страны. Следовательно, от того, какая информация и как распространяется по этому каналу, во многом зависят международный морально-политический климат, степень взаимного доверия (или недоверия) между народами и государствами, в конечном счете — судьбы войны и мира. Постоянная, принципиальная линия Советского государства в этом вопросе предельно ясна, излагалась неоднократно, еще Владимиром Ильичем Лениным: «...Вся наша политика и пропаганда, — писал он, — направлена отнюдь не к тому, чтобы втравливать народы в войну, а чтобы положить конец войне»⁷.

Именно поэтому, осуществляя в широких масштабах международное вещание, социалистические страны, их органы информации видят свою задачу в распростране-

нии правды о жизни своих народов, показе объективной картины международных событий. Им чужды попытки вызвать напряженность в отношениях между государствами, вмешиваться в дела других стран, им чужда радиовойна. В своих практических действиях они исходят из того, что исторически неизбежная борьба различных общественных формаций должна вестись мирными средствами. Поэтому речь может идти только об *империалистической радиовойне*, которая, как и «холодная война», ведется крупнейшими капиталистическими странами против прогрессивных сил современности *в одностороннем порядке*.

Империалистическая радиовойна началась не сегодня. У нее своя история. Ее происхождение и эволюция, направления и содержание, формы и методы детерминированы классово-политически.

В. И. Ленин писал: «Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами»⁶. Неравномерность развития капитализма в эпоху империализма обостряет противоречия и борьбу между капиталистическими странами за рынки сбыта, источники сырья, ведет к войнам и захвату чужих территорий. Экспансия экономическая оказывается причинно связанной с политической и идеологической экспансией, что в свою очередь влияет на характер деятельности средств массовой информации капиталистических государств: эти средства начинают использоваться для пропаганды, направленной на обоснование и поддержку агрессивного внешнеполитического курса той или иной капиталистической страны.

Так произошло и с родившимся в 20-е годы массовым радиовещанием: США стали вести передачи на район своих «традиционных интересов» — Латинскую Америку; Англия — на колонии в целях «консолидации империи»; Германия, вступая в борьбу за передел мира, — на «зарубежных немцев» в различных частях света. Таким образом, возникновение международного радиовещания США, Англии и Германии, равно как и ряда других капиталистических государств, обусловлено в первую очередь их агрессивной внешней политикой. Начинается империалистическая радиовойна...

При всем своеобразии процессов возникновения меж-

дународного радиовещания в разных капиталистических странах, тех или иных особенностях формирования его аппарата, направлений, методов работы оно всегда, как пишут сами буржуазные историки пропаганды, стремилось «изменить установившиеся понятия, желания и надежды массовой аудитории в государстве, подвергающемуся его воздействию, и тем самым вызвать или стимулировать отношение и поведение политического характера, угодное государству, использующему это оружие»⁹. Цель эта осуществлялась поэтапно: приемы и методы империалистической радиовойны совершенствовались.

Особенно интенсивно международное радиовещание капиталистических стран стало развиваться после захвата фашистами власти в Германии, что было непосредственно связано с усилением межимпериалистических противоречий и агрессивной внешней политикой в первую очередь государств фашистского блока. Именно в начале 30-х годов буржуазная пропаганда вообще и радиопропаганда на зарубежную аудиторию в частности перестают рассматриваться как обособленный способ борьбы с противником, не связанный с боевыми действиями. Соответственно, как писал американский историк международного радиовещания Ч. Роло, «на смену устаревшим стратегическим взглядам приходит концепция тотальной войны, ведущейся одновременно и в разнообразных формах на физическом и психологическом фронтах, концепция совершенно неотъемлемых друг от друга войны людей, машин, идей с бомбами, падающими на землю, и с бомбами для разума, посылаемыми мощными радиостанциями через эфир»¹⁰. Империалистическая радиовойна становится крупномасштабной, охватывая весь мировой эфир, ее антигуманная сущность проявляется вполне наглядно.

С началом второй мировой войны направленность внешнеполитической радиопропаганды таких крупных капиталистических стран, как США и Англия, входивших в антигитлеровскую коалицию, меняется: деятельность их иновещания в известной мере смыкается с задачами антифашистской борьбы и носит поэтому несколько иной характер, чем в предыдущие годы. Но, отмечая позитивную роль внешнеполитической радиопропаганды США и Англии в годы борьбы против фашизма, нельзя забывать и о том, что эти годы явились для них хорошей школой дальнейшего совершенствования стратегии и тактики ведения радиовойны, особенно с точки

зрения использования в будущем того опыта, который накопила фашистская Германия.

Первый этап империалистической радиовойны заканчивается с победой над фашизмом. Международное радиовещание вступает в качественно новый этап. Для ведущих капиталистических держав оно из средства, используемого преимущественно в сфере межимпериалистических противоречий, превращается в средство борьбы с прогрессивными силами современности.

Развитие иновещания США, а также Англии и ФРГ в послевоенный период тесно связано прежде всего с антисоветской, антисоциалистической внешней политикой этих стран. Хорошо известно, что после второй мировой войны американский империализм приобрел новые черты, стал навязывать другим народам так называемый «американский образ жизни», а идейно-теоретической платформой внешней политики Соединенных Штатов явился антикоммунизм, политические и военно-стратегические концепции, проникнутые духом экспансионизма. Как подчеркивают советские исследователи, «за многообразием этих доктрин и концепций, припудренных новейшими «достижениями» американской буржуазной политической мысли, просматривалась одна общая цель — укрепить позиции американского капитализма, в том числе и за счет других государств... поставить всяческие преграды на пути развития социализма, а если возможно, то и прервать этот закономерный процесс»¹¹.

Практика внешнеполитической радиопропаганды империализма в этот период, как и всей империалистической пропаганды в целом, оказалась теснейшим образом связанной с общей эволюцией буржуазной философии и социологии, с процессами, происходящими в области средств массовой информации. В нашей науке отмечалось, что «буржуазная мысль последовательно двигалась в русле «манипуляторского прагматизма». И апологеты и критики, несмотря на демонстративную разность своих подходов к анализу империалистической пропаганды, смыкаются в одном — в утилитаризации своих выводов, в сознательном или невольном обогащении арсенала буржуазного манипуляторства, в оттачивании его приемов, в попытках использовать скрытые механизмы человеческого сознания и поведения»¹². В этом направлении и шло совершенствование методов империалистической войны в эфире.

Вся организация и структура внешнеполитической

радиопропаганды империализма в годы «холодной войны» были подчинены целям подрывной деятельности против Советского Союза и других стран социалистического содружества, а также стран, где разворачивалась антиимпериалистическая, национально-освободительная борьба. Деятельность внешнепропагандистских вещательных органов США, Англии и ФРГ характеризуется в этот период не только количественным ростом (например, увеличением объема программ, вводом в строй новых радиомощностей), но и «качественными» изменениями: усилением разнузданной клеветы на СССР и другие социалистические страны, попытками прямого вмешательства в их внутренние дела, установлением связей с контрреволюционными эмигрантскими центрами, проведением диверсионных акций, о чем свидетельствуют, в частности, события, происходившие в ГДР, Венгрии, Польше в 50—60-х годах.

Именно в период «холодной войны» было разработано, так сказать, «идейное обеспечение» антикоммунистической радиопропаганды, которое используется до сих пор и вкратце может быть сведено к следующим основным тезисам:

апологетика американского и, шире, западного образа жизни;

трактовка социализма в качестве агрессивной силы, стремящейся к войнам ради установления мирового господства;

изображение социалистического общества как «тоталитарного», якобы лишаящего человека возможности проявить свою индивидуальность;

антисоветизм;

разжигание национализма и религиозного фанатизма; стремление расшатать доверие потенциальных радиослушателей к партийному руководству социалистических государств;

спекуляция на действительных и мнимых трудностях в жизни социалистических стран, трактовка их как характерных и неустранимых в условиях социализма;

навязывание представлений о «трансформации» социализма и неизбежном поглощении его капитализмом;

внедрение в сознание потенциальной аудитории мелкобуржуазной идеологии, подменяющей марксистско-ленинское учение идеями реформизма и ревизионизма;

манипуляторская игра на некоторых специфических чертах молодежи (прежде всего — на повышенном эмоци-

ональном критицизме) с целью отождествить в сознании слушателей капитализм с современностью и прогрессом.

Наметившаяся в начале 70-х годов тенденция к разрядке международной напряженности не положила и не могла положить конец империалистической радиовойне. Антикоммунистическая и антисоветская пропаганда в этих условиях продолжала искать любые возможности для того, чтобы скомпрометировать реальный социализм, коммунистическое и рабочее движение и его партии в различных странах. Но не учитывать новое состояние международных отношений империалистические круги не могли, и поэтому, в частности, они проводят в 70-е годы реорганизацию внешнепропагандистских служб, стараясь приспособить их к изменившейся обстановке. Однако суть реорганизации сводилась отнюдь не к свертыванию подрывного вещания, а к совершенствованию тактики осуществляемых с помощью радио идеологических и политических диверсий против СССР, а также других стран социалистического содружества, против национально-освободительных и революционных движений в мире. Это была подготовка к дальнейшему развертыванию империалистической радиовойны, новый этап которой, начавшийся на рубеже 80-х годов, был ознаменован широко-масштабными подрывными пропагандистскими акциями, направленными против Польши и Афганистана, и появлением на свет концепции «психополитической войны».

В Постановлении июньского (1983 года) Пленума ЦК КПСС подчеркивалось: «Империалистическая реакция, прежде всего правящая верхушка США, вынашивая бредовые планы мирового господства, своей агрессивной политикой подталкивает человечество на грань ядерной катастрофы. Против Советского Союза, стран социализма ведется беспрецедентная по своим масштабам и оголтелости психологическая война. Не гнушаясь ложью и клеветой, буржуазная пропаганда стремится очернить социалистический строй, подорвать социально-политическое и идейное единство нашего общества. Поэтому особую важность сегодня приобретают классовая закалка трудящихся, бескомпромиссная борьба против буржуазной идеологии»¹³.

...Эфир над нашей планетой буржуазные исследователи радиовещания еще в 30-е годы называли «четвертым фронтом», «театром», где разыгрывается грандиозный спектакль — «война слов» (эти выражения широко используются, в частности, американскими исследователями радиопропаганды Чарлзом Роло и Томасом Соренсенем).

Аналогию между театром и «войной слов», иначе — империалистической радиовойной, можно продолжить. У «театра радиовойны» есть свои «художественные руководители», «режиссеры» и «исполнители». О них, об истории и сущности империалистической войны в эфире, о ее вдохновителях из фашистской Германии, США, Англии, ФРГ и пойдет речь в этой книге. Ныне, когда «электронный океан звуков» врывается в каждый дом, когда многие слушатели вольно или невольно оказываются объектом зарубежной радиопропаганды, знать, как использовалось и используется радиовещание империалистическими странами в международных отношениях, — насущная потребность, думается, для самого широкого круга людей.

*Звуки вступления.— «От Бетховена к Гитлеру»...—
«Скрипучая симфония».— Безучастный зритель?—
Трехцветный грим.*

В конце XIX века Александром Поповым был изобретен «беспроволочный телеграф». Социальные потребности развития общества обусловили бурное развитие и совершенствование этого нового вида связи, и вскоре вместо комариных писков азбуки Морзе в эфире зазвучал живой человеческий голос. Началась передача в эфир неограниченному числу слушателей речи и музыки. Возникло международное радиовещание, и капиталистические страны вступили в радиовоюну. В 30-е годы она становится общепризнанной реальностью. Буржуазные политики и теоретики пропаганды, социологи и журналисты стали проявлять пристальное внимание к этому феномену. Один из первых историографов радиовоюны американец Чарлз Роло, пытаясь кратко выразить ее сущность и характер, обратился даже к Шекспиру, взяв эпиграфом к своей книге «Радио вступает в войну» следующие строки из «Генриха IV»:

Внимайте все. Кто зажимает уши,
Когда гремит Молвы громовый голос?
Я к западу понурому с востока
На ветре мчусь, как на коне почтовом,
И разглашаю обо всех деяньях,
Готовых совершиться на земле.
На языках моих трепещет ложь;
Ее кричу на всех людских наречьях,
Слух наполняя вздорными вестями.
Про мир толкую, а меж тем вражда
С улыбкой кроткой втайне мир терзает.
И кто, как не Молва, кто, как не я,
Велит собрать войска для обороны,
Когда утроба времени чревата
Иной бедой, а не войной свирепой...

Однако, чтобы разобраться в сущности империалистической радиовойны, надо от шекспировского образа перейти к ее истокам, к историческим фактам.

ЗВУКИ ВСТУПЛЕНИЯ

В первой мировой войне радиосвязь на сравнительно дальние расстояния нашла широкое применение в целях шпионажа и разведки (союзники, например, забросили передатчики Маркони на оккупированную немцами территорию), для связи с нейтральными странами через кольцо блокады (так, немцы передавали послания в свое посольство в Вашингтоне посредством радио) и даже как средство общения с враждующими сторонами (например, американские мирные предложения по поручению президента Вильсона были переданы Германии по радио). Радио переживало тогда период технического младенчества, оно использовалось прежде всего в чисто утилитарных целях — именно для связи. Но объективные условия — экономические и политические интересы различных стран, интересы различных социальных слоев и классов — складывались так, что радио постепенно становится орудием пропаганды. И не просто пропаганды, а пропаганды международной.

В 1915 году Германия организовала службу радионовостей для зарубежных стран. Она обратилась к использованию радио по той простой причине, что телеграф находился под контролем союзников. Причем, несмотря на то, что новости передавались азбукой Морзе, организация немецкой радиопропаганды (это слово тут уже вполне применимо) имела много черт сходства с подобного рода деятельностью на более поздних этапах. Это была уже попытка оказать определенное влияние на общественное мнение нейтральных и неприятельских стран.

Немцы поступали следующим образом. Находившимся в нейтральных странах агентам Германии кроме шифрованных инструкций ежедневно передавались по радио сводки последних известий, комментарии и даже сообщения иностранных корреспондентов. Иногда эти материалы принимались и радиолюбителями. Затем различными путями новости, комментарии и сообщения попадали на страницы местных газет, которые с готовностью их использовали, тем более что поставлялись эти материалы бесплатно. Бесплатно, но отнюдь не бескоры-

стно. Так, в Соединенных Штатах в 1915 году было перехвачено шифрованное указание германским агентам в Северной Африке, какие слухи следует распространять среди местных племен. Историки радиовещания пишут, что эта, можно сказать, зачаточная форма международной радиопропаганды широко использовалась немцами в годы первой мировой войны на громадной территории между Персией, как тогда называли Иран, и Мексикой. Это был своеобразный пролог к империалистической радиовойне*.

В целях международной пропаганды стремилась использовать радио не только Германия, но и другие страны. Ярким примером в этом отношении служит передача по радио из Соединенных Штатов в начале 1918 года так называемых «14 пунктов» президента Вильсона, содержавших американскую программу мира. Псевдодемократическая фразеология «14 пунктов» прикрывала своекорыстные устремления Соединенных Штатов: не допустить раздела добычи без их участия, вырвать у Англии гегемонию на море, занять первое место в мировой торговле и создать такую международную организацию, которая стала бы орудием американских интересов на международной арене. И вот такую «программу мира», которую нельзя охарактеризовать иначе как империалистическую, по всему земному шару разнесли волны радио...

Но пока это лишь начало. Конечно, радиовойна не возникла внезапно. И ответ на вопрос, кто первый ее начал, для буржуазных историков до сих пор остается спорным. Ни Англия, ни ФРГ, ни тем более США не претендуют на пальму первенства. Попробуем разобраться в этом вопросе.

В годы между двумя мировыми войнами развитие международного радиовещания особенно стимулировалось открытием и усовершенствованием способа вести передачи на коротких волнах. Как средство массовой информации и пропаганды радио сразу же показало, что оно обладает по крайней мере двумя неопределимыми преимуществами по сравнению с печатью: время и

* С того момента, когда радиостанция «Авроры» послала в эфир весть о победе Октябрьской революции, мировая буржуазия начинает использовать в борьбе против молодой Советской республики радиотелеграф. Это также своеобразный пролог к империалистической радиовойне против сил мира и прогресса. (Подробнее о некоторых связанных с этим фактах см.: Митрофанов Н. Н. Радио Октября. День за днем. М., 1974, с. 57—59, 67—71, 95—96, 148.)

расстояние не являются для него препятствием. Для международной радиопропаганды это имело чрезвычайно важное значение.

Радиовещание—причем не только международное—развивалось бурно. К началу 30-х годов оно велось уже в 73 странах мира, а количество радиоприемников увеличилось с нескольких тысяч в 1920 году до 36 миллионов в 1933 году¹. Армия радиослушателей на земном шаре составляла уже около 140 миллионов человек². Границы для пропаганды фактически переставали существовать: почти полностью исключались контроль и цензура над ней со стороны того государства, население которого избиралось объектом воздействия, пусть даже эта пропаганда носила самый враждебный по отношению к правительству данной страны характер. Поэтому крупные капиталистические государства начинают быстро развивать международное коротковолновое радиовещание, превращая его в активный инструмент своей внешней политики, особенно если это была политика агрессивная.

Как на один из первых случаев межимпериалистической радиовойны историки указывают на столкновение между Францией и Германией из-за Рура. После поражения Германии в первой мировой войне Рур стал одним из важнейших узлов империалистических противоречий в Европе. Франция, стремясь к установлению своей гегемонии, пыталась добиться отделения Рура от Германии и в январе 1923 года вместе с Бельгией оккупировала этот промышленный район. Американская газета «Нью-Йорк таймс», информируя читателей о событиях в Руре, особое внимание уделила использованию нового политического оружия, радиовещания, в «столкновении между Берлином и Эйфелевой башней»³.

Германия и буржуазная Польша обратились к радиовещанию в их споре из-за Верхней Силезии. О том, насколько широко использовалась при этом радиопропаганда, свидетельствует тот факт, что в 1931 году, когда спор несколько поутих, Германия и Польша даже заключили между собой своеобразный «пакт о ненападении» посредством радиовещания.

Характерно, что американская печать в самом начале 30-х годов на все лады комментировала случаи использования радио как орудия внешнеполитической пропаганды. Аспекты, которые затрагивались при освещении данной темы, комментарии к событиям достаточно красноречиво говорили о том, что монополистический капитал США стремится извлечь для себя «полезный

опыт» из политических столкновений в эфире. Так, чаще всего обращалось внимание на то, что к этому средству прибегают там, где существуют «проблемы национальных меньшинств и пограничные диспуты», например в Дунайской области и в Латинской Америке — этой «классической зоне пограничных конфликтов, свидетельнице ряда радиостычек и споров, возникавших в связи с использованием радио эмигрировавшими членами потерпевших поражение правительств и фракций»⁴.

Одним словом, империалистическая буржуазия уже в те годы прекрасно понимала, какие возможности открывает при осуществлении программы широких территориальных завоеваний новый инструмент массовой пропаганды. И уже тогда вокруг радио начинается демагогическая игра буржуазных политиков и идеологов. Действия противника в области радиовещания порицаются, свои меры объявляются «профилактическими». Все это в конце концов выливается в своеобразную «гонку радиовооружений». Международный союз электросвязи делает попытки примирить враждующие стороны и предотвратить инциденты путем заключения двусторонних или многосторонних соглашений о неучастии во враждебной радиопропаганде. Но буржуазные правительства стран Европы и Америки продолжают «укреплять свое радиооружие посредством создания новых и более сильных станций, особенно вблизи границ и стратегических пунктов»⁵.

В США мысль об использовании радио в интересах успешного проведения собственной внешней политики зародилась на самой ранней стадии развития вещания. Еще в 1924 году в США появлялись работы, посвященные роли новейших видов связи во внешнеполитических отношениях. Правда, на первых порах радио рассматривается лишь в аспекте технического облегчения внешнеполитических контактов. Но именно к 1924 году, а не к началу 40-х годов, как пытаются уверять некоторые из американских авторов, относится начало международной деятельности США в области радиовещания. 25 мая 1924 года под покровительством Панамериканского союза, возникшего, как известно, в качестве инструмента закабаления монополиями США стран Латинской Америки, начались первые радиопередачи из США на Латинскую Америку.

«Дело» Панамериканского союза продолжили в 1929 году Национальная радиовещательная корпорация (Энби-си) и Колумбийская радиовещательная компания (Сиби-эс), начав выпуск передач на коротких волнах для

населения стран Латинской Америки. Но, будучи организациями коммерческими, названные корпорации действовали в этой области не очень энергично, что заставило крупнейших представителей монополистического капитала США при поддержке правительства предпринять более решительные шаги в направлении развития радиовещания на зарубежные страны. Так, в 1935 году организация под названием Всемирный радиовещательный фонд, существовавшая на средства Рокфеллеровского фонда, открыла передачи на коротких волнах, в первую очередь для населения стран Латинской Америки, а затем и для населения Европы.

К лету 1938 года американские дикторы вели специально подготовленные программы для Европы и Латинской Америки на шести иностранных языках. Иновещание только Эн-би-си равнялось уже тогда 16 часам в день⁶. Там был даже создан специальный отдел коротковолновых передач, в штате которого одних лингвистов насчитывалось около 40 человек.

Таким образом, правящие круги США вопреки распространяемому сейчас мнению о том, что американское правительство больше интересовала в то время возможность изолировать свой народ от иностранной пропаганды, чем состязаться с другими странами на «мировом рынке идей», занимали по вопросу развития собственной внешнеполитической радиопропаганды в 20—30-х годах далеко не пассивную позицию.

Историки американского вещания утверждают, что передачи, которые в те годы адресовались из Соединенных Штатов зарубежной аудитории, никак не были связаны с политикой, а касались лишь вопросов культуры. Трудно сейчас, спустя более полувека, проанализировать эти передачи и сделать вывод, насколько они касались политики, насколько — культуры. Однако непреложным фактом остается то, что радиопередачи направлялись в основном на те районы мира, которые США издавна считали сферой своего влияния, и прежде всего на страны Латинской Америки. Этим косвенно подтверждается, что иновещание США родилось в качестве инструмента империалистической политики. Недаром в середине 30-х годов правительственные эксперты, учитывая интересы монополистического капитала США, все чаще обращают внимание на недостатки в работе различных вещательных служб, в частности на Латинскую Америку, бьют тревогу по поводу вторжения туда голосов соперников из-за океана.

Оставляя пока в стороне этих заокеанских соперников, под которыми подразумевалась прежде всего фашистская Германия, остановимся на фактах, показывающих, каким образом вступила в радиовойну Великобритания.

В английской историографии международного радиовещания повторяется тезис, что Англия была вынуждена вступить в радиовойну, начатую фашистской Германией и фашистской Италией. В доказательство приводится обычно тот факт, что Британская радиовещательная корпорация (Би-би-си) выпустила в эфир первые передачи на иностранных языках лишь в 1938 году, то есть несколько лет спустя после того, как это сделали Германия и Италия. Иными словами, радио якобы стало использоваться англичанами в качестве орудия внешней политики лишь под прямым давлением агрессивных государств оси, и то только непосредственно перед началом второй мировой войны. Это не так.

Двадцатые годы нашего века в истории колониальных империй, в том числе и Англии, ознаменовались размахом национально-освободительного движения угнетенных народов. Правящие круги Англии, так же как и других капиталистических стран, старались принять все возможные меры для сохранения своего колониального владычества. Этому служила и радиопропаганда.

В мае 1927 года на совещании в министерстве по делам колоний высокопоставленные представители Би-би-си заявили, что они «осознают необходимость коротковолнового вещания для радиослушателей Британской империи», причем они не собираются «удовлетворять только сентиментальные чувства, которые вызывает за рубежом сам факт, что что-то слышно из другой страны»⁷. В этих словах, собственно говоря, было выражено полное понимание единства политических интересов тех, кто требовал открытия вещания на колонии, и тех, кто должен был явиться исполнителем. Международное вещание Би-би-си рождалось как инструмент колониального угнетения народов.

Процесс организационного, технического и политического совершенствования экспериментального коротковолнового радиовещания Би-би-си для колоний, начавшегося в ноябре 1927 года, продолжался пять лет. 19 декабря 1932 года состоялось торжественное открытие радиопрограмм для Британской империи. Основная цель этих программ, как пишет историк Би-би-си Эйс Бриггс, заключалась в том, чтобы «освещать положение дел в империи и неизменно подчеркивать ее единство»⁸.

В течение упомянутого пятилетнего периода в правительственных кругах Англии все чаще и чаще дебатировался вопрос об организации службы вещания на иностранных языках. Би-би-си с готовностью берет на себя выполнение и этой задачи. В 1929—1933 годах первый директор Би-би-си Дж. Рейт неофициально и официально обсуждает в правительственных кругах действенные меры по организации службы иновещания. Вместе с группой ответственных сотрудников Би-би-си он подготовил меморандум «О Британской империи и международном радиовещании», в котором обращалось внимание на то, что коротковолновые станции, ведущие передачи на иностранных языках, уже возникли в ряде стран и что они функционируют под непосредственным контролем правительств. «Британская империя,— подчеркивалось в меморандуме,— не может оставаться в стороне и располагает ничуть не меньшим правом, чем остальные,— правом распространять свои идеи и свою культуру»⁹. Вполне понятно, что и Рейта, и Би-би-си, и правительство Британской империи проблемы культурного уровня других народов тревожили не слишком сильно...

Организационное оформление иновещания Би-би-си в отдельную службу, как было отмечено выше, произошло лишь в 1938 году, и причины этого следует искать прежде всего в особенностях внешней политики Великобритании. Будучи озабочены в первую очередь «консолидацией» империи, правящие круги Англии предпочитали до поры до времени вести радиопропаганду на колонии и не спешили открывать вещание на иностранных языках, тем более что английское правительство взяло курс на «умиротворение» агрессора. Би-би-си получила указание от правительства придерживаться «политики сотрудничества». Однако к 1938 году она уже располагала значительным опытом схваток со своими противниками в эфире. Эти схватки вошли в историю международного радиовещания как «англо-итальянская радиовойна». Но об этом — чуть ниже, так как пора уже вспомнить о Германии.

Германия начала эксперименты с коротковолновым вещанием в сентябре 1925 года, проведя первое испытание опытного передатчика, сооруженного в Кёнигз Вустерхаузене, под Берлином. Фаза экспериментов продолжалась четыре года — до тех пор пока 26 августа 1929 года в Цезене, неподалеку от Кёнигз Вустерхаузена, не был открыт новый, весьма мощный по тем временам 8-киловаттный коротковолновый передатчик, именовав-

шийся «Всемирным». Через этот передатчик и начали выпускаться в эфир программы, предназначенные для «зарубежных немцев».

Стоит здесь, сделав отступление, отметить некоторые, как представляется, весьма красноречивые детали, связанные с внешней радиопропагандой Германии.

Еще в 1924 году одна из радиостудий в Берлине, передававшая на длинных волнах официальную государственную программу, которую можно было принимать в некоторых странах Европы, именовала себя «Немецкая волна». «Всемирный передатчик» выходил в эфир тоже под этим названием. Это была, так сказать, «Немецкая волна»-2. И в годы фашизма это название часто употреблялось применительно ко всему официальному нацистскому иновещанию. Нынешняя основная служба внешнеполитической радиопропаганды ФРГ тоже, как известно, называется «Немецкая волна». Получается, таким образом, что это уже «Немецкая волна»-4.

Да и другие детали, связанные с зарубежным вещанием Германии в период «второго» и «третьего» рейха, а также с вещанием ФРГ на зарубежную аудиторию, как бы подчеркивают преемственность во внешнеполитической радиопропаганде. Например, позывные. 20 октября 1928 года, то есть еще до того, как официально открылись передачи «Немецкой волны»-2, из Гамбурга была проведена международная трансляция оперы Бетховена «Фиделио». Такты мелодии «Брат ищет брата» и стали потом позывными «Немецкой волны»-2. С ними выходит в эфир и нынешняя «Немецкая волна», демонстрируя тем самым — сознательно или по неосмотрительности, — что она является в какой-то мере преемницей той давней радиостанции в области пропаганды идей пангерманизма и шовинизма.

Какое же отношение имели слова «Брат ищет брата» к пропаганде этих идей?

Первый, длившийся до 1933 года этап международного радиовещания Германии на коротких волнах, как писал один из видных деятелей фашистской радиопропаганды Г. Шрёдер, характеризовался якобы «ведением радиопередач, лишенных какого-либо идейного руководства»¹⁰. Ему вторил интендант* «Всемирного передатчика» Курт фон Бёкман, заявлявший, что у германских

* Так называлась должность руководителя иновещания в фашистской Германии. Звание «интендант» носят и руководитель теперешней «Немецкой волны».

коротковолновых программ периода 1929—1933 годов не существовало «ни концепции, ни понимания всего значения этого вида службы радиовещания»¹¹. Конечно, это неправда. И понимание, и концепция, и идейное руководство были. Недаром в ноябре 1932 года правительство Германии, проводя реформу радиовещания в стране, дало достаточно красноречивые указания для составления программ: «Радио служит всем немцам внутри и за границами рейха. Оно связывает с рейхом немцев, живущих за границей, и позволяет внутригерманским слушателям участвовать в жизни и судьбе зарубежных немцев. Возвращать идеи рейха—долг немецкого радио»¹².

Другое дело, что пропаганда идей пангерманизма и шовинизма велась пока и прежде всего в расчете на «заграничных немцев», чему соответствовали содержание, формы и методы пропаганды этих идей. «Открытой задачей коротковолнового радиовещания на зарубежные страны,—пишут западногерманские авторы Хейнц Лубберс и Вальтер Швиппс,—было наведение контактов с немцами, проживающими за рубежом, приобщение граждан других стран к немецкой культуре. «Всемирный передатчик» был очень представительной радиостанцией, которая с помощью хороших и типичных программ способствовала ознакомлению иностранных радиослушателей с событиями в культурной жизни немецкого народа»¹³.

Именно потому, что открытой задачей вещания объявлялось «наведение контактов» с «заграничными немцами», и были избраны такие позывные: Бетховен, «Фиделио», мелодия «Брат ищет брата»...

Как же происходило «наведение контактов» и «приобщение граждан других стран» к немецкой культуре? На этот счет имеются свидетельства современников,— правда, не немцев, а американцев, занимавшихся с чисто практическими целями изучением коротковолнового вещания из Германии. «В отношении «заграничных немцев»,—писали Джон Уиттон и Джон Герц,—задачей коротковолнового вещания Германии было прежде всего восстановить их знание и чувство немецкого языка. С этой целью радиовещание умно использовало настроение тоски по оставленной родине, искусно совершая переход от развлекательных передач к пропагандистским. Немцы транслировали баварские, швабские и силезские программы, передавали музыку из различных областей страны, вели передачи на германских диалектах, освещая в них

местные обычаи и события. Транслировались также специальные программы для зарубежных немецких организаций и институтов, например для немецких школ, и передачи, приуроченные к особым торжествам за границей, например к «дню немцев» или «дню воссоединения»... В этих передачах рассказывалось об истории немцев за границей, их достижениях, борьбе, их выдающихся деятелях, в них использовался почерпнутый из писем зарубежных слушателей материал, причем иногда какому-нибудь художественному произведению «иностранный немец» предоставлялось первое (впрочем, чаще последнее) место»¹⁴.

Совершенно очевидно, что ни музыка, ни рассказ о событиях культурной жизни Германии, ни развлекательные передачи не были самодовлеющими в программах «Немецкой волны»-2, не имели значения сами по себе. Это, грубо говоря, была наживка на крючке для тех, кто, живя вдали от родины, испытывал тоску по ней. Иными словами, упор делался на эмоциональное воздействие. Передача произведений искусства по радио и само радиоискусство смыкались с «искусством» пропагандистской манипуляции ради того, чтобы программы вызывали желательный эффект — внедряли в сознание слушателей идеи пангерманизма и шовинизма.

Но это было лишь начало, лишь своеобразный пролог к фашистской пропаганде на зарубежные страны...

«ОТ БЕТХОВЕНА К ГИТЛЕРУ»...

«В час ночи 1 апреля 1933 года четверо мужчин собрались в студии Берлинского радиодома. Красный свет — тишина. Голос диктора по-немецки, затем по-английски. Марш, излучаемый направленной антенной, пошел на Северную Америку. Это было официальным началом германского (читай: нацистского. — А. П.) вещания на зарубежные страны»¹ — так, весьма, как можно заметить, напыщенно, описывает первые минуты нацистской радиовойны Г. Шрёдер. Эту радиовоюну фашистская Германия вела вплоть до своего краха.

Захватив в 1933 году власть в Германии, Гитлер и его сообщники направляют свою деятельность на осуществление планов мирового господства. Главари «третьего рейха» обратили особое внимание на пропагандистскую силу радио как орудия реализации этих агрессивных планов. Характеризуя роль радиовещания в нацистской пропа-

ганде, Геббельс довольно цинично заявлял: «Без радио и самолетов завоевание и упрочение власти в нынешних условиях просто невысказано»².

Внимание, уделяемое нацистами пропаганде, нашло свое практическое выражение в том, что в марте 1933 года они создали первое в мире министерство пропаганды, в ведение которого была передана вся работа по пропагандистской деятельности за рубежом. Официально оно называлось министерством пропаганды и народного просвещения, однако никогда не ставило перед собой задачу просвещения и информации населения, а лишь распространяло такие «духовные ценности», как фанатическое чувство немецкого превосходства и ненависть к другим народам, преследуя «высокую цель» превращения всего мира в вотчину «арийской расы».

В соответствии с этими задачами была перестроена и работа немецкого радиовещания. Вновь созданная государственная организация «Германское радиовещательное общество» (РРГ) конфисковала паи многочисленных местных радиокompаний, нисколько не заботясь о юридическом обосновании своих действий. Вся техническая база радиовещания сосредоточилась в руках одной организации. Этот процесс завершился быстро. Постановлением от 1 апреля 1934 года все местные радиокompании были ликвидированы и единственной, притом государственной, радиокompанией в стране стала РРГ. Организационная структура РРГ была предельно упрощена. Среди шести ее отделов имелся и отдел, занимавшийся вещанием на зарубежные страны.

В распоряжении Гитлера и геббельсовского министерства пропаганды оказалась одна из наиболее технически совершенных в мире сетей радиостанций: 10 основных передатчиков, шесть из которых обладали огромной по тем временам мощностью в 100 киловатт, и 15 вспомогательных, менее мощных. Из Кенигсберга можно было вести радиопередачи на Польшу; из Гамбурга и Бремена — на Англию; из Штутгарта, Франкфурта-на-Майне и Саарбрюккена — на Францию.

1 апреля 1933 года, когда состоялась первая передача на Северную Америку, где проживало особенно много «заграничных немцев», иновещание фашистской Германии в течение двух часов использовало только две волны, было направлено лишь на одну зону и велось на одном иностранном языке — английском. К концу 1933 года передачи из фашистской Германии принимались уже помимо Северной Америки в Африке и Юго-Восточной

Азии. Программы посвящались политике нацистского государства и... немецкой музыке.

Это последнее обстоятельство ничуть не выглядит странным, если учесть, что первоначально организаторы нацистской внешнеполитической радиопропаганды, как несколько ранее и «Немецкая волна»-2, уверяли, будто основной задачей вещания на другие страны является «связь с рассеянными по всему миру немцами». Берлин считал, что в США проживает 7,5 миллиона лиц немецкого происхождения, в Великобритании—600 тысяч, в Аргентине—150 тысяч³. Немецкая музыка по радио якобы должна была помочь немцам, живущим за рубежом, «установить впервые после мировой войны связь с родиной».

Размах деятельности фашистского иновещания быстро расширялся и по объемам, и по числу языков, и по зонам. Из года в год прибавлялись новые зоны. В 1934 году было открыто вещание на Африку, Южную Америку, в 1935 году—на Южную Азию и Центральную Америку, в 1939 году—на арабский мир. В 1939 году передачи иновещания фашистской Германии велись на 18 волнах круглосуточно и предназначались для восьми геополитических зон. Велись они на семи языках, а их среднесуточный объем равнялся 75 часам. Так создавалась «тоталитарная система коротковолнового вещания», как называли фашистское иновещание исследователи радиопропаганды того времени.

Молодое искусство радиовещания в широком смысле этого слова и собственно искусство, например музыка, все шире использовались фашистской пропагандой на зарубежных странах в целях манипулирования массовым сознанием. Достаточно полное представление о том, как выполнялась поставленная нацистами задача «перейти от Бетховена к Гитлеру», то есть с достижений старой немецкой культуры, воплощенных в истории и искусстве, науке и технике, переключиться на славословие фашистской Германии, дается все тем же Г. Шрёдером. «Поразительно большим оказался успех немецкой музыки,—писал он.—Немец, проживающий за границей, оказался чувствительным в отношении произведений, перед названием которых стоит слово «опус», хотя тут и наблюдались некоторые различия... При составлении концертных программ пришлось ввести дифференциацию по зонам, чтобы концерты удовлетворяли массовые желания радиослушателей как по своему содержанию, так и по форме»⁴. В знании вкусов аудитории Шрёдера не откажешь. Другое

дело, во имя каких целей шло нацистское иновещание на удовлетворение «массовых желаний».

Исследователи считают, что нацистские зарубежные радиопрограммы складывались из пяти основных элементов: развлекательных, культурных передач, репортажей, бесед и последних известий. «Из этих элементов,— писал американский исследователь Филипп Джейкоб,— основой программ являлись развлекательные передачи, несмотря на то, что радиовещание национал-социалистского государства считало своей функцией достижение культурных и политических целей»⁵.

Безусловно, слово «культурных» употреблено здесь неправомерно, хотя статистические данные, касающиеся нацистского радиовещания 1935—1939 годов для зарубежных слушателей, будто бы подтверждают тезис о «развлекательном» характере программ. Так, музыка занимала в 1938—1939 годах почти 70 процентов общего объема вещательного времени, а новости, репортажи и беседы лишь чуть более 22 процентов⁶. В чем же тут дело?

При сопоставлении этих сведений с изложенными в выступлениях Геббельса и самого Гитлера целями нацистского вещания становится ясно, что развлекательные передачи служили лишь приманкой. Только дав зарубежному слушателю возможность развлечься и отдохнуть, нацистское радио вело его к более «высокой ступени», исподволь приучая к передачам другого рода.

Конечно, программы, состоящие исключительно из политических материалов, например речей Гитлера, не могли бы должным образом служить «нацистскому делу»: устав напрягать внимание, слушатель просто выключил бы радио. Совершенствуя «искусство» манипулирования аудиторией путем использования музыкальных программ, геббельсовские «теоретики» поучали: «Развлекательные программы должны быть легкими, но не пустыми, должны нравиться простому, необразованному человеку, но в то же время давать что-то требовательному и более сложному слушателю. Однако,— говорилось далее,— не надо всяких сверхнаучных предисловий, которые дают человеку почувствовать, что для понимания этих музыкальных произведений ему следует окончить по крайней мере два факультета»⁷.

По свидетельству современников, передачи серьезной музыки, как классической, так и современной, хороших концертов, «общеобразовательных программ», курсов обучения немецкому языку и т. д. стяжали иновещанию

фашистской Германии международную известность. Так, искусно манипулируя интересами аудитории, нацистское радио последовательно вело своих слушателей «от Бетховена к Гитлеру».

«СКРИПУЧАЯ СИМФОНИЯ»

В 30-е годы радиовещание на зарубежные страны быстро стало опасным оружием в руках империалистических кругов различных государств — как «тоталитарных», так и «демократических» — в их борьбе за передел мира. Как писал американский социолог Чарлз Сипманн, «ни один из политических кризисов в тридцатые годы не обходился без аккомпанемента радио. Гражданская война в Испании, борьба Китая с Японией, мюнхенский кризис — все это отражалось в новых, скрипучих симфониях звука на коротких волнах»¹.

Отводя радио чрезвычайно важную роль в осуществлении бредовых планов Гитлера по установлению «нового порядка» в Европе, нацисты сразу же после захвата власти начали широко использовать это средство в развернутой ими пропагандистской кампании за пересмотр Версальского договора. Эфир над Европой стал ареной радиовойны. При мощных передатчиках в Мюнхене и Лейпциге работает огромный пропагандистский аппарат, задачей которого является подготовка радиопередач на население европейских стран. В январе 1935 года открывается вещание на французском языке через передатчик в Саарбрюккене. Идет массивная атака на умы европейцев. В ход пускаются аргументы о «возрастающей большевистской угрозе», о «святом долге» немецкой нации — спасти мир, о необходимости для нее «жизненного пространства».

В 1935 году Германия отказывается от обязательств по Версальскому договору и вводит всеобщую воинскую повинность. Эта акция представляется в передачах на зарубежные страны как гуманное действие, продиктованное заботой немецкой нации о защите от «посягательств большевизма».

Нацистская радиопропаганда идет в наступление и на других фронтах эфира. В 1936 году радио гитлеровской Германии организует мощную кампанию лжи в связи с фашистским мятежом в Испании. Оно оправдывало этот мятеж ссылками на «большевизацию» Испании, якобы приведшую страну к хаосу и анархии, трубило о «совет-

ской интервенции» в Испании, не говоря при этом ни слова о военном вмешательстве Германии и Италии. Появление германских военных кораблей вблизи испанских берегов объяснялось необходимостью эвакуации и защиты немецких граждан. Лишь после окончания войны в Испании нацистским пропагандистам было разрешено говорить о военном участии Германии в мятеже. И здесь они не пренебрегли возможностью лишний раз восхвалить силу немецкой армии, подчеркнуть непобедимость вермахта.

Следует сказать, что нацистская радиопропаганда и радиопропаганда испанских фашистов шли «в одной упряжке». Генерал Франко отлично понимал, какое значение имеет радио как орудие войны. По его приказанию была выстроена мощная радиостанция, которая передавала националистические программы на всю страну, — так называемое «Национальное испанское радио». Эта, а также другие радиостанции, находившиеся в зонах, контролируемых войсками Франко, были отданы в распоряжение военного агентства, которому вменялось в обязанность осуществлять пропаганду и на Испанию и на зарубежные страны. Использовались также радиопередатчики, расположенные за пределами Испании. Так, радиостанция Тетуан в Марокко вела передачи на арабском языке. Франкистское радиовещание готовило и специальные программы, адресованные борцам, сражавшимся в рядах интернациональных бригад против фашистских мятежников. Такие передачи велись на французском и даже на русском языке.

Был у нацистской Германии и еще один единомышленник — Италия. Фашистские группировки в Италии усиленно использовали радиоволны, стремясь оправдать перед всем миром свою агрессию в Абиссинии. Радиостанции Рима, Бари, Триполи, Аддис-Абебы вели передачи на десяти языках: английском, французском, итальянском, языках балканских стран, на турецком и арабском.

Политика экономических санкций, примененная Англией и Францией против Италии в защиту своих империалистических интересов, вызвала ярость итальянских фашистов. Они начали широкую антифранцузскую и антианглийскую «кампанию ненависти» на Ближнем и Среднем Востоке, в странах, соседствующих со Средиземным морем. Англичане быстрее французов реагировали на итальянскую пропаганду. В эфире разгорелось настоящее сражение, получившее, как упоминалось выше, название «англо-итальянская радиовойна». Она продол-

жалась с 1935 по 1938 год и считается первой крупномасштабной империалистической радиовойной.

К этому времени нацисты изложили и уже начали осуществлять на практике свои «новые законы радиоискусства» — «драматургию радиопропаганды», направленной, как выражался один из ее организаторов в фашистской Германии А. Раскин, на то, чтобы «покорять человеческое сознание, кристаллизовать представления, передавать их другим поколениям, уничтожать и разрушать, строить и ломать»². Иначе говоря, они развили и усовершенствовали технологию обработки массового сознания — ту «технологию» обмана, лжи, демагогии, которой испокон веков владела буржуазия. Обе стороны в англо-итальянской радиовойне с готовностью применяли эти «новые законы радиоискусства».

Итальянцы в самом начале столкнулись с обескураживающим явлением: у арабов не было радиоприемников, и многие из них даже не знали, что такое радио! Правительство Муссолини нашло простой, хотя и не очень-то дешевый выход: начало распространять бесплатно среди потенциальной аудитории радиоприемники, настроенные только на одну радиостанцию — Бари, расположенную на «каблуке итальянского сапога». Были и другие проблемы. Например, у арабов было мало часов. Как информировать их о времени передач? Радио Бари и тут нашло выход: дикторы стали ориентировать слушателей на время восхода и захода солнца. Мало радиоприемников? Они устанавливались в местах, где собиралось много людей, например в духанах, чайханах, куда крестьяне или городские жители приходили отдохнуть после рабочего дня. Неграмотность? Что ж, это только облегчает дело.

На различных арабских диалектах Бари ежедневно сообщало своим слушателям леденящие душу новости о том, как английские летчики использовали газ против арабских племен в Адене, о «мятеже против виски и картошки» в Трансиордании, потчевало египетского феллаха или живущего в пустыне бедуина, лишенных иных источников информации и поэтому готовых верить каждому слову по радио, и другими, нередко фантастическими историями. Например: «Вы, арабы, — большие любители чая, который привозят к вам из Британской империи. У нас есть достоверные сведения, что англичане подкрашивают чай, который вы пьете, кровью свиней»³. Такими методами создавался портрет англичанина, а Муссолини при этом выглядел, конечно же, «первым защитником ислама». Затем шли развлекательные передачи, состояв-

шие из арабских сказок, стихов и музыки. Показательно, что радио Бари пригласило для участия в своих программах двух популярных арабских певцов, исполнявших песни до и после «новостей».

Со временем англичане, как говорится, «обошли» итальянцев. В январе 1938 года Би-би-си создала арабскую службу, и англичане сразу же перешли в контрнаступление. Так же как их итальянские противники, они начали распространять в арабском мире радиоприемники с фиксированной настройкой. На Би-би-си были приглашены два опытных специалиста с каирской радиостанции, начался выпуск новостей, «развлекательных картинок», бесед известных в арабском мире проанглийски настроенных политических лидеров. Был взят на вооружение ислам. В ответ на «двух арабских певцов» радиостанции Бари Би-би-си стала передавать проповеди влиятельного мусульманского религиозного деятеля Мухамеда Абдуллы Вакаба, читать Коран. В течение рамадана, когда каждый правоверный мусульманин постится с утра и до захода солнца, Би-би-си живописала, как проводит пост Абдул Мустафа аль-Марагхи — тоже известный авторитет в мусульманском мире.

Таким образом, Би-би-си внесла свою лепту в совершенствование «драматургии радиопропаганды». Несмотря на прямолинейному подходу итальянских фашистов к аудитории, то есть использованию в высшей степени эмоциональных сообщений, например о зверствах англичан, она противопоставила подход более тонкий, базирующийся на использовании религиозных настроений слушателей. «Несмотря на то, что арабы на протяжении некоторого времени предпочитали красочные излияния радио Бари респектабельному фактологическому стилю Би-би-си, — как бы подводя итоги англо-итальянской радиовойны, замечает американец Чарлз Роло, — их детская вера в правдивость передач Бари пошатнулась»⁴.

Через две недели после того, как Би-би-си начала вещать на арабском языке, нацистское радио пришло на помощь своему партнеру. Италия сконцентрировала внимание на Франции, а Германия занялась вплотную антианглийской пропагандой. К этому времени открыто провокационная и подстрекательская роль фашистского вещания в осуществлении политики захватов и аннексий проявилась уже полностью.

Еще в 1934 году в Мюнхене был создан специальный центр пропаганды против Австрии. Первая попытка аншлюса в 1934 году не удалась. После этого радиопере-

дачи на Австрию были временно прекращены. Центр тяжести в фашистской внешнеполитической пропаганде переместился на соседей Австрии с целью уменьшить их противодействие гитлеровскому плану захвата этой страны. К 1938 году в эфире вновь вспыхивает злобная кампания против Австрии. Особый упор делался на единстве этнического происхождения австрийского и немецкого народов — для обоснования вывода о «древнем праве» немецкой нации считать австрийскую землю частью своего «жизненного пространства».

В марте 1938 года немецкие войска вступают в Австрию. Конечно, аншлюс был осуществлен посредством военной оккупации страны, путем массового террора в отношении противников нацизма. Но и радиопропаганда сыграла тут свою роль. В Вене создается специальное управление имперской пропаганды, которое продолжило демагогическую кампанию среди австрийского населения под лозунгом «каждому — свое»: германский рейх обеспечит рабочим постоянную работу, крестьянам поможет снять хороший урожай, в интересах австрийских торговцев покончит с конкуренцией евреев, буржуазии даст новые рынки и новые прибыли. Нацистская пропаганда в сочетании с массовым террором возымела действие: в апреле 1938 года на состоявшемся в Австрии плебисците удалось добиться «одобрения» аншлюса значительной частью австрийского населения.

После захвата Австрии очередной жертвой фашистской Германии стала Чехословакия. Античехословацкая пропагандистская кампания началась сразу же после прихода Гитлера к власти, и в центре ее стоял вопрос о немецком национальном меньшинстве в Чехословакии. Радиопередачи из Германии для судетских немцев стремились разжечь ненависть к чехам, другим славянским народам, призывали слушателей вспомнить о своей принадлежности к «великой немецкой нации» и о «долге перед рейхом». В передачах для других стран вопрос о судетских немцах превращался в международную проблему, был выдвинут тезис о «незаконном существовании Чехословакии на немецкой земле», внушалась мысль о «гуманном долге» Германии освободить своих собратьев от «чехословацкого угнетения». С 1935 года эта враждебная кампания велась строго организованно и планомерно. Целью ее было спровоцировать столкновение между народами Чехословакии. Судетские немцы изображались как угнетенные, бесправные, было выдвинуто требование предоставить им право на самоопределение. Под лозун-

гом «защиты немецкой нации от притеснения» фашистские войска и вступили в марте 1939 года на территорию Чехословакии.

Следующим основным объектом нацистской внешней пропаганды становится Польша. До 1934 года отношения Германии с Польшей были очень напряженными. Но в январе 1934 года между ними был подписан договор о ненападении, и антипольская пропаганда временно прекратилась. Нацистское радио разглагольствовало о «новой эре» в германо-польских отношениях, подчеркивалось стремление обоих государств к сотрудничеству, единство взглядов на международные проблемы. Тем временем в Берлине составлялись планы захвата и порабощения Польши. Это была хорошо проверенная тактика нацистов: в то время как против одной страны велась усиленная злобная кампания, пропаганда на ее соседей носила дружественный характер и стремилась обеспечить поддержку действиям рейха.

С января 1939 года начинается пропагандистская война против Польши. Польское правительство обвинялось в несправедливом отношении к немецкому меньшинству, в стремлении «окружить Германию».

В развязывании военных действий против Польши, ставших началом новой мировой войны, радио была отведена не последняя роль. Утром 1 сентября 1939 года радио фашистской Германии распространило лживую версию о вторжении поляков, а затем — заявление германского правительства о стремлении к мирному урегулированию германо-польского конфликта. Эти передачи имели целью обмануть мировое общественное мнение и возложить ответственность за нацистскую агрессию на Польшу.

Следует отметить, что радиовойна велась фашистами и на других фронтах эфира, например в Латинской Америке.

Латинская Америка занимала важное место в планах Гитлера, поэтому и радиопропаганда на нее придавалось особое значение. Этот регион должен был стать сырьевым придатком фашистской Германии, сферой неограниченного господства германского капитала. Экономическая, военно-политическая и идеологическая экспансия в Латинскую Америку была одной из первоочередных задач в нацистских планах мирового господства. В Африку, Южную Азию, на Ближний и Средний Восток германскому капиталу проникнуть было значительно труднее вследствие «перенаселенности» этих колониальных рай-

онов мира капиталами других держав; в сказочно богатой Латинской Америке предстояла лишь конкуренция с американскими монополиями, позиции которых Гитлер надеялся легко пошатнуть. Поэтому вслед за началом вещания на США последовали регулярные передачи на Латинскую Америку.

Бесноватый фюрер следующим образом сформулировал задачи идеологического проникновения в латиноамериканские страны: «Мы дадим им и то и другое — капитал и предпринимательский дух. Мы дадим им и третье — наше мировоззрение. Надо настроить эти народы так, чтобы они сумели опрокинуть либерализм вместе с демократией... надо послать им наших людей. Наша молодежь должна учиться колонизации»⁵.

Особенный упор в радиовещании на Латинскую Америку, как уже говорилось, делался на работу с немецким населением этого региона. Подрывная пропаганда, как и в Европе, велась под прикрытием лозунга «отстаивания прав немецкого меньшинства». В действительности же немецкие поселения рассматривались как непосредственные проводники нацистской идеологии. Задачей радиопропаганды было активизировать деятельность местных фашистских организаций, направить их работу на подготовку государственных переворотов с целью создания профашистских режимов, на провоцирование войн и военных конфликтов между латиноамериканскими странами, на организацию террористических актов против тех, кто мыслит не по фашистскому образцу.

В 30-е годы фашизация стран Латинской Америки приняла угрожающие размеры. Возникали многочисленные молодежные и даже женские фашистские организации, в некоторых странах — отделения национал-социалистской партии. Направленный поток массовой пропаганды в сочетании с необычайной активностью германских монополий укрепили позиции Германии в Латинской Америке. Американцы даже опасались нападения Германии с латиноамериканского плацдарма.

...Почти с первых дней фашистского вещания на зарубежные страны в эфире зазвучали хвастливые песни штурмовиков и «Гитлерюгенда», в том числе и такие, как «Сегодня нас слышит Германия, а завтра услышит весь мир». Рефрен этой песни в приказном порядке был превращен в позывные фашистского иновещания — взамен устаревшего «Брат ищет брата». Следует признать, что за годы, предшествовавшие второй мировой войне, германское радио, и в частности вещание на

зарубежные страны, как считали сами нацистские главы, полностью оправдало их надежды, став важным орудием их агрессивной внешней политики.

В «скрипучей симфонии», главными исполнителями которой в эфире были фашистская Италия, «владычица морей» Англия и франкистская Испания, радио «третьего рейха» вело партию первой скрипки.

Ну а Соединенные Штаты?

БЕЗУЧАСТНЫЙ ЗРИТЕЛЬ?

Современные буржуазные историографы, в особенности американские, стремятся подчеркнуть, что США в 30-е годы были всего лишь безучастным зрителем в разгоревшейся империалистической радиовойне. Конечно, это не так. Вещание на зарубежную аудиторию из США, как уже говорилось выше, осуществляли во второй половине 20-х и в 30-е годы Панамериканский союз, а также Эн-би-си, Си-би-эс, Всемирный радиовещательный фонд и другие частные радиоцентры, существовавшие на средства американского монополистического капитала и, следовательно, защищавшие его экономические и политические интересы на международной арене.

Этот первый период в истории радиопропаганды США на зарубежные страны продолжался до мая 1938 года, когда учреждается государственная организация, специализирующаяся так или иначе на вопросах внешнеполитической пропаганды, — Междепартаментский комитет по научному и культурному сотрудничеству с американскими республиками. Одновременно создается Отдел культурных сношений государственного департамента Соединенных Штатов. Стоит обратить внимание на то, что в названиях этих служб навязчиво используется слово «культура».

В работах многих американских авторов есть попытки приуменьшить значение первого периода в истории американского иновещания. Они отрицают, во-первых, какую-либо его связь с внешней политикой, а, во-вторых, усиленно подчёркивают, что это были небольшие программы, охватывающие своим воздействием — скорее культурным, нежели информационным, — малое число людей. На самом же деле бросаются в глаза широкие масштабы использования материальных ресурсов и финансирования внешней радиопропаганды со стороны американских монополистических объединений. Это позволя-

ет сделать вывод, что уже тогда зарождавшийся аппарат внешнеполитической радиопропаганды сращивается с монополистическим капиталом Соединенных Штатов, откровенно стремившимся к экономической и политической экспансии. Тот факт, что от имени правительства Соединенных Штатов радиопропаганда еще не ведется, принципиального значения не имеет. Тем более что именно к концу этого периода предпринимается ряд мер, направленных на то, чтобы сосредоточить контроль над инновационным в руках правительства.

В 1937 и 1938 годах на свет один за другим появились три законопроекта, рекомендовавших для ведения пропаганды на зарубежные страны создание коротковолновых станций, финансируемых правительством и ему принадлежащих. Но, как пишет Чарлз Сипмани, «оппозиция из радиоиндустрии их провалила, очевидно, боясь присутствия правительственного радио в этой, пусть явно недоходной, области»¹. Это была лишь игра в оппозицию, что и подтвердил дальнейший ход событий.

Второй период в истории американской радиопропаганды на зарубежные страны охватывает время с мая 1938 года по февраль 1942 года и характеризуется усиленными поисками организационных форм ее осуществления. В этот период возникают различные органы, функцией которых является ведение пропаганды на зарубежные страны. И в частности,— радиопропаганды, которая все более и более попадает под правительственный контроль.

В мае 1939 года Федеральная комиссия связи принимает решение относительно так называемых «любительских» радиостанций, ведущих передачи на международном уровне. В решении, в частности, указывается, что радиостанции, ведущие передачи на зарубежные страны, должны иметь мощность как минимум 50 киловатт и оборудоваться специальными направленными антеннами, увеличивающими мощность сигнала по меньшей мере в 10 раз. Этот шаг, как пишет Чарлз Роло, «значительно повысил престиж американского радио в мире»². Одновременно был положен конец игре в оппозицию развитию вещания США на другие страны, что еще позволяло себе некоторые радиоконпании, и началась, как писали тогда, «разумная кооперация радиоконпаний с правительством» в этой сфере.

В августе 1940 года начинает функционировать так называемое Управление координатора коммерческих и культурных связей между американскими республиками.

На эту должность был назначен Нельсон Рокфеллер — представитель одного из самых финансово могущественных семейств Соединенных Штатов, владелец крупнейшей радиостанции, которая вела передачи на Латинскую Америку.

Нельзя не увидеть прямой связи между этим органом, специально предназначенным для ведения внешнеполитической пропаганды, и напряженной международной обстановкой, существовавшей в то время в мире. Она послужила еще одним толчком для форсирования мероприятий, направленных на создание правительственного, строго централизованного аппарата внешнеполитической пропаганды, в том числе и радиопропаганды.

Здесь следует сказать, что правительственные органы США заблаговременно изучили и проанализировали опыт своих противников в радиовойне, связанный, по определению нацистских специалистов, с «драматургией радиопропаганды». Эта задача была поручена ряду организаций, занимавшихся теоретическими разработками в сфере пропаганды. Кроме того, в ноябре 1939 года было создано специальное учреждение, которое в американской литературе именуют пионером в области изучения иностранного коротковолнового радиовещания. Действительно, ни в одной другой стране мира в то время не существовало подобной организации. Она считалась научной и называлась «Принстонский университетский центр по прослушиванию». Это была, по существу, четко организованная служба радиоперехватов, которую возглавил опытный специалист в области пропаганды Хэрвуд Чайлдс. Коллектив Принстонского центра прослушивал и стенографировал передачи зарубежных радиостанций, подвергал их анализу и давал соответствующие рекомендации правительственным органам, занимавшимся вопросами внешней политики.

В июне 1941 года функции Принстонского центра были переданы федеральному учреждению — Наблюдательной службе Федеральной комиссии связи. Центр под руководством Чайлдса подвел итог своим работам в капитальном труде, обобщившем материал, полученный этим учреждением почти за два года его деятельности. На примере Германии, Италии, Англии и Франции было прослежено использование радио как инструмента внешней политики, был проведен анализ внешнего радиовещания этих стран с указанием его сильных и слабых сторон, даны рекомендации относительно возможностей применения тех или иных форм

передач для зарубежной аудитории. В специальной главе речь шла о теоретических основах использования искусства радио в пропаганде. Наконец, сам Чайлдс, резюмируя сказанное коллегами, писал об имеющихся возможностях ведения Соединенными Штатами радиопропаганды на зарубежные страны, подчеркивая ценность последней для осуществления целей внешней политики. Этот сборник носил название «Пропаганда на коротких волнах», насчитывал более 350 страниц текста и по праву может считаться одним из первых фундаментальных исследований империалистической радиовойны, проведенных в чисто практических целях совершенствования подрывной пропаганды.

Одновременно осуществляются новые меры по организации и развитию правительственного аппарата внешне-го радиовещания. Радиостанция Рокфеллера при тесном сотрудничестве с правительством расширяет передачи на Латинскую Америку. Для снабжения пропагандистскими материалами этой, а также других частных радиоконпаний, ведущих передачи на иностранных языках, в Нью-Йорке создается специальная группа. Руководит ею драматург Роберт Шервуд. К работе привлекаются люди самых разных специальностей: эксперты по рекламе, психологи, специалисты-психоаналитики, артисты, литераторы, а также политические эмигранты, в числе которых были немецкие профессора и даже японский писатель, работавший в японском посольстве.

Продолжается и совершенствование структуры органов внешнеполитической пропаганды, причем — и это следует особо подчеркнуть — намечается тенденция к объединению их с разведкой. В июле 1941 года Управление координатора коммерческих и культурных связей было преобразовано. Еще до официального объявления о реорганизации был назначен руководитель нового учреждения — адвокат и бывший офицер Уильям Донован, или, как его прозвали, Дикий Билл. В историю внешнеполитической пропаганды США это учреждение так и вошло под названием «Комитет Донована».

История «Комитета Донована» раскрывает еще одну неприглядную сторону внешнеполитической пропаганды США. Созданное как специальное правительственное учреждение, в функции которого входил сбор разведывательных данных о других государствах, тайная политическая деятельность в них, организация саботажа, политических убийств и т. д., это агентство, являвшееся предшественником теперешнего Центрального разведывательно-

го управления, первоначально даже не имело официального названия, а должность его руководителя, вышеупомянутого Донована, именовалась умышленно безобидно — «координатор информации».

В том же 1941 году внутри «Комитета Донована» был создан отдел, получивший наименование Службы зарубежной информации, где постепенно и начинает сосредотачиваться вся работа по ведению радиопередач на зарубежные страны. Службу зарубежной информации возглавил все тот же Шервуд. Так уже на раннем этапе иновещание США оказалось связанным с разведкой, а его развитие пошло по двум каналам — «частному» и «государственному», — что, как покажет будущее, явится одним из основополагающих принципов всей системы американской внешней радиопропаганды. Об этих истоках связи иновещания США с разведкой американские историки предпочитают или умалчивать вообще, или же ограничиваться замечаниями вроде тех, что делает Томас Соренсен: «Конгресс и общественность мало знали об этой форме пропаганды, что, по всей вероятности, было даже к лучшему, так как законность основы этого мероприятия была весьма сомнительной»³.

Впрочем, «законная основа» отыскалась быстро. Эксперты нашли юридическое обоснование действий правительства США в области создания технической базы государственного вещания на зарубежные страны в разделе 606(С) главы 6-й Акта связи от 1934 года. Он гласил: «Когда Президент объявляет о войне или об угрозе войны, или о постигшем государство несчастье, или о каком-либо ином чрезвычайном событии национального значения или действует в целях сохранения нейтралитета Соединенных Штатов, Президент может на предусмотренный им срок приостановить или изменить правила и постановления, касающиеся некоторых или всех станций в пределах юрисдикции Соединенных Штатов, предписаний Комиссии (имеется в виду Федеральная комиссия связи. — А. П.), может закрыть некоторые станции для радиосвязи, произвести изъятие их аппаратуры и оборудования или поручить контроль на некоторых станциях государственным департаментам, при справедливой компенсации владельцам»⁴.

Опираясь на вышеуказанный документ, правительство США создает в конце 1941 — начале 1942 года ряд государственных и объединяет 11 частных коротковолновых станций и еще более активно вступает в разгоревшуюся радиовоену. 24 февраля 1942 года прозвучали пер-

вые передачи официальной, правительственной радиостанции «Голос Америки» на немецком и итальянском языках. Кстати сказать, эти первые передачи ретранслировались семью передатчиками Би-би-си, что можно считать началом конкретного сотрудничества Соединенных Штатов Америки и Великобритании в области международной радиопропаганды.

Именно с 24 февраля 1942 года и ведут буржуазные историки официальную летопись радиопропаганды США на зарубежные страны, расценивая весь предыдущий период ее развития лишь как «частные попытки» и утверждая, что между этими «попытками» и американской внешней политикой не существовало никакой связи.

Мало того, само начало истории «Голоса Америки» рисуется этакими идиллическими розовыми красками, чуть ли не как стихийный процесс. Так, например, в рекламном проспекте ЮСИА к 25-летию «Голоса Америки», выпущенном в 1967 году, живописуется, как холодным февральским вечером 1942 года двое мужчин, прибыв в Нью-Йорк и не выпив даже чашки кофе в привокзальном ресторане, наняли такси и приказали шоферу мчаться на Ист-Сайд, Мэдисон Авеню, как без всяких формальностей они получили информацию о новостях дня и, вбежав в импровизированную радиостудию, прочли сообщение в эфир на немецком и итальянском языках. Это были репортеры Роберт Бауэр и Джорджио Падовано, владевшие немецким и итальянским. Новости были плохими. Однако, как фарисейски говорится в рекламном проспекте, «даже в этот первый день, во время первой передачи был соблюден принцип, лежащий в основе деятельности «Голоса Америки»: «Новости могут быть плохими или хорошими, но мы будем говорить вам правду»⁵.

Так цветисто и в достаточной степени демагогически описывается начало истории американской радиопропаганды на зарубежные страны. На самом же деле ее история, как было показано, начинается почти двумя десятилетиями раньше...

Небезынтересно отметить следующий момент, имеющий отношение к американской внешнеполитической радиопропаганде. В сентябре 1936 года в Женеве состоялась конференция по радиовещанию, проводившаяся Международным союзом электросвязи. Из-за превращения радио в серьезное орудие внешней политики, особенно таких агрессивных государств, как фашистская Германия и Италия, становился злободневным вопрос о между-

народном правовом регулировании вещания на коротких волнах, о выработке каких-то общих, приемлемых для всех стран принципов деятельности в данной области. С этой целью и собрались в Женеве представители около сорока стран. На конференции не было лишь представителей фашистской Германии, милитаристской Японии и... Соединенных Штатов Америки. Последние саботировали конференцию под тем предлогом, что они-де «не ведут международных передач». Фактически, как мы знаем, дело обстояло иначе.

Женевская конференция все же выработала конвенцию относительно принципов международного вещания. Этот документ обязывал все государства наблюдать за тем, чтобы их радиостанции, как государственные, так и частные, не призывали к войне или к актам, могущим вызвать войну, чтобы участники конвенции не вели передач на другие страны, содержащих неправильные и могущие повредить добрым отношениям между народами сведения, и, наконец, чтобы происходил обмен сведениями, полезными для дела упрочения мира.

Не участвуя в конференции, Соединенные Штаты, так же как фашистская Германия и некоторые другие страны, не присоединились к женевской конвенции, хотя такая демонстрация доброй воли могла бы иметь определенное значение для сдерживания агрессора. Уже тогда, как и сейчас, США препятствовали международно-правовому регулированию обмена информацией, ибо это не соответствовало планам их империалистической внешней политики.

ТРЕХЦВЕТНЫЙ ГРИМ

Конечно, между внешнеполитической радиопропагандой Англии и США, с одной стороны, и радиопропагандой фашистской Германии — с другой, в годы второй мировой войны нельзя ставить знак равенства. Можно спорить, например, с историками Би-би-си о том, в какой степени радиопропаганда Англии способствовала достижению военной победы антифашистской коалиции: они склонны преувеличивать роль своей радиопропаганды в этом отношении. Но представляется бесспорным, что, даже входя в антигитлеровскую коалицию, английские верхи вели «двойную игру», продолжая выступать и против СССР. Бесспорно и другое: вторая мировая война явилась для капиталистических стран хорошей школой дальней-

шего совершенствования стратегических и тактических принципов, концепций и приемов манипулятивной радиопропаганды, что в конечном итоге обусловлено самой сущностью буржуазной идеологии, определяющей формы и методы пропагандистского воздействия.

Общее в радиопропаганде фашистской Германии, Англии и США периода второй мировой войны проявляется, например, в разработке и практическом применении концепции так называемой «трехцветной пропаганды». Именно здесь невольно возникают ассоциации с искусством гримировки актера. Нечто подобное — наложение «грима» с помощью «белой», «черной» и «серой» красок — нашло применение и в «драматургии радиопропаганды», которая столь тщательно разрабатывалась вещанием империалистических стран в годы второй мировой войны.

Фашистская Германия к началу войны уже накопила большой опыт ведения подрывных действий на «четвертом фронте», то есть в эфире, и располагала огромным, строго централизованным и хорошо оснащенным аппаратом внешнеполитической радиопропаганды. Были разработаны подробнейшие инструкции для осуществления различного рода пропагандистских кампаний и акций в зарубежных странах. В ходе второй мировой войны нацистские концепции внешнеполитической радиопропаганды получают дальнейшее развитие.

В сентябре 1939 года Геббельс издал распоряжение о централизации руководства иновещанием, его техническом оснащении, подготовке кадров. К этому времени, как указывалось в постановлении министерства пропаганды от 23 октября 1939 года, в эфир ежедневно передавалось 113 передач на 15 языках, а в сопроводительном письме к постановлению говорилось о необходимости приступить к вещанию еще на трех языках¹. В январе 1940 года передачи велись уже на 22, а летом — на 31 иностранном языке².

Политическое руководство всем радиовещанием фашистской Германии, как внутренним, так и внешним, осуществлялось Главным отделом радио нацистского Управления пропаганды через отделы радиовещания министерства пропаганды и министерства иностранных дел. Сразу же отметим, что радиоотдел МИД играл консультативную роль. Отдел радиовещания министерства пропаганды был «оперативным штабом немецкого радио». Именно ему, то есть непосредственно Геббельсу, в феврале 1942 года был подчинен иностранный отдел «Герман-

ского радиовещательного общества» (РРГ), занимавшийся вопросами зарубежного вещания по официальной, так сказать, по «белой», линии. Стоит отметить, что очередная реорганизация нацистского радио почти день в день совпала с выходом в эфир первых передач «Голоса Америки».

С началом второй мировой войны иностранный отдел РРГ стал важнейшим подразделением во всей его системе. Ему подчинялись Немецкая коротковолновая радиостанция (КВС), Немецкая европейская радиостанция (НЕР), спецрадиостанции (группа «Конкордия»), а также редакция международного обмена радиопрограммами, которая в 1941 году была переименована в Бюро международной радиосвязи. НЕР, как и КВС, официально выступая от имени правительства Германии, относились к категории «белых» радиостанций.

Наряду с аппаратом официального, «белого» иновещания формировался и аппарат «черной» радиопропаганды. Еще в 1940 году отдел радиовещания МИД и иностранный отдел РРГ создали специальную группу, носившую название «Конкордия». В 1943 году в группе «Конкордия» насчитывалось 16 специальных радиостанций, передававших программы на 13 иностранных языках³.

Даже названия этих радиостанций весьма красноречиво свидетельствуют о том, с какой иезуитской изощренностью подходили нацистские главари к «гримировке» своей радиопропаганды. На Англию на коротких волнах работали три спецрадиостанции: «Новая Би-би-си», «Каледония» и «Рабочий призыв». Первая занималась подрывной пропагандой с пацифистским уклоном, вторая обращалась к шотландским националистам, третья вела так называемую «социал-революционную» пропаганду среди рабочих. Другие спецрадиостанции, деятельность которых инспирировалась нацистами, носили названия «Голос свободных арабов», «Радиостанция свободных американцев», «Свободные индусы» и даже — что было совсем кощунственно — «Ветераны ленинской гвардии» и «За Россию». (Две последние работали на временно оккупированной территории Советского Союза и вели пропаганду против «большевиков», старались спровоцировать межнациональные трения и подорвать веру населения в успех антифашистской борьбы.) Во время военных действий против Франции работали радиостанции «Голос мира», «Радио Юманите», а на Англию передавала в это время программы радиостанция «Христианское движение за мир».

В «черной» радиопропаганде использовались также передвижные передатчики, находящиеся в непосредственной близости к фронту. Заметим, что спустя много лет этот «опыт» фашистской Германии неоднократно использовался империалистическим иновещанием, например во время июньских событий в Берлине в 1953 году, в связи с попытками осуществить контрреволюционный переворот в Венгрии в 1956 году, в августе 1968 года в Чехословакии, в начале 80-х годов в Польше.

Специальные радиостанции упорно скрывали свою истинную принадлежность и утверждали, что они представляют оппозиционные группы, действующие якобы в тех районах, на которые велось вещание.

Национал-социалистское руководство Германии приложило немало усилий, чтобы создать аппарат и так называемой «серой» радиопропаганды.

Еще в сентябре 1940 года руководитель РРГ Е. Адамовский предложил Геббельсу с помощью радио подчинить фашистской Германии «завоеванное пространство». План этот был рассчитан и на будущие завоевания. «Под немецким руководством,— писал Адамовский,— должен быть создан европейский радиосоюз от Нордкапа до Бискайского залива и всемирный центр коротковолновых передач с резиденцией в Берлине... Радиосоюз, который уже сейчас следует создать в Берлине, может прочно взять в свои руки руководство подчиненными ему радиостанциями, как это сделано РРГ с государственными... Конечная цель — система коротковолновых станций европейского радиоблока с центром в Германии, дающая нам экономические и политические выгоды... Всемирное господство коротковолнового центра вынудит многочисленные неевропейские государства вступить в обмен программами с радиосоюзом, и их передачи с Западного и Восточного полушария и наоборот будут подвержены нашему влиянию... Германия станет, таким образом, радиодержавой, господствующей над всем миром»⁴.

План Адамовского был планом духовного закрепощения народов Европы. Он был также непосредственно связан с интересами германского финансового капитала. Однако главной задачей предлагавшейся организации должны были явиться контроль и руководство деятельностью радиостанций в оккупированных и в «союзных» с Германией странах, которые вели бы пронацистскую пропаганду. Наряду с огромными прибылями осуществление этого плана давало также возможность воспрепятствовать приему в Европе передач, не находящихся под

нацистским контролем. По современным понятиям теоретиков империалистической пропаганды, такую организацию следует отнести к разряду «серых».

Частичным осуществлением этого плана было основание в апреле 1941 года «Радиосоюза», представленного за границей как частное долевое предприятие нескольких акционерных обществ. В Болгарии, Венгрии, Словакии, Турции, Франции, Испании, Норвегии, Швеции и многих других странах «Радиосоюз» выступал как общество по закупке и продаже радиоприемников. Деятельность его должна была создать за границей условия для распространения аппаратов, приспособленных к приему передач нацистского радио, и способствовать развитию экспорта в страны, где можно было надеяться на пропагандистский успех. От подрывной пропаганды в интересах фашистского военного и политического руководства до промышленного шпионажа по заданию радиоконцернов — таково было поле деятельности геббельсовского «Радиосоюза».

Геббельс в одном из секретных документов откровенно заявлял: «Чтобы обеспечить интенсивное пропагандистское воздействие за границей и после войны, я 1.IV.1941 года организовал «Радиосоюз» — замаскированное предприятие, представляющее собой объединение крупных германских промышленников с целью рекламы. «Радиосоюз» должен во всех странах скупать радиостанции или обеспечить себе там влияние, создавая таким образом основу для нашей зарубежной пропаганды»⁵.

В октябре 1941 года, когда фашистская Германия хотя и достигла временных успехов на Восточном фронте, но уже ощутила трудности, которые несет ей война с Советским Союзом, когда США все еще с торгашеским расчетом раздумывали, вступать ли им в войну или нет, когда ободренные героической борьбой советского народа антифашистские силы в оккупированной Европе начали консолидироваться, — нацисты с целью укрепить аппарат своей внешнеполитической радиопропаганды решили создать за пределами Германии новые радиостанции и так называемое «Интеррадио АГ» («Общество немецкого иновещания») с местонахождением в Берлине. Был составлен соответствующий рабочий и финансовый план общества, который, как говорилось в предварительных замечаниях к этому документу, «обеспечивает возможность централизации, концентрации, объединения сил и технических средств... в целях интенсификации немецкой радиопропаганды за рубежом и устраняет в этой огромной сфере деятельности дублирующие друг друга элемен-

ты»⁶. В январе 1942 года под эгидой МИД и министерства пропаганды новое «акционерное общество» — «Интеррадио АГ» — было учреждено и даже зарегистрировано в торговом реестре.

Предпринимались и другие меры по усилению аппарата «серой» пропаганды. Так, в середине 1941 года появилось «нейтральное» информационное агентство «Радио Мундиал» с центральным бюро в Лисабоне, в то время как его подлинный руководящий центр находился в Берлине. Создание такого агентства, специально предназначенного для предоставления радиоинформации в международном масштабе, должно было дать возможность проникнуть в радиоорганизации не только нейтральных, но и враждебных нацистам стран. Бюро «Радио Мундиал» были открыты в Швеции, Франции, Болгарии и в других странах. Агентство, замаскированное под «нейтральное», распространяло информацию, служащую интересам фашистской Германии. Оно являлось и гигантским разведывательным гнездом. Особенно активно деятельность его развернулась в Латинской Америке. Однако агентура «Радио Мундиал» менее чем через год была разоблачена за рубежом, и в феврале 1943 года агентство прекратило свое существование.

Таким образом, в ходе второй мировой войны в фашистской Германии сформировался строго централизованный, разветвленный аппарат внешнеполитической радиопропаганды, специальные подразделения которого предназначались для ведения «белой», «черной» и «серой» пропаганды. К середине 1944 года деятельность такого рода достигла в фашистской Германии особого размаха, все более переходя на «черные» рельсы. В этот период 110 тайных передатчиков со штатом 6300 сотрудников работали против стран антигитлеровской коалиции⁷. С их помощью нацисты до последнего момента надеялись расколоть антигитлеровский союз народов. Но главная сила, на которой зиждились былые временные успехи нацистской пропаганды, — военная мощь фашистского рейха — была подорвана Советской Армией. Германский фашизм катился к своему поражению, и никакие пропагандистские ухищрения не могли этого остановить.

Теоретические и организационные концепции, служившие основой всей внешнеполитической радиопропаганды фашистской Германии, оказали огромное воздействие на эволюцию систем внешнего вещания США и Англии и в годы второй мировой войны и в послевоенное время.

В обширной литературе, посвященной передачам Би-би-си в военные годы, подчеркивается, что она, выполняя свои функции, «вместе с английской разведкой и засекреченными («черными») радиостанциями призвана была вести массированную психологическую войну, объектами которой являлись немецкое население, личный состав вермахта»⁸, а также «усилила пропаганду и на другие государства — на противников, союзников, нейтралов, а главное — на страны, оккупированные Гитлером»⁹. В истории Би-би-си и международного вещания этот период известен как «англо-немецкая радиовойна» и до сих пор служит объектом пристального внимания теоретиков и практиков современной психологической войны.

Первый этап англо-немецких «сражений в эфире» начался еще за год до вступления Англии в войну против фашистской Германии. Если и можно говорить, что Би-би-си оказалась не подготовленной к радиовойне (как это утверждают ее официальные историографы), то только в том смысле, что до тех пор в полном соответствии с внешней политикой правящих кругов Великобритании английская радиопропаганда велась в духе «умиротворения» агрессора. После Мюнхена Англия постепенно была вынуждена пересматривать свою политику, а следовательно, и перестраивать пропаганду, в том числе на зарубежную аудиторию.

Действительно, период этот отличается в истории иновещания Англии известным хаосом, довольно красочные описания которого содержатся в мемуарах некоторых сотрудников английского радио, в частности в книге бывшего руководителя программного отдела немецкой службы Би-би-си Карла Бринитцера «Говорит Лондон!», увидевшей свет в 1969 году. Следует сказать, что автор, несмотря на то, что в подзаголовке его книги стоят слова «фактический отчет участника событий», весьма далек от изложения только фактов. Эти мемуары — один из многочисленных примеров апологетики Би-би-си, они служат созданию и поддержанию мифа о ней как о «респектабельной» радиоорганизации и в конечном итоге значительно преувеличивают ее роль в достижении военной победы над фашистской Германией. Вместе с тем они дают представление об организации работы на Би-би-си в годы войны, содержат сведения о формах и методах пропаганды, использовавшихся англичанами в борьбе против радио фашистской Германии.

Первая передача Би-би-си на немецком языке была выпущена 27 февраля 1938 года. Шла она на волнах

лондонской радиостанции. Вот как Бринитцер описывает эту первую передачу:

«Итак, Чемберлен вернулся из своей очередной поездки к Гитлеру (имеется в виду возвращение Чемберлена из Мюнхена.— А. П.). Я сидел дома у письменного стола. Неожиданно на волнах лондонской радиостанции Би-би-си я услышал родную немецкую речь. Я был поражен. Диктор говорил: «Мы передадим сейчас в переводе на немецкий язык полный текст речи премьер-министра Англии». Затем диктор стал читать послание Чемберлена, спотыкаясь и проявляя полнейшую неопытность в чтении немецких текстов... Дочитав до определенного места, диктор заявил дрожащим голосом: «Я прочитаю вам последний абзац еще раз, потому что перевод продолжения речи премьер-министра мне еще не принесли». Он повторил абзац, но продолжения не было, и его голос умолк. После длинной паузы диктор заявил: «Перевод продолжения речи Чемберлена должен поступить ко мне в самом скором времени. Я еще раз прочитаю вам речь Чемберлена с самого начала». В конце концов диктор с явным облегчением сказал: «Мы можем теперь прочитать продолжение речи Чемберлена...»¹⁰

Как известно, два дня спустя было подписано Мюнхенское соглашение. Би-би-си сразу же начинает выпускать регулярные бюллетени новостей на немецком языке, которые, по словам Бринитцера, «уже не носили того «любительского» налета, какой имела первая переданная на немецком языке речь Чемберлена, и были в известной степени профессиональны»¹¹. Немецкая служба Би-би-си стала развиваться чрезвычайно быстрыми темпами.

3 сентября 1939 года Англия вступила в войну с Германией. Еще 1 сентября, за одну ночь, в системе Би-би-си все было подготовлено к чрезвычайному положению. Была введена новая система выпуска радиопрограмм, начала использоваться еще одна радиоволна, на которой стали вестись передачи для Европы, сотрудники были переведены на военное положение. Би-би-си вопреки утверждениям буржуазных историографов не оказалась застигнутой войной врасплох ни в техническом, ни в организационном отношении. Правда, политическую линию пропаганды приходилось резко менять. Но и здесь были мобилизованы все силы.

В начале войны ответственность за выпуск передач для зарубежных слушателей была возложена на Би-би-си и Управление пропаганды на население вражеских стран и стран, оккупированных врагом, которое работало в

тесном сотрудничестве с Политическим разведывательным управлением. Эти три учреждения сообща, с помощью многочисленных экспертов и консультантов, в частности из числа эмигрировавших в Англию лиц, преследовавшихся нацистами, занялись выработкой пропагандистской тактики, которая должна была соответствовать новой политической линии.

В работах буржуазных историографов делается попытка доказать, что успехи Би-би-си в радиовещании на зарубежную аудиторию объясняются ее «правдивостью», «объективностью», «информированностью» и т. д., так что это якобы была и не пропаганда. Совершенно категорически отрицается, например, что «респектабельная» Би-би-си использовала во время войны ту же тактику, которую использовала геббельсовская радиопропаганда. Тем не менее это факт.

Даже в книге К. Бринитцера совершенно недвусмысленно признается, что к тому времени, когда началась англо-немецкая радиовойна, «в Англии понимали необходимость использования в психологической войне всех средств без исключения... Пропаганду... стали принимать всерьез»¹². А один из рьяных английских теоретиков и практиков психологической войны Ричард Гроссман прямо, хотя и не без демагогии, заявлял: «Для того чтобы успешно вести пропаганду, ее нужно ненавидеть. Мы, англичане, ненавидели ее и поэтому особенно тщательно старались скрывать то, что делали»¹³.

Отражение дискуссий, которые велись в Англии вокруг пропагандистской тактики в радиовойне, можно обнаружить на страницах ежегодника Би-би-си за 1941 год, где известный политик Гарольд Никольсон рассуждал о том, что в Англии якобы не была и, возможно, никогда не будет предпринята попытка образовать министерство пропаганды, подобное геббельсовскому министерству в Германии. Как известно, в Англии к тому времени уже существовало министерство информации и ряд других учреждений, в широком масштабе координировавших вопросы пропагандистского воздействия на внутреннюю и зарубежную аудиторию Би-би-си.

Конечно, английское правительство не могло официально признать, что оно взяло на вооружение те же приемы и методы радиопропаганды, которыми негласно пользовалась фашистская Германия. Это и имел в виду Никольсон. И все же, замечает он, «реально мыслящие английские пропагандисты» понимали, что Англия не могла вступить в радиовоюну, имея одну руку связан-

ной. Выходом было создание организаций, ведущих «черную» пропаганду на зарубежные страны. Эта работа была секретной, и английское правительство, как писал в 1965 году Дж. Беннет, «делало вид, что не имеет к этому никакого отношения»¹⁴.

Сеть английских секретных радиостанций, самыми известными из которых были «Густав-Зигфрид I», «Немецкая коротковолновая радиостанция Атлантика», «Солдатская радиостанция» и «Густав-Зигфрид II», возглавлялась Сефтоном Делмером. В своих воспоминаниях, изданных после второй мировой войны, он признавал, что «Англия пользовалась, по существу, теми же методами, что и «черные» радиостанции фашистской Германии»¹⁵. Делмер проводит резкое различие между «белой» и «черной» радиопропагандой. Официальная немецкая служба Би-би-си, по его словам, строго придерживалась принципа «правда и постоянство». Это значит, что она прилагала все усилия к тому, чтобы воспользоваться преимуществами определенной пропагандистской тактики, создав образ «объективной и респектабельной» организации. Но, продолжает Делмер, «на начальной стадии войны, для того чтобы вызвать у немцев антигитлеровские настроения и действия, необходимо было прибегать к дезинформации»¹⁶, что и входило в задачу прежде всего «черных» радиостанций.

Современные западногерманские авторы Х. Любберс и В. Швишпс делают упор на то, что Великобритания широко использовала «новое орудие ведения психологической войны — секретные радиостанции. Целью их было распространение угрожающих слухов и ослабление боевого духа немецких войск. По форме эти передачи полностью соответствовали всем канонам, по которым строились речи национал-социалистских деятелей Германии (курсив мой. — А. П.)»¹⁷. Так же как и нацистская «черная» пропаганда, английские секретные радиостанции широко прибегали к лживым сообщениям, не затрудняя себя ссылками на какие-либо источники. Делмер, в частности, пишет, что различные ведомства Англии снабжали эти станции специально для них подготовленными «слухами исключительной важности».

Касаясь «черной» радиопропаганды в годы второй мировой войны, большинство буржуазных историков не делает различий между приемами нацистского, английского или американского радиовещания, — наоборот, подчеркивает родство этих приемов, что, несомненно, справедливо. Организация «черных» радиостанций была не

только ответом Англии на приемы геббельсовской пропаганды,—она диктовалась внутренней сущностью империалистической радиовойны. Положение о том, что характер идеологии определяет формы и методы пропагандистского воздействия, находит тут полное подтверждение.

В своей официальной, «белой» радиопропаганде на зарубежную аудиторию Би-би-си также была весьма далека от столь широко рекламировавшейся объективности. Как писал К. Бринитцер, в немецкой службе Би-би-си нейтральная информация сплавлялась с «золотыми зернышками» пропаганды. Официальное английское иновещание старалось подавать новости «в их чистом виде», однако это был всего лишь один из приемов пропагандистской тактики, рассчитанной на необходимый эффект. Как признавал тот же Бринитцер, при ведении пропагандистской войны одних только объективных информационных сообщений «явно недостаточно».

Таким образом, активно вступив в радиовойну, Англия как через Би-би-си, так и через сеть «черных» радиостанций в широком масштабе прибегала к манипулятивным приемам воздействия на зарубежную аудиторию, используя при этом и опыт геббельсовской радиопропаганды.

Естественно, и у США были свои особенности ведения радиовойны—вырабатывался, так сказать, свой стиль гримировки.

В июне 1942 года создается Управление военной информации (УВИ), которому передается контроль—прямой или через другие учреждения—над всей внутренней и внешней правительственной пропагандой. Управление было подчинено непосредственно президенту. УВИ поручалось наряду со сбором разведывательных данных ведение «белой» пропаганды. Оно располагало во многих странах специальными представителями и сетью собственных информаторов. Кроме того, систематически прослушивались передачи радиовещательных станций мира с целью анализа перехваченных сведений.

В составе УВИ было два отдела, занятых пропагандой,—внутренний и иностранный. Второй отдел вел пропаганду за пределами страны, собирая и разведывательные сведения. Из общих ассигнований конгресса США на нужды УВИ приблизительно две трети предназначались именно этому отделу¹⁸.

Все операции по неофициальной, «черной» пропаганде были переданы другому учреждению—Управлению стратегических служб (УСС), созданному также в 1942

году. Американские авторы Д. Уайз и Т. Росс в книге «Невидимое правительство», очерчивая круг вопросов, которым занималось УСС, вскользь замечают, что сбор разведывательной информации сочетался в его работе с так называемыми «специальными операциями», то есть с диверсиями, саботажем, террором и «черной» пропагандой в стане противника, причем особое внимание обращалось на работу отдела специальных операций УСС.

Правительственная пропаганда на Западное полушарие, в первую очередь на Латинскую Америку, оставалась в руках «частного предприятия» Рокфеллера, подчинявшегося государственному департаменту.

Таким образом, впервые в истории внешнепропагандистской деятельности США для каждого из трех видов пропаганды — «белой», которая ведется от имени официального источника (обычно от имени правительства или одного из его органов), «серой», не указывающей определенного источника или исходящей от «частных организаций», и «черной», скрывающей подлинный источник, — были созданы свои органы, нити руководства которыми в конце концов сходились в одних руках — в руках правительства Соединенных Штатов. Это стоит особо подчеркнуть, как и то, что вообще во время второй мировой войны внешней пропаганде придавалось в США гораздо большее значение, чем в предыдущие периоды. Как пишет Чайлдс, Управление военной информации вначале уделяло относительно большее внимание внутреннему отделу, видя свою задачу в координации информационной работы. Однако спустя всего лишь несколько месяцев внешний отдел «и по средствам и по кадрам начал завоевывать доминирующую позицию в Управлении военной информации, и перед концом войны деятельность внутреннего отдела атрофировалась»¹⁹.

В течение войны Управление военной информации как основной орган внешнеполитической правительственной пропаганды США подвергалось ряду крупных и мелких реорганизаций, но в конце концов оно стабилизировалось на основе двух принципов деятельности — политико-географического и различия средств пропаганды. Тремя главными направлениями в политико-географическом отношении, или тремя «стратегическими зонами» внешнепропагандистской активности, были враги, союзники и нейтральные страны. В соответствии с этим строилась структура УВИ и распределялись различные средства пропаганды — пресса, кино и радио, — причем каждому отводилась определенная роль как ин-

струменту внешней политики в зависимости от того, на кого направлена была пропаганда.

Таким образом, правительство США, создавая одновременно с УСС в какой-то степени дублировавшую его организацию — УВИ, стремилось разгрузить главное разведывательное ведомство от некоторых функций, оставив за ним право контроля над УВИ, руководства им и использования его возможностей.

Управление военной информации явилось предшественником Информационного агентства Соединенных Штатов (ЮСИА), так же как УСС — предшественником ЦРУ. Связи между разведкой и пропагандой не только не были порваны после окончания войны, но, наоборот, как будет показано ниже, стали более тесными.

Американское радиовещание на зарубежные страны, которое в начале войны не являлось самой важной составной частью аппарата внешней пропаганды, переживая вместе с этим аппаратом все организационные перестройки, быстро завоевывало ведущие позиции.

Сразу же после создания Управления военной информации упоминавшаяся выше Служба зарубежной информации была подчинена этому управлению, а через него — непосредственно президенту. Вместе с системой радиостанций она и приобрела постепенно известность под названием «Голос Америки».

Правительство США, оценив по достоинству роль радио во внешней пропаганде, не жалело средств на его развитие. Как писал рьяный апологет психологической войны американец Поль Лайнбарджер, здесь «никогда не существовало серьезных трудностей в приобретении оборудования, привлечении писателей, переводчиков, технического персонала»²⁰.

В методах вещания на зарубежную аудиторию в годы войны США также во многом следовали опыту нацистов. Если министерство пропаганды Геббельса организовывало на США передачи замаскированных радиостанций, вещавших от имени изоляционистов, то и американское правительство делало то же самое, ведя радиопропаганду на Японию якобы от имени нейтральных японцев. Зачастую использовались одни и те же передатчики для «черной» и «белой» пропаганды. Радиостанция на острове Сайпан, например, находившаяся под контролем США, большей частью ретранслировала официальные передачи из Сан-Франциско, в том числе и программы «Голоса Америки». Но, поступая в распоряжение Управления стратегических служб, в обязанности которого входило

ведение «черной» пропаганды, она на время становилась «японской» радиостанцией.

В годы войны в составе Федеральной комиссии связи была создана специальная Служба разведки иностранного вещания, которая вела стенографические записи иностранных радиопередач. Эти записи шли под грифом «Для служебного пользования» и не были доступны общественности. Служба вела большую работу по анализу иностранных передач и, в частности, готовила для правительства ежедневную выборку из радиоперехватов, представлявшую интерес для разведчиков и политиков.

К 1945 году работа многочисленных учреждений США, имевших отношение к ведению пропаганды на зарубежные страны, была строго централизована. За три недели до капитуляции Японии Управление военной информации подготовило официальный перечень пропагандистских директив на послевоенный период. Разного рода службы аппарата американской внешнеполитической пропаганды, находившиеся в других странах, в том числе и в Европе, уже в это время были связаны с коротковолновыми станциями, работавшими на территории США. Таким образом, в период войны Соединенные Штаты, как писали историки американской пропаганды, «заложили... необходимую основу для создания эффективной системы международного радиовещания на будущие годы»²¹.

Так мировой эфир стал театром, на сцене которого разыгрывается грандиозная драма под названием «радиовойна».

Исторические факты, касающиеся развития международного радиовещания крупнейших империалистических государств — фашистской Германии, Соединенных Штатов Америки и Англии — с его зарождения и до конца второй мировой войны, позволяют констатировать, что радиовойна, будучи в значительной мере обусловленной научно-технической революцией в области средств связи, является порождением империалистического капитала.

Именно это и определяет стратегию и тактику радиовоины, которая в конечном итоге полностью смыкается с психологической войной, возводимой империализмом в ранг государственной политики. Этим же обусловлена организация всего аппарата внешнеполитической радиопропаганды империалистических государств.

Антигуманная сущность радиовоины проявилась с самого ее возникновения, с 20-х годов, когда она стала широко использоваться в качестве средства упорочения

колониального господства, и с начала 30-х годов, когда радиовойна стала острейшим оружием агрессивной внешней политики империалистических государств, и прежде всего фашистской Германии, фашистской Италии, милитаристской Японии, а также Англии и США, в их борьбе за передел мира.

Первый этап империалистической радиовойны заканчивается вместе с окончанием второй мировой войны. Международное вещание вступает в качественно новый этап. Для ведущих капиталистических держав оно из средства решения межимпериалистических противоречий превращается в средство борьбы с прогрессивными силами современности.

В закулисных лабиринтах и на авансцене.—Освоение «классики».—Разработка сценариев.

Практика первого этапа империалистической радиовойны стала основой для выработки теоретических и организационных концепций современной внешнеполитической радиопропаганды США, Англии, ФРГ и некоторых других капиталистических стран. Особую роль сыграло тут освоение «классики» — опыта фашистской Германии. Недаром американский социолог Леонард Дуб заметил: «Анализ дневников Геббельса после второй мировой войны позволил нам сделать несколько обобщений, касающихся планирования и координации пропаганды, а также подачи пропагандистского материала»¹. Все эти «обобщения» в конечном итоге направлены на превращение потенциального радиослушателя в некое подобие робота — «манипулируемого человека», чьим сознанием, чувствами и действиями можно управлять, как машиной. Достаточно просто и достаточно полно раскрыл суть манипулятивных концепций буржуазной пропаганды профессор Бордоского университета Жак Элльоль:

«В пропаганде речь идет уже отнюдь не о том, чтобы открыто писать в газете или говорить в радиопередаче, что именно, согласно желанию пропагандиста, индивид должен думать или чему он должен верить. Фактически проблема ставится так: заставить такого-то и такого-то думать то-то или, точнее, заставить определенную группу людей действовать таким-то образом. Как этого достигают? Людям не говорят прямо «действуйте так, а не иначе», но находят психологический трюк, который вызывает соответствующую реакцию. Этот психологический трюк называют «стимул». Как видим, пропаганда, таким образом, уже не имеет ничего общего с распространением идей. Речь идет теперь о том, чтобы использовать «стимулы», то есть психологические и психоаналитические трюки, которые вызывают определенные действия, определенные чувства, определенные мистические порывы»².

Рассмотрим, хотя бы в самом общем виде, основы «теорий» современной внешнеполитической радиопропаганды империализма.

В ЗАКУЛИСНЫХ
ЛАБИРИНТАХ
И НА АВАНСЦЕНЕ

Разобраться в буржуазных концепциях пропаганды вообще и в попытках теоретически обосновать «искусство» манипулирования сознанием с помощью радио поначалу столь же трудно, как человеку, впервые попавшему за кулисы театра, трудно сразу понять истинное назначение причудливо смешанных фрагментов декораций, реквизита и всех тех механизмов, благодаря которым и осуществляется сценическое действие. Но в конце концов это оказывается не столь уж сложным.

Общей для большинства буржуазных концепций пропаганды, не исключая и нацистские, является их идеологическая сторона — понимание и оценка общественного сознания. А от того, какие черты приписываются общественному сознанию, зависят наполнение и формы пропагандистской деятельности.

Типичная и преобладающая тенденция в современной буржуазной идеологии — игнорирование рациональных сторон сознания вообще, и особенно сознания народных масс. В свое время, занимаясь изучением нацистских концепций пропаганды, доктор философии Принстонского университета Филипп Джейкоб подчеркивал: «Нацисты считают, что массы примитивны и руководствуются в своих действиях, подобно женщинам, чувством и инстинктом... Массы, не приученные мыслить последовательно, легко поддаются внушению. Все достигнутое путем логических объяснений может быть стерто при помощи объяснений противоположного характера. То, что говорится людям, составляющим массу, находящимся в состоянии фанатической преданности, запечатлевается в их сознании как воспринятое под гипнозом, неизгладимое и не поддающееся логическим объяснениям»¹.

Джейкоб отнюдь не преувеличивал, показывая, сколь цинично относятся нацисты к массам, к общественному сознанию. Это подтверждают высказывания и самих теоретиков нацистской пропаганды, основные принципы которой гласили, что «внушение может быть действенным лишь в состоянии высокой эмоциональности», что пропагандист «должен апеллировать не к логическим

способностям своих слушателей, а к их желаниям, импульсам, надеждам, настроениям» и что «чем примитивнее методы пропаганды, тем более интенсивной будет реакция масс, чувствующих и реагирующих примитивно»².

Какой же, исходя из таких концепций общественного сознания, виделась пропаганда нацистам? Конечно, многое из того, что они сделали в этой области, сегодня может показаться примитивным, но все же стоит кратко изложить основные тезисы их «теории» пропаганды, хотя бы для того, чтобы потом провести некоторые параллели. Вот эти тезисы в изложении вышеупомянутого Ф. Джейкоба³:

принцип массового внушения («психологические особенности, присущие человеку в массе, неизменны»);

обращение к чувству («идея должна апеллировать к слушателям посредством эмоций»);

простота, граничащая с примитивностью («пропагандист должен строить свою аргументацию просто и ясно, чтобы ее легко мог воспринимать неподготовленный ум»);

исключение объективности («пропаганда должна носить догматический, односторонний, нетерпимый характер»);

принцип повторения («выдвинув в общедоступных выражениях несколько основных проблем, вы не должны гнущаться их постоянным повторением, до тех пор пока массы не начнут принимать их без обдумывания», однако «способ повторения должен варьироваться»);

принцип использования лжи («пропагандист не ставит задачу освещения истины: применять ложь или нет — этот вопрос относится не к области пропагандистской политики, а, скорее, к выбору целей и имеющихся в распоряжении пропаганды средств»);

сила устного слова в процессе массового внушения («на массовых митингах и по радио оратору легче вызвать эмоции»);

создание впечатления мощи («процесс массового внушения является, по сути дела, конфликтом между волей пропагандиста и волей аудитории; если пропагандист, как более сильная из двух сторон, сумеет навязать аудитории свою волю, он должен дать почувствовать ей свою решимость и динамическую силу своего характера»).

Фашистские главари, по замечанию советского ученого академика Г. А. Арбатова, «пусть в мистифицированных формах, сформулировали в общем те же положения, которых придерживается империалистическая пропаган-

да от Ле Бона и до наших дней,— упор на эмоциональное, а не на рациональное воздействие, презрение к массам, стремление играть на низменных инстинктах и т. д.»⁴.

Не подлежит сомнению, что с обострением идеологической борьбы в мире манипулятивные методы воздействия на сознание людей стали все шире использоваться в буржуазной пропаганде вообще и во внешнеполитической пропаганде в частности. Видный английский философ Бертран Рассел иронизировал по этому поводу: «Задача будущих ученых — установить, во сколько обойдется в расчете на одну голову убедить детей в том, что снег черный, и насколько дешевле убедить их в том, что он темно-серый... Хотя эта наука массовой психологии будет прилежно изучаться, ее изучение ограничится строгими рамками правящего класса. Простому народу не дадут знать, как возникают его убеждения. Когда эта техника усовершенствуется, любое правительство, контролирующее воспитание нового поколения, сможет держать в подчинении своих подданных, не нуждаясь в армии или полиции»⁵. Именно с таких позиций и разрабатывают буржуазные ученые «науку пропаганды». Об этом еще свидетельствуют и те определения, которые они дают самому понятию «пропаганда». Заметим, что эти определения давались в разное время, но существо их не менялось.

Леонард Дуб в 1935 году трактовал пропаганду как «попытку систематически контролировать позицию группы индивидуумов, пользуясь внушением», а внушение рассматривалось им как «манипулирование импульсными ситуациями»⁶. Другие американские специалисты — Г. Лассуэлл, В. Смит и Р. Кэйси — в 1946 году предложили считать пропагандой «намеренный выбор и распространение символа с целью оказать влияние на поведение масс»⁷. Поль Лайнбарджер в 1948 году определяет пропаганду как «планомерное использование с определенной целью *любой формы воздействия* (курсив мой. — А. П.) на ум, чувства и поведение данной группы людей»⁸. Исследователь внешнеполитической пропаганды, также американец, Дж. Мартин в 1958 году пишет: «Пропаганда — это искусство оказывать влияние, манипулировать, поддерживать контроль, изменять мнения или внедрять в сознание людей такие взгляды, которые определенным образом сказываются на их поведении или действиях»⁹. И, наконец, формулировка, которую дал этому понятию американец Майкл Чукас в 1965 году: «Пропаганда — это

контролируемое распространение *сознательно искаженных представлений* (курсив мой.— А. П.), чтобы побудить людей к действиям, отвечающим заранее намеченным целям заинтересованных групп»¹⁰.

Легко заметить, что все эти определения более или менее однозначны. Главным в них является отнюдь не то, что пропаганда—это борьба за формирование мировоззрения человека, его политических и других убеждений, борьба за формирование знаний, основывающихся на законах объективной реальности. Нет, в понимании буржуазных теоретиков пропаганда превращается в чисто механическое манипулирование «импульсными ситуациями», вызывающее столь же механические реакции. Опираясь на такое извращенное понимание пропаганды, идеологические диверсанты прибегают к все более утонченным способам и средствам психологической обработки сознания людей.

Экспансионистские внешнеполитические цели империализма, прежде всего американского, после второй мировой войны, опыт самой войны и опыт использования в ней пропаганды дали импульс к развитию на новом этапе исследовательской деятельности, связанной с пропагандистским манипулированием сознанием, как в США, так и в других капиталистических странах. Суть этого этапа и цели исследований достаточно определенно были выражены в высказывании одного из маститых американских социологов Гарольда Лассуэлла: «Пропаганда—это инструмент тотальной политики вместе с дипломатией, экономическими мероприятиями и вооруженными силами. Политическая пропаганда—это использование средств массовой коммуникации в интересах власти... Цель заключается в экономии материальных затрат на мировое господство»¹¹. Естественно, речь здесь идет о претензиях на мировое господство со стороны США...

Характерно, что начиная с 1945 года в США особенно усилился поток литературы, посвященной пропаганде во второй мировой войне и обобщению ее опыта. Главное внимание уделялось, пожалуй, опыту нацистской пропаганды. Появилось множество работ общетеоретического характера, литература о психологической войне, ее целях и приемах. Поэтому весьма важно уяснить связь между психологической войной и внешнеполитической пропагандой, а также то, какое место и роль отводят в этой войне ее вдохновители такому специфическому инструменту пропаганды, каким является радио.

В понятие «психологическая война» буржуазные теоретики вкладывают различное содержание в зависимости от целей внешней политики, неизменно стараясь при этом скрыть истинный смысл деятельности, связанной с данным понятием. Остановимся, например, на рассуждениях того же П. Лайнбарджера, содержащихся в его книге «Психологическая война».

Сам автор — знаток не только теории, но и практики того, о чем он пишет. Он служил в Управлении военной информации во время второй мировой войны, участвовал в организации американской пропаганды среди войск и населения противника на европейском и тихоокеанском театрах военных действий, затем был консультантом министерства обороны США по вопросам психологической войны и, наконец, стал профессором Вашингтонской школы международных исследований. Его трактовка доктрины психологической войны с полным основанием может восприниматься как соответствующая официальной. Используя обширный материал, почерпнутый из многочисленных источников и собственных наблюдений, Лайнбарджер пытается обобщить опыт организации и ведения психологической войны империалистическими государствами как в военное, так и в мирное время.

В первом издании своей книги — в 1948 году — Лайнбарджер формулирует такой тезис: «Психологическая война включает использование пропаганды в борьбе с противником наряду с другими оперативными мерами военного, экономического и политического характера, которые могут быть необходимы для дополнения пропаганды»¹².

Отсюда следует, что автор рассматривает психологическую войну прежде всего как применение пропаганды в военных целях. Напомним, что это был 1948 год, что Лайнбарджер писал, основываясь главным образом на опыте второй мировой войны и, в частности, на опыте совместной борьбы союзников против фашистской Германии. И хотя он рассуждает о различных вариантах применения термина «психологическая война», в том числе и у нацистов, но, как и другие американские буржуазные теоретики и политики того времени, вкладывает в это понятие содержание, связанное преимущественно с недавней борьбой против фашизма.

Спустя несколько лет, в разгар «холодной войны», в годы, когда шла кровопролитная война в Корее, развязанная американскими агрессорами, Лайнбарджер во втором издании своей книги пишет: «Термин «психологи-

ческая война» является в лучшем случае неудобным и претенциозным при обозначении очень важного современного политического и военного инструмента — использования средств пропаганды. Определение психологической войны... требует уточнения в зависимости от того, кто проводит операции психологической войны в каждый данный период. Его можно изменять, уточнять или вообще отказаться от него»¹³.

Однако как от самого термина, так и от всего того, что в него вкладывалось, империалистическая пропаганда, конечно же, не отказалась. Основываясь на «теоретических изысканиях», обслуживающих практику пропагандистских диверсий, и исходя из опыта «холодной войны», Объединенный комитет начальников штабов принял в 1953 году следующее определение: «Психологическая война состоит в планомерном использовании пропаганды и родственных ей информационных мероприятий с задачей повлиять на мнения, чувства, отношения и поведение групп иностранцев враждебных и других стран таким образом, чтобы содействовать осуществлению целей национальной политики или военных целей»¹⁴. Добавим, что речь шла уже о мирном времени.

Из этого определения логически следуют по крайней мере четыре вывода.

Во-первых, главным средством ведения психологической войны является империалистическая пропаганда, а это значит, что и пропагандистский аппарат со всеми включенными в него средствами массовой информации, в том числе и радио, должен на каждом этапе соответствовать задачам психологической войны.

Во-вторых, пропаганда в психологической войне дополняется множеством экономических, военных и других мероприятий, что, в частности, означает прямую связь с различного рода диверсионными действиями и деятельностью разведки.

В-третьих, острие психологической войны направлено в мирное время не против армий противника, а против гражданского населения, которое в вышеприведенном определении фигурирует в качестве «групп иностранцев враждебных и других стран».

В-четвертых, психологическая война ведется во имя «осуществления целей национальной политики или военных целей», то есть целей агрессивных.

Стоит обратить внимание на то, что теоретики психологической войны, прежде всего американские, откровенно подчеркивают, что она направлена не против «сотруд-

ников аппарата психологической войны противника», как они выражаются, а против народов «враждебных стран». Именно этим и объясняется стремление непосредственных организаторов психологической войны скрыть свои истинные цели и нечестные приемы в пропаганде. «В этой войне,— писал П. Лайнбарджер,— противники нередко маскируют свое лицо, прикрываясь именем родины, бога, церкви, пользуясь услугами дружественной прессы. Те, кто ведет психологическую войну, находятся в затруднительном положении. Они должны вести борьбу против войск и населения противника — враждебной аудитории, которая непосредственно сама никогда не отвечает им»¹⁵.

Теоретиками психологической войны была разработана концепция, содержащая своеобразный «трехфазовый план» тактических мероприятий против «враждебной аудитории», который заключается, во-первых, в деморализации противника, во-вторых, в подрыве его собственного мировоззрения, в-третьих, в навязывании ему своих идей. Считается, что приоритет в разработке плана принадлежит англичанину Ричарду Гроссману, одному из руководителей «психологических операций» Англии в годы второй мировой войны¹⁶. Само собой разумеется, что в послевоенное время этот план был направлен прежде всего против стран социалистического содружества и его главной целью явился подрыв существующего в них строя.

Естественно, что наряду с разработкой доктрины психологической войны первостепенное внимание в США, Англии, ФРГ уделялось и чисто практическим мероприятиям. На протяжении всех послевоенных лет непрерывно совершенствовался и продолжает совершенствоваться аппарат ее ведения (правительственные, полуправительственные, военные и так называемые «частные» организации, занимающиеся не только внутренней и внешней пропагандой, но и диверсионно-разведывательной деятельностью), расширяется использование средств массовой информации, и в первую очередь радио.

Почему же именно радио оказалось на авансцене современной психологической войны империализма?

В свое время в секретном «Рабочем и финансовом плане немецкого иновещания», принятом 5 ноября 1941 года нацистским министерством иностранных дел и министерством пропаганды, содержались такие рассуждения: «В мирное время может произойти даже усиление значения радио. С достижением победы рейх не будет

более нуждаться для осуществления своих политических и культурно-политических целей в военной силе: главное значение в борьбе за дух и души народов приобретет радио»¹⁷.

Этот документ был опубликован лишь в 1967 году. Поэтому директор восточноевропейского отдела Би-би-си Морис Лейти, выступая перед своими сотрудниками с лекцией «Радиовещание на СССР и Восточную Европу» в ноябре 1964 года, вряд ли был с ним знаком. Тем более поражает совпадение изложенных им взглядов на роль радио в международных отношениях с взглядами нацистов.

«Что могут дать наши передачи?—вопросал Лейти.— Они в состоянии помочь переделать Европу, преодолеть великие схизмы прошедшего полувека, создать новую Европу, простирающуюся от Атлантического до Тихого океана. Это оптимальная цель. Очень долгосрочная, которая может показаться утопической сегодня... В настоящее время мы толкаемся в приоткрывающуюся дверь. Дверь может закрыться снова. В этом случае мы добьемся минимальных целей. Радиовещание дает нам возможность держать в приоткрытой двери свою ногу»¹⁸.

Действительно, радио как средству массовой информации присущи такие объективные особенности, которые позволяют организаторам подрывной империалистической радиопропаганды активно приспособливать его к нуждам психологической войны.

Радио используется для воздействия на человека только один-единственный раздражитель органов чувств—звук, причем слушатель (назовем его объектом общения, а лицо, передающее информацию,— субъектом общения), получая сообщение, вынужден реагировать немедленно, так как не может вернуться к нему повторно. Во многих случаях благодаря этому процесс осмысления полученной информации как бы сокращается или задерживается, и главенствующей становится не рациональная, а эмоциональная сторона восприятия, которая в дальнейшем определяет реакцию объекта общения.

Множество и других факторов оказывают влияние на характер восприятия и усвоения сообщения, передаваемого по радио (слово «сообщение» употребляется здесь в широком смысле, то есть подразумевает не только человеческую речь, но также музыку и различного рода звуковые эффекты). Например, человек, читая печатный текст, практически не имеет возможности заниматься другой деятельностью, в то время как радио можно

слушать «между делом», как бы исподволь усваивая услышанное.

Отвлекаясь пока от содержания радиоинформации, которое, несомненно, имеет огромное значение и в привлечении внимания объекта общения, и в концентрации этого внимания, и в степени усвоения передаваемого материала, и в реакции на него, необходимо подчеркнуть, что форма подачи сообщения, его «радиофоничность», очень важна во всех этих процессах для достижения нужного эффекта.

Например, музыка в механизме влияния радио как средства пропаганды может играть по крайней мере двоякую роль: с одной стороны, вызывать у объекта общения определенное эмоциональное состояние, а с другой — привлекать большую аудиторию с целью оказания на нее целенаправленного политико-идеологического воздействия. Вспомним лозунг нацистской внешнеполитической радиопропаганды на первом этапе ее развития — перейти «от Бетховена к Гитлеру».

И впоследствии, как пишет американский социолог Уильям Дэвисон, «большая часть пропагандистских программ широко использует этот принцип... Кроме того, информация развлекательного или познавательного характера (например, музыкальная или литературная передача.— А. П.) часто содержит политически важные идеи»¹⁹. В американском «Пособии по ведению психологической войны», опубликованном в 1958 году, прямо указывалось, что «за последние четыре-шесть лет в результате приобщения к всемирной аудитории с помощью радиостанции «Голос Америки» музыка в ее разных формах стала, можно сказать, первым посланцем доброй воли дяди Сэма»²⁰.

Существует и ряд других моментов, связанных с так называемой «радиофоничностью». Например, большое значение для восприятия материала, передаваемого по радио, имеют дикция выступающего у микрофона, тембр его голоса, манера чтения и т. д. Причем опытный пропагандист, выступающий у микрофона, в силу специфики радио будет стремиться влиять в первую очередь на эмоции, направляя их по нужному руслу. Именно здесь проявляется сила устного слова. Скажем, диктор способен в известной степени навязать аудитории свою интерпретацию читаемого им материала, потому что, по замечанию Бернарда Шоу, есть только один способ написать слово «да», но произнести его можно с бесчисленным множеством оттенков...

Радио достаточно давно стало самым распространенным средством массовой информации и пропаганды. Нет никакой необходимости доказывать, что в любой стране оно имеет такую аудиторию, которой пока не могут похвастаться ни газеты, ни телевидение, ни кино. Однако стоит остановиться на характере этой аудитории. В силу различного рода причин возрастание массы радиослушателей в мире происходит прежде всего благодаря группам населения со сравнительно невысоким культурным уровнем. Например, при бурном развитии радио как главного средства информации в слаборазвитых странах Африки, Азии и Латинской Америки ряды радиослушателей пополнились там огромным количеством людей зачастую просто-напросто неграмотных.

Материалы конкретных социологических исследований в разных странах показывают, что у современного человека происходит значительное возрастание темпа жизни. Поэтому многие независимо от их культурного уровня (а иногда именно потому, что они заняты в какой-либо сфере интеллектуальной деятельности) включают радиоприемник наспех, торопясь послушать последние известия.

Естественно, при таких обстоятельствах восприятие радиосообщений нередко идет, скорее, эмоциональным, а не рациональным путем. Возникают определенные предпосылки для того, чтобы человек легче «переваривал» готовый «концентрат мыслей и представлений». Как известно, буржуазное радиовещание широко использует это не только в рекламном бизнесе, но и в стремлении организовать пропаганду по принципам рекламного дела.

Наконец, и такая особенность радио, как его более высокая оперативность по сравнению со всеми другими средствами массовой информации, весьма важна для пропаганды. Первый отклик во многом предопределяет оценку, которую даст тому или иному событию аудитория. Очень часто несколько коротких строк оперативного радиосообщения о факте вследствие сильного их воздействия именно на эмоции аудитории позволяют извлечь больше выгод в пропагандистском отношении, чем пространный комментарий, помещенный спустя некоторое время в газете. Этим обстоятельством в полной мере пользуются буржуазные радиопропагандисты. Один из видных специалистов в данной области, Эдвард Баррет, даже утверждал, что «правильно подобранные фразы, обращенные к правильно выбранной аудитории в правильно найденное время, могут изменить ход истории»²¹.

Перечисленные свойства радио привлекали и привлекают внимание буржуазных теоретиков и практиков подрывной пропаганды, так как именно специфика этого средства массовой информации позволяет им наиболее полно осуществлять фундаментальные принципы манипулирования сознанием — игру на чувствах и предрассудках, скрывающую истинные цели пропагандистской деятельности.

Буржуазные авторы любят подчеркивать «чисто информационную» функцию радио, его способность служить «оперативным распространителем новостей». Действительно, широкие массы людей радиовещание привлекает прежде всего как неиссякаемый источник оперативной информации. Но ведь прекрасно известно, что каждое сообщение, в особенности политическое, неизбежно несет в себе субъективный элемент, которому в практике империалистического вещания часто сопутствует сознательная и планомерная дезинформация. Да, буржуазная пропаганда на первый взгляд кажется «новостной», то есть, как подчеркивает видный советский ученый С. Беллов, «pretендует на удовлетворение потребностей человека в фактической информации. Но на деле сам отбор фактов или псевдофактов («организованных событий»), а также их нагнетание по каналам информации регулируется» с целью «отделить человека от мысли, не дать ему времени для раздумья или осмысления»²².

Таким образом, использование буржуазными пропагандистами специфических свойств радио и оценка его функций полностью приспособлены к концепциям манипулятивной пропаганды. Это относится и к международному вещанию, рассматриваемому в контексте психологической войны.

Один из руководителей нацистского вещания, Х. Дресслер-Андерс, в 1935 году писал: «Радио по сравнению с остальными способами формирования общественного мнения обладает тем преимуществом, что производит непосредственное впечатление на весь народ... Радио не признает границ, созданных природой и человеком, оно проскальзывает на территории других народов. Впервые в истории человечества радио предоставило возможность оказывать влияние на большие нации посредством ежедневно и ежечасно передаваемых извне сообщений»²³.

Стоит заметить, что трибуной для провозглашения этого взгляда явился журнал «Анналы Американской академии политических и социальных наук». Неудивительно, что в 1948 году эта оценка была почти дословно

повторена уже неоднократно цитированным выше П. Лайнбарджером. Он писал: «В настоящее время радио является самым массовым средством пропагандистского воздействия... В расчете на душу населения радио, несомненно, наиболее дешевое средство распространения информации среди миллионов людей... За исключением особенно острых моментов, великие державы, по всей вероятности, и впредь будут... позволять своему населению слушать иностранные передачи, хотя это может означать, что время от времени в страну будет проникать подрывная пропаганда»²⁴.

По всем указанным причинам радио вышло на авансцену внешнеполитической пропаганды империализма. Именно цели подрывной пропаганды обусловили то, что приемы, формы и методы нацистской войны в эфире были не только освоены, но и развиты современными «рыцарями радиовойны». Стоит остановиться на этом подробнее.

ОСВОЕНИЕ «КЛАССИКИ»

В США изучением нацистского коротковолнового вещания, как уже говорилось, сначала занимался Принстонский центр радиоперехватов, потом — специальная Служба разведки иностранного вещания в составе Федеральной комиссии связи. Никто и не скрывал, что опыт нацистов широко использовался правящими кругами США в радиовойне. Приемы и методы подрывной пропаганды на зарубежную аудиторию, применявшиеся нацистами, были тщательно изучены и классифицированы. Краткий перечень этих приемов можно найти в книге П. Лайнбарджера «Психологическая война». Вот они.

1. Официальные сообщения своих органов — правительственных, общественных, военных и других, — в которых выгодные сведения излагаются подробно, а невыгодные бегло. Такие сообщения обязательно должны содержать больше политического материала, чем фактического.

2. Повторение информационных сообщений противника вперемежку с известиями, имеющими вполне определенную пропагандистскую цель — подорвать веру в успех дела противника.

3. Различного рода сенсационные передачи, напоминающие сенсационные газетные статьи, в которых внимание сосредоточивается на одном событии или одной важной в пропагандистском отношении теме.

4. Выступления известных комментаторов с официальными материалами и выступления комментаторов под псевдонимом. Последние обязательно должны делать вид, что их точка зрения отличается от официальной, правительственной точки зрения.

5. Передачи замаскированных станций, делающих вид, что они не имеют ничего общего с правительством того государства, на которое работают.

6. Передача официальным радио фальсифицированных программ или же программ со ссылкой в официальном сообщении на вымышленные источники противника.

7. Передачи, основанные на «выращенных» (определение П. Лайнбарджера.— А. П.) источниках информации, то есть таких, которые тайно контролируются страной, ведущей вещание.

8. Передача откровенно фальсифицированных материалов, то есть выдуманных от начала до конца, в чем слушатели не сразу и не всегда могут разобраться.

9. Наконец, «таинственные голоса или таинственные программы», передаваемые на тех же волнах, на которых ведет передачи противник, причем эти передачи должны транслироваться вслед за передачами противника или одновременно с ними¹.

Такова лишь часть тактических приемов радиопропаганды на зарубежного слушателя, усвоенных практиками вещания США благодаря их собственному опыту во второй мировой войне и изучению опыта противников — гитлеровской Германии и Японии.

Казалось бы, «классическое наследие» освоено полностью и папки с радиоперехватами нацистских коротковолновых передач навсегда почтили в архивах. Ничуть не бывало! В конце 50-х—начале 60-х годов, в разгар «холодной войны», интерес к «классике» вспыхивает в США с новой силой.

Остановимся лишь на одной работе, увидевшей свет именно в этот период,— «Измерения пропаганды: немецкое коротковолновое вещание для Америки», опубликованной в 1964 году. Собственно говоря, работать над этим исследованием его автор, Джером С. Брунер, начал еще в 1939—1940 годах, когда он состоял в штате Принстонского центра радиоперехватов, но по каким-то причинам опубликовал в 1941 году лишь часть работы². И вот двадцать с лишним лет спустя тема вновь оказывается чрезвычайно актуальной.

Трудно не связать этот факт с практическими нуждами организаторов «холодной войны». Сам автор заявляет:

«Мы имеем бесчисленные детальные описания пропагандистских кампаний, относящихся к прошлому и настоящему; многие из них представляют собой блестящие исторические документы. Но нельзя осознать в полной мере ценность таких отчетов до тех пор, пока не созданы стандартизированные категории описания, потому что ценность исследований пропаганды лежит не в простом описании, а в возможности, которую они дают для корреляции пропаганды с политическими тенденциями и с изменениями в общественном мнении»³.

Какие же «стандартизированные категории» предложил Дж. Брунер для улучшения «корреляции пропаганды с политическими тенденциями и с изменениями в общественном мнении»? Любопытно проследить за ходом его рассуждений.

Если отбросить усложненную терминологию и псевдоакадемизм всего исследования, то дело обстоит довольно просто. Пропаганда рассматривается Брунером как «область социального стимула», призванного вызвать особую психологическую реакцию (вспомним о бихевиористской схеме «стимул—реакция»!). Раз так, то необходимо «разграничить пропаганду по основным психологическим измерениям», или, как говорит Брунер, по «дименсиям». Исследуя нацистское коротковолновое вещание на США и, где это возможно, сравнивая его с английской радиопропагандой, Брунер и устанавливает свои «дименсии». Для удобства изложения мы также в дальнейшем воспользуемся этим термином.

Не будем касаться методики исследования, того, насколько вводимые автором категории, как говорят социологи, репрезентативны. «Дименсии» Брунера, нужные, в конце концов, для совершенствования техники манипулятивного воздействия на аудиторию, интересны сами по себе—как пример освоения практики нацистской подрывной радиопропаганды. Брунер назвал их «пробными». Перечислим их:

1. «Дименсия разложения—объединения»;
2. «Дименсия отрицательности—положительности»;
3. «Временная дименсия»;
4. «Дименсия личности—безличности»;
5. «Дименсия стратифицированности—однородности»;
6. «Дименсия авторитетности—случайности»;
7. «Дименсия разговорности»;
8. «Дименсия немедленности—отдаленности»;
9. «Дименсия повторяемости».

Что же конкретно скрывается за этими довольно туманными терминами? Остановимся подробнее хотя бы на первом из них. Посмотрим, что такое «дименсия

разложения—объединения», или, как ее еще по-иному называет Брунер, «растворяюще-унифицирующая дименсия».

Пропаганда, пишет он, может характеризоваться по ее стремлению вызывать у населения разобщенность или сплоченность. Вполне понятно, что нацистская радиопропаганда на США тяготела к первому. Именно поэтому ее опыт и оказался важным для американского иновещания в годы «холодной войны». Правда, об этом Брунер не пишет, но зато он приводит высказывания Гитлера, записанные боссами нацистской пропаганды: «Наша стратегия заключается в том, чтобы сокрушать врага изнутри, завоевывать его посредством его самого. Замешательство ума, противоречие чувств, нерешительность и паника—вот наше оружие»⁴. И далее: «Артподготовка перед атакой, как было во время мировой войны, будет заменена в будущей войне психологическим разоружением противника путем пропаганды»⁵.

Итак, в особенности со ссылкой на «авторитет» Гитлера, понятно, что такое «растворяющая пропаганда». Но суть не в том, чтобы придумать «измерение» и дать ему название, а в том, чтобы показать, как такого рода деятельность осуществлять, то есть изложить соответствующую методику. И Брунер пытается это сделать. «Пропаганда,—пишет он,—которая ставит своей целью разобщить нацию, должна прежде всего разрушить или ослабить стандарты, по которым люди судят о событиях»⁶.

С чего же начинать? Брунер дает конкретные рекомендации.

Первая из них: «Подрыв веры в обычные, собственные источники информации»⁷. Конечно, в официальных американских публикациях, касающихся методов вещания на зарубежную аудиторию, такая циничная формулировка ни до, ни после появления «дименсий» Брунера не имела и не могла иметь места. Однако задача расшатывания веры населения той страны, которая становилась объектом подрывной пропаганды, в собственные источники информации всегда выдвигалась американскими пропагандистами на видное место. Так, в докладе президентской комиссии по международному радиовещанию, носившем претенциозное название «Право знать» (1973 год), об этом говорилось следующим образом: «Мы убеждены в том, что для многих миллионов людей коротковолновое радио является основным источником информации из других стран и уникальным источником для сравнения с тем, что им говорят собственные правительства»⁸.

Вторую рекомендацию, касающуюся ведения подрывной пропаганды в соответствии с «растворяющей дименсией», Брунер формулирует так: «Восстановление группы против группы». Далее он уточняет: «Девизом новой пропаганды является «разделяй и властвуй»⁹.

Затем следуют пункты: «восстановление народа против его лидеров»; «преувеличение масштаба кризисных ситуаций» (ибо «постоянный кризис приводит людей в состояние эмоционального истощения, он является мощным союзником разлагающей пропаганды»); «стимулирование ощущения вины» (ибо «когда конфликт осложняется чувством вины за какие-то действия в прошлом, нерешительность резко возрастает»); «помощь подрывной деятельности пятой колонны»; «стимулирование фатализма» (ибо «нация, убежденная в бесполезности сопротивления, созрела для пагубного воздействия разлагающей пропаганды»); «стратегия террора» (ибо «запуганное население открыто для подавляющего воздействия») ¹⁰.

Пожалуй, каждый, кто прочтет эти пункты, должен будет признать, что комментарии тут излишни.

Стоит кратко сказать и о некоторых других «дименсиях», предложенных Брунером.

Так, суть второй из них состоит в том, что пропаганда может критиковать и оправдывать, нападать или защищать; вариации между этими двумя крайностями представляют собой «отрицательно-положительную дименсию», но главное тут — «делать акцент на негативизме, нападать, а не защищаться» ¹¹.

«Временная дименсия», по Брунеру, связана с умением задавать темп пропагандистских кампаний и соотносить их с «дипломатическими и военными маневрами».

Четвертая «дименсия» отражает так называемый «личностный» подход к аудитории, то, насколько глубоко пытается пропаганда «проникнуть в душу человека». «Для этого существуют многочисленные способы,— пишет Брунер.— Можно использовать эмоциональный язык, или беседовать о вещах, близких другому, или остро ставить вопрос о месте индивидуума в контексте событий, о которых идет речь» ¹². Брунер выделяет в данной связи форму обращения к слушателям, прием «откровения», остроумие, сарказм, иронию и другие способы воздействия на аудиторию.

Столь же недвусмысленную направленность имеют и остальные «дименсии», вплоть до последней — «дименсии повторяемости». Здесь Брунер без стеснения вновь цитирует Гитлера, обращаясь к его книге «Майн кампф»,

изданной в 1939 году в Нью-Йорке. «Гитлер наряду с другими особенно подчеркивал необходимость повторения в пропаганде»¹³, — пишет он.

Достаточно подробное изложение вышеуказанного сочинения Дж. Брунера вовсе не означает, что автора можно отнести к особо значительным теоретикам. Таких, как он, легион. Просто его труд — это достаточно красноречивое свидетельство того, как осваивалось в США «классическое» наследие нацистской подрывной радио-пропаганды.

Посмотрим теперь, как рекомендации буржуазных теоретиков воплощались в конкретные планы пропагандистской деятельности.

РАЗРАБОТКА СЦЕНАРИЕВ

В годы «холодной войны» в основном сложилась и оформилась многоуровневая система политического планирования внешней радиопропаганды США, Англии и ФРГ. Оно стало составной частью внешней политики каждого из вышеуказанных империалистических государств и велось на правительственном уровне, принимая характер политических директив; оно велось также на уровне исполнительных органов, то есть конкретных организаций, непосредственно занимавшихся пропагандой; наконец, оно осуществлялось на межгосударственном уровне, главным образом по линии Европейского Совета (ЕС)* и НАТО. Основное место в планировании на всех уровнях занимали проблемы, связанные с пропагандой на Советский Союз и другие социалистические страны.

Стоит заметить, что документы, касающиеся политического планирования и координации радиопропаганды империалистических государств, по причине тесной связи последней с деятельностью разведки и военных органов в подавляющем большинстве носят секретный характер и малодоступны для исследования. Однако ряд подобных

* Европейский Совет (ЕС) был учрежден в 1949 году западноевропейскими государствами, большинство которых тогда же подписало Североатлантический договор и создало военную организацию, направленную против социалистических стран, — НАТО. Совет возник в период развязывания Соединенными Штатами Америки и империалистическими кругами Западной Европы «холодной войны». Главная его цель — сплочение усилий капиталистических стран, чтобы задержать или предотвратить в них социальные перемены и проводить политику «с позиции силы» по отношению к социалистическим государствам.

документов все же увидел свет. Они-то и анализируются ниже.

Типичным примером правительственных директив по внешнеполитической пропаганде США в годы «холодной войны» является так называемый «Новый план нанесения поражения коммунизму», появившийся в марте-апреле 1955 года. Меморандум относительно этого плана был разработан председателем компании «Рэдио корпорейшн оф Америка» бригадным генералом Дэвидом Сарновом, рассмотрен на совещании в Белом доме 15 марта 1955 года при участии президента Д. Эйзенхауэра, госсекретаря Д.-Ф. Даллеса, директора ЦРУ А. Даллеса, миллиардера Нельсона Рокфеллера, представителей Пентагона и ЮСИА, откорректирован и 5 апреля 1955 года утвержден.

К этому времени «тайная война», которую вели США против социалистических стран, достигла громадного размаха. Кроме различных радиоорганизаций («Голос Америки», «Радио Освобождение», «Радио Свободная Европа» и др.) на правительственные средства была по линии ЦРУ создана разветвленная сеть специальных центров и школ, целью которых являлись не только подрывная пропаганда, но также шпионаж и диверсии.

Естественно, все это официально не именовалось «тайной войной». Наоборот, еще в марте 1950 года ей было придумано благозвучное название «Кампания правды» (можно перевести также «Кампания Истина») — деталь, имеющая значение, как будет показано в последней главе книги. Эта кампания стала крупнейшей операцией в психологической войне США против мира социализма.

«Новый план нанесения поражения коммунизму» как бы конкретизировал задачи «Кампании правды». И по формулировкам и по сути он был выдержан в духе оголтелого антисоветизма, сдобренного изрядной долей демагогии. Вот как, например, излагались «Руководящие установки для политического наступления»:

«1. Поддерживать во всей советской империи дух сопротивления и всемерно подогреть надежду на освобождение и обретение суверенитета...

2. Рассеивать горькое чувство изолированности, какое испытывают все внутренние враги Кремля, путем доведения до их сознания того факта, что, подобно революционерам в старое, царское время, они тоже имеют преданных друзей и сильных союзников за пределами их родины...

3. Усиливать всеми возможными путями и средствами неуверенность советских властей в преданности своего народа...
4. Обеспечивать как моральную, так и материальную поддержку (в том числе и квалифицированным руководством) всех оппозиционных и подпольных движений в странах-сателлитах, а также в Китае и в самой России.
5. Максимально использовать беженцев из советской зоны влияния...
6. Делать ставку на личные устремления тех людей, которые находятся под коммунистическим игом и мечтают... о сохранении права собственности на небольшие хозяйства и дома, о создании свободных профсоюзов, о свободе вероисповедания, передвижения, о возможности путешествовать и т. д.
7. Рассеивать ореол вечности и незыблемости, которым окружил себя коммунизм...
8. Внушать миллионам жителей свободных стран чувство моральной ответственности за расширение свободного мира...»¹.

«Руководящие установки...», как видно даже по используемым в них формулировкам, являлись не чем иным, как развернутой программой широкомасштабной пропагандистской агрессии.

В плане вытекающих отсюда мероприятий подчеркивалось, что «организационная структура ведения холодной войны уже существует» и что «она должна быть только усилена и приспособлена к расширившимся масштабам нынешней деятельности»².

Документы, подобные «Новому плану нанесения поражения коммунизму», оказывали непосредственное влияние на развертывание оперативной деятельности радиоорганизаций, занимавшихся ведением подрывной пропаганды на Советский Союз и другие социалистические страны, хотя подготовка прямых директив для вещания, как и само их содержание, почти всегда носили конфиденциальный характер.

Для понимания сущности этих инструкций и механизма их подготовки небезынтересен относящийся к более позднему периоду официальный документ из материалов сенатской комиссии по иностранным делам конгресса США, где в мае 1971 года проводилось расследование вопроса о финансировании «Радио Свободная Европа»

(РСЕ) и «Радио Свобода» (РС). Один из членов сенатской комиссии по иностранным делам сенатор Эйкен задал вопрос о том, имеют ли эти поддерживаемые правительством США и ЦРУ радиостанции «предположительно антикоммунистический характер». На это конгрессмен О. Рейд под смех присутствующих сказал, что он уже отметил «неуместность обсуждения механизма руководства станциями из Вашингтона», но что у него есть «директивы для этих станций, на которые при желании можно взглянуть»³. На следующий день Рейд прислал в комиссию директивы и такое сопроводительное письмо:

«Конгресс Соединенных Штатов, Палата представителей, Вашингтон, округ Колумбия. 25 мая 1971.

Дж. Уильяму Фулбрайту,
председателю сенатской комиссии по иностранным делам. Вашингтон, новое здание сената, 1215.

Уважаемый г-н председатель, для меня было честью выступить перед вашим комитетом вчера, и в развитие нашего разговора вместе с настоящим письмом я посылаю несколько ежедневных кратких директив.

Они составляются в Мюнхене и проверяются в госдепартаменте и ЦРУ в Вашингтоне. Вы заметите, что некоторые из них предлагают выбор, в то время как другие носят обязательный характер. Далее, мне сообщили, что ежегодно для каждой страны, на которую ведутся передачи, составляется общий обзор директив.

В лучшем случае данные краткие директивы позволяют усилить редакционную сторону передач; в худшем — отражают серию политических суждений...

С теплыми пожеланиями искренне ваш

*Огден Р. Рейд*⁴.

Упоминание в письме различных директив — «обязательных» и тех, которые «предлагают выбор», «ежегодных для каждой страны» и «общих обзоров» — позволяет сделать вывод о большом количестве документов такого рода, а также о том, что именно они регулируют направленность, характер и даже методы вещания.

На основе общих политических планов и директив, исходящих от государственных органов, руководством соответствующих радиовещательных организаций разра-

батывались и разрабатываются свои инструктирующие материалы по проведению различных пропагандистских акций и кампаний, проекты изучения аудитории, указания методического характера.

Этот многоступенчатый процесс планирования и координации подрывной радиопропаганды прекрасно иллюстрируют внутренние документы «Радио Свобода» и «Радио Свободная Европа». Несколько таких документов было опубликовано в служебных материалах конгресса США; другие (частично)—в печати ПНР и ЧССР после возвращения на родину польского разведчика Анджея Чеховича и чехословацкого Павла Минаржика, работавших в РСЕ. На большинстве этих материалов стоит гриф «Секретно» или «Для служебного пользования».

Одним из первых таких документов для «Радио Свобода» (тогда еще—радиостанция «Освобождение») явились директивы от 8 января 1954 года. Они были довольно краткими: занимали девять страниц машинописного текста и содержали четыре раздела. В этих разделах определялись задачи радиостанции, давались указания относительно направленности передач и правила, которыми надлежит руководствоваться для усиления эффективности вещания.

Важным считалось убедить слушателей в том, что радиостанция «Освобождение» — «их собственный голос». В параграфе первом третьего раздела директив, озаглавленного «Правила, которым надлежит следовать для усиления действенности наших передач», так и говорилось: «Памятуя о том, что радиостанция «Освобождение» должна убедить своего слушателя, что она русская (или азербайджанская, или белорусская, или татарская и т. д.) станция, работающая в его интересах и в интересах его народа, следует исключить все, что могло бы создать впечатление, будто она действует в интересах какой-либо иностранной державы»⁶. Иными словами, радиостанция «Освобождение» стремилась завуалировать свою связь с США.

Заметим, что и в последующих директивах, которые доводились до сведения сотрудников «Радио Свобода», содержалось, хотя и в других формулировках, то же требование. Например, в одной из них, относящейся к 1965 году, утверждалось, будто РС «представляет собой свободный голос бывших граждан СССР»⁶.

Таким образом, директивы для РС прямо исходили из вывода теоретиков о том, что эффективность пропаганды в серьезной мере обусловлена природой источника сооб-

щения. Заметим, что это, в общем-то, справедливо. Даже в межличностных контактах, в практике повседневного общения эффективность восприятия зависит в значительной степени от того, насколько авторитетным лицом является наш собеседник. Подобное происходит и в сфере пропаганды. Недаром РСЕ и РС, заботясь о своей репутации, так тщательно заматают в течение многих лет какие-либо следы своих связей с правительством США и в особенности с ЦРУ.

Поскольку воздействие средств массовой информации на человека во многом зависит также от его принадлежности к той или иной социальной группе, неудивительно, что идеологическим диверсантам нужно проводить определенную классификацию своей потенциальной аудитории. Это и делалось в упомянутых выше директивах.

Так, в директиве 1965 года для РС вся аудитория советских слушателей по степени «предрасположенности к восприятию информации» была поделена на восемь групп. Основной мишенью, избранной для пропагандистского воздействия, оказалась молодежь. Именно поэтому в других директивах особое внимание уделялось вопросу о том, как строить передачи для молодежи.

Конечно, указания такого рода не остаются неизменными. В частности, в марте 1967 года на конфиденциальном совещании в Нью-Йорке под председательством президента Комитета «Радио Свобода» кадрового разведчика Х. Сарджента в директивы 1965 года были внесены определенные изменения. На этом совещании с целью совершенствования механизма идеологических диверсий анализировались, в частности, самые различные аспекты жизни молодого поколения советских людей. О направлениях этого «анализа» дает хорошее представление перечень обсуждавшихся вопросов: «жизненный цикл и понятие различий между поколениями»; «молодежь, интересующаяся политикой, и молодежь, безразличная к политике»; «духовные искатели»; «советская молодежь и советское общество»; «отношение советской молодежи к советскому обществу прошлого»; «вопрос преемственности и конфликта поколений» и др. В числе конкретных рекомендаций по содержанию радиопередач, ведущихся РС для советской молодежи, были, например, такие: «Содержание передач должно определяться различиями между поколениями... Основные усилия, направленные на стимулирование эволюционных течений, должны предприниматься по отношению к молодым интеллигентам, несмотря на их уклонение от слушания радиопередач «Сво-

боды»⁷ и т. д. Подрывной, провокационный характер такого рода рекомендаций не вызывает сомнений.

Эффективность пропагандистского воздействия зависит и от межличностных контактов, от влияния «лидеров мнений» на распространение и оценку информации. На практике это зачастую связано с передачей слухов, источником которых служит радиопропаганда.

Технике распространения слухов «Радио Свобода» уделяет чрезвычайно большое внимание. Об этом говорилось и на вышеупомянутом совещании в Нью-Йорке в марте 1967 года. Но, как было отмечено там, деятельность американских радиостанций, ведущих пропаганду на СССР, осложняется тем, что «имеет две крайности: стремление достичь определенных политических результатов и сохранить при этом незапятнанность своей репутации»⁸.

Приведем выдержки из инструкции «Основные принципы радиовещания Запада», одобренной на совещании в Нью-Йорке в 1967 году. Она как нельзя более ярко иллюстрирует «особенности форм и содержания» передач не только американских, но и других западных радиостанций, вещающих на Советский Союз.

«I. Основные принципы радиовещания

- а) Захват внимания слушателя с помощью включения в программу, например, описания новых марок автомобилей, рассказов об интересных идеях и приспособлениях, о новых стилях, прическах, моде...
- б) Удержание внимания слушателя с помощью программ более содержательных, представляющих всеобщий интерес.
- в) Свобода от обычных политических ограничений. Передачи должны создавать впечатление стихийного и непринужденного диалога, из которого слушатели должны сделать выводы о своих действиях в политической сфере.

II. Методы достижения целей

- а) Передача фактической информации о событиях внутри Советского Союза и за его пределами.
- б) Развлекательные передачи.
- в) Популярная музыка в таких записях, которые радиослушатели не могут нигде больше услышать. С помощью музыки привлекать молодежь к

слушанию передач, а затем перейти к диалогу, в том числе и по спорным вопросам...

г) Использовать юмор, прежде всего политический, который по советским стандартам носит «подрывной характер».

д) В беседах для молодежи, свободных от политических ограничений и носящих непосредственный и даже двусторонний характер, поднимать ценности Запада и более эффективно обучать молодежь, но не выступать в роли «папаши», нудно толкующего сыну о его поведении...

ж) Использование литературы. В своих передачах «Радио Свобода» должно использовать цитаты из произведений классиков, так как они служат приманкой и заинтересовывают слушателя.

з) В радиопередачах для национальных меньшинств должен использоваться метод, состоящий в дифференцированном, специальном подходе при составлении программ для районов, заселенных различными национальностями.

III. Тон радиопередач

...А. Должен быть таким, чтобы он никоим образом не уязвлял чувств различных категорий слушателей. Необходимо отказываться от придирчивого тона, замечаний, оскорбительных сравнений, за исключением особых случаев, когда, например, идет речь о поддержке реформистских элементов.

Б. Никаких призывов к действию.

В. Отказ от стремления поставить Советское правительство в затруднительное положение. Это надо для того, чтобы не оскорбить патриотических чувств или национальной гордости слушателей, ибо советский народ отождествляет себя с отдельными патриотическими мероприятиями Советского правительства, которые вы (то есть составители передач.— А. П.) можете подвергнуть критике.

Г. Осторожное отношение к таким высокочтимым советским деятелям, как Ленин, тем более что в них верит советская молодежь. Ленин был человеком, который хотел построить коммунизм, а коммунизм для советских людей— нечто священное.

Д. Отказ от покровительственного тона, равно как и от снисходительного тона.

Е. Никаких готовых выводов для радиослушателей. Давать такой материал, так освещать события, чтобы слушатели сами приходили к нужным нам выводам. Они не хотят, чтобы им что-то «запихивали в глотку», рекомендовали во что-то верить... Это можно делать, но это следует делать более тонко.

Ж. Никакого морализирования, ибо это только может оттолкнуть слушателя. Морализирование губит дело. Пусть лучше сами извлекают для себя моральные выводы.

З. Внимание к тону эмигрантов, покинувших Советский Союз и привлекаемых к участию в передачах! Поскольку у них сложилось определенное мировоззрение, они могут позволять себе большее, чем мы от своего имени.

IV. Основные темы

Хотя мы непременно должны упоминать о негативных аспектах западного общества, нужно постоянно учитывать, производят или нет такие упоминания вредное впечатление. Каждая программа на политические темы должна длиться 2—3 минуты. В них должны даваться:

А. Цитаты из высказываний коммунистов-реформистов в пользу многопартийной системы при социализме, осуждающих «непогрешимость» коммунистических партий и т. п. Главное в том, чтобы навязать слушателям их «собственное» мировоззрение, которое не обязательно должно носить прозападный характер, но оно должно отличаться от официальной политики.

Б. Короткие программы о конструктивной оппозиции. В них может идти речь о движении в направлении эволюции и реформ, о том, что можно сделать без уничтожения государственной собственности или централизованного планирования, какие можно провести некоторые интересные перемены»⁹.

Любой раздел, любой пункт и даже любая фраза этого документа совершенно недвусмысленно свидетельствуют не только о скрупулезной разработке механизма манипулятивного воздействия, но и о том, что это воздействие осуществляется в деструктивных целях — в целях деморализации потенциального слушателя, подрыва его мировоззрения и навязывания чуждых ему идей.

Под давлением обстоятельств (о чем пойдет речь ниже) официальный Вашингтон вынужден был в конце 1972 года пересмотреть эти директивы. Но исходные позиции тех, кто их составляет, не изменились и до сих пор. Зато тактика диверсионной радиопропаганды стала еще более изощренной. Именно поэтому составители директив охотно рассуждают о «хладнокровном анализе», «подталкивании» слушателей к «самостоятельному» мышлению, отказе от прямой полемики с советскими органами информации и т. д.

Таковы в общих чертах принципы планирования подрывной радиопропаганды на Советский Союз, осуществлявшейся США в годы «холодной войны». Эти принципы, с некоторыми особенностями, использовались также и в деятельности Би-би-си, «Немецкой волны» и других радиостанций аналогичной политической направленности.

В 60-е годы упоминавшийся выше Европейский Совет (ЕС) отводит координации и планированию радиопропаганды на социалистические страны все большее место, о чем свидетельствуют, в частности, заседания его Консультативной ассамблеи в мае—июне 1960 года в Страсбурге. В документах встречи подчеркивалось: «Необходимо в целях достижения большей эффективности вещания на страны Центральной и Восточной Европы координировать, насколько возможно, деятельность в этой области стран—членов Европейского Совета».

Консультативная ассамблея выработала двадцать конкретных предложений. Некоторые из них, в частности, заключались в следующем:

«16. ...Так скоординировать время звучания передач в эфире, чтобы избежать излишнего параллелизма. Нужно обеспечить *беспрерывную* (подчеркнуто в тексте документа.— А. П.) передачу новостей и комментариев... Необходимо организовать такое координирование различных передач по радио, чтобы на протяжении всего дня они осуществлялись в течение более длительного времени, чем сейчас;

17. Видимо, следует также скоординировать культурные мероприятия, включая музыкальные программы; и в этой сфере тоже будет выгоден обмен идеями и опытом. То же самое можно сказать и в отношении уроков языка по радио;

18. ...Мы считали бы важным, чтобы осуще-

ствлялся обмен информацией, полученной с помощью радиоперехватов, и чтобы каждая радиоорганизация специализировалась на перехватах передач определенных стран или радиостанций; 19. ... Рекомендуются, чтобы одна из радиоорганизаций во что бы то ни стало начала более регулярную передачу новостей на все три прибалтийские страны (имеются в виду советские прибалтийские республики.— А. П.), даже если бы это означало прекращение вещания на каком-нибудь восточноевропейском языке. Это последнее может быть передано полностью или частично другой какой-либо радиоорганизации;

20. Следовало бы встретиться специалистам по техническим вопросам, чтобы рассмотреть пути и средства борьбы с глушением с целью увеличения до предела слышимости наших радиопередач в странах этого района... Это сотрудничество должно быть расширено, с тем чтобы им были охвачены все заинтересованные службы. Следует рассмотреть также и другие пути технического сотрудничества и связей.

Возможно, на какой-то стадии возникнет потребность в более постоянной форме сотрудничества, например в рамках объединенного комитета или совета. Во всяком случае, мы не думаем, что препятствием к этому может служить тот факт, что одни радиоорганизации находятся под прямым правительственным контролем, а другие нет. Так давайте практически осуществлять важную задачу установления тесных личных контактов в области административной, издательской и технической деятельности, контактов между лицами, ответственными за вещание на Центральную и Восточную Европу».

В решениях встречи содержалось требование к правительствам стран—участниц ЕС «в кратчайший срок информировать Ассамблею о шагах, предпринятых во исполнение данных рекомендаций».

Вскоре руководство Европейского Совета начало разрабатывать политические директивы по радиовещанию на Советский Союз и другие социалистические страны Европы. Эти директивы были направлены в первую очередь на координацию радиопропаганды, планирование отдельных пропагандистских кампаний и акций, проводившихся совместными усилиями радиоорганизаций

стран — членов Европейского Совета, а также американских подрывных радиопропагандных центров в Европе — «Радио Свободная Европа», «Радио Свобода», «Радио в американском секторе Берлина» (РИАС). Обычно подобные директивы давали официальную оценку тому или иному политическому событию, явлению, факту и содержали подробнейшие указания относительно их интерпретации в радиопередачах.

Планирование и координация антисоветской и антисоциалистической радиопропаганды в межгосударственном масштабе осуществлялись, естественно, и на уровне организаций, непосредственно занимавшихся ею. Так, в США регулярно устраивались различного рода симпозиумы (иногда — секретные, часто — под эгидой научных учреждений), на которых рассматривались и планировались различные акции в «холодной войне». Например, один из крупных симпозиумов на тему «Пропаганда и «холодная война» был проведен Принстонским университетом в марте 1962 года. В его работе принимали участие видные деятели государственного аппарата — Карл Мундт, Джордж Аллен, Фредерик Баргхорн, Аллен Даллес.

Встречи представителей радиоорганизаций капиталистических государств, вещающих на социалистические страны, регулярно проводились и в Европе. Например, в Мюнхене в марте 1960 года состоялось совещание сотрудников Би-би-си, Французского радио и телевидения (РТФ), Итальянского радиовещания и телевидения (РАИ), «Радио Анкары» и «Радио Свободная Европа», где обсуждались проблемы эффективности передач на страны Восточной и Центральной Европы. Обстоятельный доклад по итогам этой встречи был представлен Европейскому Совету.

Планирование и координация радиопропаганды на социалистические страны велись в годы «холодной войны» также по линии НАТО. В этих целях использовался огромный, широко разветвленный аппарат, с одной стороны, специальных органов НАТО, с другой — органов психологической войны каждой из стран — членов НАТО. Разработкой директив занимались главным образом Комитет информации и культурных связей Совета НАТО, а также Управление по политическим вопросам генерального секретаря НАТО, имевшее отделы политики, информации и прессы. Именно это Управление координировало всю работу, связанную с антикоммунистической пропагандой, осуществлявшейся не только радио, но также и другими средствами массовой информации.

«Звезды» и марионетки.—Главный антрепренер.—Гальванизация трупа.—Ветераны двойной игры.

Эту главу, речь в которой пойдет, так сказать, об исполнителях в империалистическом «радиотеатре», мы предварим следующей сентенцией: «Шпион, диверсант, убийца—эти порождения тьмы—работают тихо, в одиночку, в подполье. Они рискуют своей жизнью. Радиопредатель в десять раз более низок. Он совершает предательство хладнокровно, ежедневно, в течение многих месяцев, а может быть, и лет. Его предательство публично, громогласно и бессовестно. Он рискует во время войны—если не считать возможности быть схваченным в случае поражения—не больше, чем обычное гражданское лицо. То, что он стремится разрушить, это не один какой-то объект—пороховой завод, фабрика или корабль. Он стремится разрушить всю систему традиций и идеалов, с которыми вырос, которые его учили уважать и которые, как ожидалось, он будет защищать. Его предательство абсолютно. Это отвратительный продукт второй мировой войны»¹.

Сентенция эта принадлежит уже упоминавшемуся выше американскому специалисту по радиопропаганде Чарльзу Роло. Обладая бойким пером, он ввел в литературу довольно много новых формулировок. В частности, именно он может считаться автором таких определений, как «война в эфире», «четвертый фронт» и, наконец, «радиопредатель».

Если попытаться разобрать вышеприведенное определение, вдуматься в него, то, несмотря на всю его резкость и кажущуюся точность, нетрудно заметить в нем некий изъян. Роло стремится дать формулировку абстрактную, подходящую «на все случаи жизни», независимо ни от места, ни от времени, ни от обстоятельств, в которых это явление существует. А между тем, выступая с гневным обличением радиопредательства, он имеет в виду вполне конкретное лицо. Это конкретное лицо, с которым, как

писал сам Роло, у него «ассоциируется жестокая кампания идеологической, политической и в еще большей степени военной борьбы, развернувшейся между Англией и Германией в 1939—1945 годах»²,— Уильям Майкл Джойс, иначе Вилли Фрелих или «лорд Хау-хау». Он по праву может считаться родоначальником тех радиопредателей, которые ныне служат марионетками в руках режиссеров подрывной империалистической пропаганды.

«ЗВЕЗДЫ» И МАРИОНЕТКИ

Биография Джойса, как мы увидим, типична для большинства теперешних радиопредателей, подвизающихся у американских, английских и западногерманских микрофонов.

...Он родился в 1906 году в Нью-Йорке и от благочестивых родителей унаследовал фамилию Джойс, что буквально означает «веселый» или «игривый». Но шли годы, веселость и игривость мальчика все больше превращались в обычное хулиганство, а потом и того хуже. Во всяком случае, когда мама и папа Джойсы вернулись на родину в Англию, их сын Уильям превратился в настоящего бандита. Может быть, его будущая карьера и закончилась бы банально, не пошли ему судьба встречу с сэром Освальдом Мосли, главарем английских фашистов.

Мосли высоко ценил в Джойсе своеобразный талант наглеца, заботливо пестуя этот талант, думая о его будущем. Правда, в течение десяти лет Джойс был рядовым членом фашистской партии Англии. Но, учитывая его заслуги и даже в некотором роде способности, Джойса выдвинули затем на пост «директора пропаганды» Британского союза фашистов. И тут случилось непредвиденное: он поссорился с Мосли, потому что последний весьма неодобрительно отнесся к растрате, которую совершил «директор пропаганды».

Весной 1939 года, когда угроза войны стала вырисовываться со всей очевидностью, Джойс упаковал свои чемоданы и сел на пароход, отправлявшийся на континент. В Берлине он немедленно получил должность радиопропагандиста в передачах на Англию, большую зарплату и имя Вилли Фрелих. Так произошло второе крещение Уильяма Майкла Джойса.

Сначала он выступал под именем Фрелиха, а затем, в апреле 1941 года, раскрыл свое настоящее имя: «Может быть, кто-нибудь подумает, что я предатель,— заявил

Джойс, начав передачу,— но прежде послушайте меня...» Так Джойс, он же Вилли Фрелих, привлек к себе внимание. А это по канонам геббельсовской пропаганды означало уже половину успеха.

Джойс-Фрелих приводил в своих комментариях факты, никогда не имевшие места, называл имена никогда не существовавших людей и лгал с такой беззастенчивой наглостью, что даже выдавшие виды геббельсовские радиоврали разводили руками. Из-за того, что поведение этого человека у микрофона напоминало временами лай взбесившегося пса, ему была дана презрительная кличка — «лорд Хау-хау». Так состоялось третье крещение Джойса-Фрелиха.

О своих хозяевах — нацистах «лорд Хау-хау» говорил только в третьем лице: «Эти немцы». А иногда для того, чтобы его нападки на тогдашние порядки в Англии выглядели убедительнее, он использовал цифры и факты из английских источников. Он запугивал англичан и в то же время представлял в своих передачах картину непобедимой Германии. Узнав о повышении интереса американцев к «лорду Хау-хау», чему вольно или невольно способствовала английская печать, берлинское радио с апреля 1940 года начало ретранслировать на Северную Америку некоторые из его выступлений. «Лорд Хау-хау» ставил своей задачей вбить клин между союзниками в войне против фашистской Германии. Англичан он уверял в том, что враг Великобритании не Германия, а США, американским же слушателям внушал мысль о бесполезности помощи англичанам, утверждая, что Великобритания находится в агонии.

Когда наконец слушатели начали понимать, как ловко обрабатывает их геббельсовская радиопропаганда, которую столь «блестяще» представлял «лорд Хау-хау», последний стал применять различные трюки, чтобы поднять свою популярность. Так, 4 октября 1941 года берлинское радио вдруг заявило, что «всемирно известному комментатору Джойсу-Фрелиху запрещено выступать». Пресса США и Англии попала на удочку и много писала об этом факте, содействуя тем самым возрождению интереса к личности радиопредателя. И тогда в передачах фашистской Германии на Англию сам «лорд Хау-хау» 7 октября объяснил, в чем дело. «Мне не запрещено выступать,— заявил он.— Меня запрещают слушать». И снова, как установили специалисты из Би-би-си, занимавшиеся зондажем общественного мнения, интерес к «лорду Хау-хау» возрос.

Нечистые приемы войны в эфире, олицетворением которых стал Джойс, изобретались, конечно, не им самим, а всем штабом геббельсовского ведомства радиопропаганды. Естественно, он был не единственной «звездой» в «радиотеатре» Геббельса.

Другим ведущим комментатором иновещания из Берлина был некто Фред Калтенбах — американец немецкого происхождения, в прошлом лейтенант американской артиллерии. Раз в неделю, фиглярничая у микрофона, он в передаче под названием «Письма Гарри» давал американцам советы, как поступать и как расценивать войну в Европе и американскую внешнюю политику.

«Гарри», как и «лорд Хау-хау», конечно, открывал рот у микрофона только тогда, когда получал необходимые инструкции: оценки происходящего, с которыми он выступал, отнюдь не были плодом его собственных размышлений. Директор нацистского иновещания Т. Винкельнхемпер, опиравшийся в свою очередь на соответствующие указания министерства пропаганды и самого Геббельса, так формулировал основные тезисы передач на США:

1. Большевизм — враг № 1 для всего мира.
2. Евреи во всем мире поддерживают большевиков.
3. Немцы — самые счастливые и самые обеспеченные люди на земле.
4. Германия — непобедима.
5. Англия — экономический и политический декадент»¹.

Вскоре к «лорду Хау-хау» и «Гарри» присоединился профессиональный актер и автор бульварных романов, человек, можно сказать, без национальности, называвший себя то ирландцем, то американцем и выступавший у микрофона под именем Уорд, — Эдвард Делани. С его участием в эфир выпускалось «Политическое кабаре» — сатирическая программа, высмеивавшая видных политических деятелей Англии и США.

Этот триумvirат дополнял некто Макс Отто Кошвитц, бывший сотрудник охотничьего колледжа в Нью-Йорке, выдававший себя за профессора. Сначала его представляли как «доктора Андерса», а затем назвали «О'Кей». «Доктор Андерс», он же «О'Кей», хоть и не был профессиональным актером, не участвовал в политическом кабаре, но также играл роль в геббельсовском «радиотеатре»: он выступал в роли искусствоведа и литературного критика, высказывая одобренные нацистами мнения решительно обо всем, начиная от сюрреализма и кончая гегелевской философией. Его передачи, такие, например, как «Бог и

дьявол», «Сюрреализм», «Проблема свободы», «Мораль и закон», носили, так сказать, «культурно-политический характер», претендовали на высокий интеллектуальный уровень, были ориентированы на ученых и студентов и имели точную пропагандистскую задачу — повысить интерес общественности США, в первую очередь интеллигенции, к вещанию фашистской Германии.

Среди других «заметных» радиопредателей были Роберт Бест, бывший американский журналист; Герберт Джон Бёгман, он же Джо Скаплон, бывший служащий американского посольства в Берлине, отказавшийся от репатриации и начавший сотрудничество с нацистским радио в 1942 году; Дуглас Чэндлер, американец, немецкий шпион, кощунственно взявший себе в качестве псевдонима имя национального героя освободительной войны в США Поля Реверы и выходивший в эфир под звуки «Янки дудл»; Милдред Гилларс, она же Милдред Сиск, она же Аксис Салли, ведущая передачи «Родина, любимая Родина», в которой она использовала записанные на пленку голоса американских солдат — военнопленных, находившихся в концлагерях и больницах.

Карьера всех этих радиопредателей была недолгой и, по существу, однотипной. Кошвитц, правда, не дождался возмездия (он умер в конце войны), но Бест, Бёгман, Чэндлер и Гилларс после войны были обвинены в государственной измене как граждане США и приговорены к различным срокам заключения. Бест — к пожизненному (умер в 1953 году); Бёгман — к лишению свободы сроком до 20 лет (правда, вскоре освобожден); Чэндлер — к пожизненному в каторжной тюрьме (однако в начале 60-х годов освобожден из тюрьмы и выслан за пределы США); Гилларс суд приговорил к лишению свободы сроком «от 10 до 30 лет» и к денежному штрафу в размере 10 тысяч долларов, но в 1961 году она была освобождена. Что касается «лорда Хау-хау», то его после войны на судебном процессе, получившем широкую общественную огласку, приговорили к смертной казни. В 1946 году приговор был приведен в исполнение.

Зачем понадобилось сегодня вспоминать о всех этих грязных личностях? Чтобы еще раз подчеркнуть моральную беспринципность буржуазной пропаганды, и отнюдь не только нацистской. В этом отношении своеобразный символический смысл приобретает история одного рукопожатия.

...Гитлер любил принимать гостей в своей вилле в

Оберзальдберге, утопавшей в цветах, но искусно — так, чтобы было незаметно, — окруженной колючей проволокой и небольшими башенками, имевшими пулеметные гнезда. Незадолго до начала второй мировой войны сюда прибыл английский политический деятель и газетный магнат лорд Бивербрук. В годы первой мировой войны он занимал пост министра информации Великобритании, а теперь был одним из приближенных Черчилля и выступал как сторонник коллективной безопасности. Это была маска. В действительности же лорд Бивербрук был одним из тех политических деятелей Великобритании, кто стремился направить гитлеровскую агрессию на восток, против СССР. Позже, в 1940—1945 годах, он займет видные посты в правительстве Черчилля, а пока он прибыл к Гитлеру почти как частное лицо. О чем велись беседы между одним из могущественнейших в мире газетчиков и нацистским фюрером, неизвестно. Однако некоторые детали встречи все же стали достоянием общественности.

Учитывая интерес своего гостя, Гитлер пригласил к себе и уже «знаменитого» в то время «эксперта по вопросам пропаганды» Геббельса. Они долго беседовали, а потом вышли в сад. Неожиданно лорд Бивербрук обратился к Гитлеру: «Скажите, господин Гитлер, сколько зарабатывает доктор Геббельс?» На это Гитлер, смеясь, ответил, что этого он не знает и что об этом надо спросить самого Геббельса. Последний не понимал, к чему клонит гость из Великобритании, и ответил на вопрос неопределенно. Тогда Бивербрук сказал: «Все равно я хочу вас переманить на работу к себе. Сколько бы вы ни зарабатывали, я предлагаю вам в десять раз больший оклад». «По рукам!» — воскликнул Геббельс и протянул руку. Однако фюрер молниеносно перехватил его руку и заявил: «Я заплачу еще больше». Лорду Бивербруку ничего не оставалось, как сокрушенно пожать плечами и опустить протянутую руку.

И все же символическое рукопожатие между английской и нацистской пропагандой состоялось, причем, как ни странно, уже после окончания второй мировой войны. Мало того, это произошло в последний день суда над нацистскими военными преступниками в Нюрнберге.

Среди тех, кого судили, был один из видных деятелей фашистского радиовещания комментатор Ганс Фриче. Как говорили в годы войны, он как бы «прощупывал» английскую радиопропаганду и «с немецкой основательностью» стремился свести ее на нет. В системе Би-би-си была даже создана бригада работников, составлявших

ответы на выступления Фриче, а читал эти ответы Сефтон Делмер.

Делмер, один из организаторов «черной» радиопропаганды Англии во время войны, о котором уже упоминалось выше, тоже был в тот день в Нюрнберге. Но он находился, естественно, среди журналистов, освещавших ход процесса. И вот противники встретились...

Ганс Фриче в автобиографии, изданной позже в ФРГ большим тиражом, весьма трогательно описывает эту встречу².

Суд нашел возможным выпустить на свободу Фриче вместе с Шахтом и Папенем. Когда эта тройка вышла из зала суда, Шахт начал торговать автографами в обмен на шоколад, а Фриче, услышав, как кто-то назвал имя Делмера, подскочил к нему и на английском языке воскликнул: «Неужели вы действительно тот самый Сефтон Делмер? Я всегда желал встретиться с вами и пожать вам руку. Как часто, слушая ваши контрпропагандистские ответы на мои радиопередачи, я мечтал о встрече с вами где-нибудь в нейтральном месте, чтобы выпить стаканчик вина и побеседовать...»

Делмер улыбался. Кто-то из американцев закричал: «Джо, беги сюда с камерой, надо зафиксировать встречу двух великих голосов...» Делмер пожал перед камерой руку Гансу Фриче, который при этом заявил: «Сефтон Делмер, вы были честным противником, и я надеюсь, вы то же самое думаете обо мне!» Делмер, продолжая улыбаться, согласно кивнул головой.

На следующий день прогрессивная печать всего мира писала о том, как Делмер пожимал руку одному из подручных Геббельса. Выходившая в Берлине газета социал-демократов «Телеграф» в передовой статье с горечью констатировала: «Если бы все это было не более чем встречей боксеров на ринге с пожатием рук в конце, мы бы ничего не сказали. Однако это рукопожатие вызывает сожаление по адресу тех, кто, рискуя своей головой, прослушивал в годы войны немецкие радиопередачи Би-би-си»³.

Даже многие из коллег Делмера не могли простить ему этого рукопожатия, и некоторое время немецкая служба Би-би-си бойкотировала его материалы. Но, как оказалось, Делмер был прозорливее своих честных коллег...

В течение всего послевоенного времени, подбирая кадры исполнителей для своего «радиотеатра», то есть для многочисленных радиостанций, осуществляющих ди-

версионно-пропагандистскую деятельность против СССР и других социалистических стран, организаторы империалистической пропаганды по примеру нацистов делали ставку прежде всего на предателей, лиц, запятнавших себя сотрудничеством с гитлеровцами, уголовными преступлениями, на различного рода отщепенцев. Мы приведем лишь ряд примеров, подтвердив их документами.

В июле 1971 года, когда в связи с обсуждением в конгрессе США законопроекта о новом порядке финансирования «Радио Свободная Европа» и «Радио Свобода» об этих организациях много писалось и говорилось, корреспондент советского телевидения и радио в Бонне Александр Жолквер решил посетить штаб-квартиры РСЕ и РС в Мюнхене, чтобы получить там ответы на некоторые интересовавшие советскую общественность вопросы. Впоследствии, вернувшись в Москву, Александр Жолквер в своем выступлении перед телевизионными камерами так описал историю этого интервью:

«Проникнуть в штаб-квартиру «Радио Свобода» оказалось нелегко. Хотя расположена она в Мюнхене, но телефонистки ее коммутатора говорят почему-то только по-английски и более чем лаконично. Ни с кем из сотрудников радиостанции не соединяют, все телефоны — внутренние, никаких фамилий и номеров телефонистки не называют.

Единственное исключение составляет некий господин Редлих. Хотите что-либо узнать о «Радио Свобода» — переговорите с господином Редлихом; хотите с кем-либо встретиться — опять-таки обратитесь к господину Редлиху. Создается впечатление, что весь коммутатор «Радио Свобода» замыкается, так сказать, на господине Редлихе.

Ну, что ж, Редлих так Редлих! Прошу соединить меня с ним, называю себя...

После упоминания слов «Московское телевидение» в трубке воцарилось молчание. Потом, после весьма красноречивой паузы раздался резкий голос: «Никакого телевидения, никаких съемок — ни в самом здании, ни даже на его фоне. И вообще, единственное, что я могу вам разрешить, — это только радиointerview, и то только со мной и то только при условии, что это интервью буду записывать также и я сам, для контроля...»

Ну, что же делать, приходится ограничиться хотя бы радиointerview...

Приезжаем с коллегой в Мюнхен, на Арабеллштрассе, 18, входим в здание «Радио Свобода», перед нами вырастает фигура дюжего охранника. Табличка с надписью на английском и русском языках: «Стойте! Предъявите пропуск!»

Пропусков у нас, естественно, нет. Стоим, ждем... По внутренней сигнализации вызывают господина Редлиха.

Господин Редлих ведет нас в помещение радиостанции мимо окаменевшего охранника, через вестибюль, в лифт. Двери тут же захлопываются, поднимаемся на несколько этажей, два шага — и мы в кабинете господина Редлиха. Причем за время, пока мы шли в этот кабинет, было сделано так, чтобы мы никого не видели и нас никто не видел.

Ну и сам господин Редлих беседу начал почему-то, хотя мы его об этом и не спрашивали, с упоминания о том, что он не является сотрудником никаких секретных служб, что он служил в свое время в американской армии, и даже называет свой военный номер — 23-51-00-44. И он говорит, что если хотите, то можете справиться, проверить этот номер. Все это похоже на оправдание. Но нас интересует не личность господина Редлиха...»⁴

Напомним, что, согласно предварительным условиям, съемки советскими корреспондентам на «Радио Свобода» были запрещены. Мистер Редлих позволил лишь записать интервью с ним на магнитофонную ленту. Запись дублировалась: один экземпляр остался у мистера Редлиха, другой был «любезно» предоставлен корреспонденту. Вот с этой-то записи здесь и воспроизводится один из любопытных фрагментов интервью.

«Корреспондент. А теперь о другом пункте дискуссии, касающейся «Радио Свобода». Были получены сообщения, что среди сотрудников «Радио Свобода»... К слову, сколько их сейчас, если можно узнать?»

Редлих. В Мюнхене — от пятисот до шестисот.

Корреспондент. ...что среди этих сотрудников немало таких, кто во время войны был коллаборационистом или даже участником преступлений нацистских войск на территории Советского Союза. Что вы можете об этом сказать?»

Редлих. Об этом мне ничего не известно. Однажды мне уже задавали такой вопрос...

Когда мы нанимаем к нам кого-то, мы проверяем по мере возможности, не виновен ли он в какой-либо форме в преступлениях, провинностях или в активной пропаганде национал-социалистской философии. Если да, то такового к нам не принимают. Мне ни разу не стало известно, чтобы у нас работал такой человек. Конечно, следует иметь в виду возможность того, что это настолько законспирировано, что, несмотря на наши тщательные проверки, это всегда может иметь место, что какой-то такой человек и есть.

Я однажды сказал одному вашему коллеге, что мы стараемся брать к нам на работу таких людей, которые не стоят и не стояли ни на правой стороне, то есть на фашистской стороне, ни на левой, то есть коммунистической, стороне, а стоят внутри либерального спектра...

Корреспондент. Если вам...

Редлих. Одна ваша газета однажды даже это сообщила—слово в слово. Я нахожу это весьма благородным. Я вообще читаю все статьи с моими интервью. Так что один из ваших коллег—сейчас уже не помню, кто именно, но могу посмотреть—дал наше интервью.

Корреспондент. Но, предположим, что вы получили бы доказательства того, что один из ваших сотрудников виновен в военных преступлениях. Стали бы вы...

Редлих. Тогда мы уволили бы этого сотрудника, причем без предупреждения. Это был бы также мотив для увольнения согласно всем немецким законам, которые мы выполняем при зачислении на работу и предоставлении работы...»⁵.

Прервем на этом месте стенограмму интервью и познакомимся хотя бы с двумя работавшими в то время на «Радио Свобода» сотрудниками из числа тех, с которыми не удалось познакомиться советскому журналисту.

Начнем с того, кому по штату полагалось лучше других знать подноготную всех служащих,—с самого шефа кадров «Радио Свобода» Константина Кромиади, или Константина Георгиевича, как называли его русские сотрудники радиостанции.

Белогвардейский полковник, бежавший после 1917 года из России, Кромиади стал таксистом в Берлине. По роду работы он общался с многими людьми, слушал их разговоры, поэтому, когда к власти пришли нацисты, охотно стал осведомителем гестапо. После июня 1941 года происходит новый «взлет» в карьере Кромиади: по рекомендации гестапо его назначают комендантом группы лагерей советских военнопленных под Оршей. Тогда-то он и переименовал свою фамилию на Санина, понимая, наверное, что работать палачом под своей настоящей фамилией не совсем удобно. Инспектируя лагерь, Кромиади-Санин, по свидетельству оставшихся в живых заключенных, не расставался с хлыстом, сплетенным из проволоки. После его посещения из лагеря обычно вывозили трупы...

В мае 1942 года Кромиади переводят в гитлеровскую разведшколу «Цепелин» на должность коменданта особого подразделения «Седая голова», укомплектованного из самых отъявленных уголовников-предателей. Но «Седая голова» была быстро разгромлена партизанами. Оставшихся Кромиади переделал в форму советских военнослужащих и забросил для диверсионной работы в Смоленскую область. Сам он тогда командовал карательной экспедицией. Позже Кромиади был опять переведен в Берлин. Ему поручают «особое задание»: он стал начальником канцелярии генерала-предателя Власова. Сохранилась фотография, относящаяся к декабрю 1944 года, на которой Кромиади, в ладно пригнанной форме полковника, в начищенных до блеска высоких, обтягивающих по эсэсовской моде сапогах, стоит навывтяжку перед Власовым. По вечерам он, вероятно, так же стоял навывтяжку перед начальником 4-го отдела берлинского гестапо гауптштурмфюрером Крегером: по заданию гестапо Кромиади шпионил за Власовым...

Затем 1945 год... Подобно крысе, покидающей тонущий корабль, Кромиади бежит из Берлина в американскую зону, под Мюнхен, где оказывается в лагере для перемещенных лиц. Там он постарался забыть, что был Саниним. Впрочем, американцы об этом знали, но им не было дела до прошлого: главное, такие люди могли пригодиться. И Кромиади действительно пригодился: прошло всего несколько лет, и он стал шефом кадров «Радио Свобода».

...По официальным данным, штаты «Радио Свободная Европа» в 1972 году составляли 1628 человек, а штаты «Радио Свобода» — 967 человек, то есть в сумме 2595 че-

ловец⁶. Конечно, не каждый из них, подобно Кромиади, был связан с нацистами, совершал во время войны действия, квалифицируемые как преступления. Ряд сотрудников, особенно из числа новых, недавно бежавших из своих стран, повинны не в военных, а, скажем, в уголовных преступлениях. И тем не менее уже из биографии человека, который нес ответственность за подбор кадров в РС, ясно, чего стоят слова господина Редлиха о «либеральном спектре» и о том, что всех сотрудников «тщательно проверяют». Добавим, что приведенные выше биографические сведения имеют документальные подтверждения — от фотографий до официальных бумаг.

Документы, на этот раз из архивов бывшего киевского гестапо, дают ясное представление и еще об одном представителе «либерального спектра» — Льве Дудине, выступавшем в свое время перед микрофонами «Радио Свобода» под псевдонимом Николая Градобоева. Мы процитируем в переводе с немецкого обширные выдержки из них. Они без всяких комментариев скажут, какого сорта людей предпочитает использовать ЦРУ в радиовойне против стран социализма.

Итак, говорят документы⁷.

Из протокола допроса Л. Дудина:

«Киев, 18.12.1941 г.

В качестве свидетеля выступает украинец Лев Дудин, родился 31.1.10 в г. Вильно (Литва), проживает в Киеве, ул. Короленко, 18, кв. 16. Он заявляет:

Сам я живу в Киеве с 1927 года. Олинек, Рогач и Чермеринский приехали из Западной Украины. Я знаком с ними с октября или ноября 1941 года. Познакомился с ними в издательстве «Украинское слово». Я был представлен главному редактору Рогачу господином Багзи. Господин Рогач задерживал мое назначение, постоянно замечая, что использовать меня они смогут лишь позднее. Наконец меня зачислили с 7 октября переводчиком в переводческое бюро. В это время цензурой газеты занимался зондерфюрер Гансел, а позже — зондерфюрер Бесдорф. Оба эти господина привлекли меня к работе по цензуре. При этом я заявил обоим, что направление газеты вредно для Германии.

Исходя из моего лояльного отношения к Германии, господин Рогач спросил, украинец ли я

или раб Германии. На это я ему ответил, что нам пока нужно бороться вместе с Германией против ее врагов, а вопрос о свободной Украине пока еще не назрел...

Затем я заметил, что Рогач избегал печатать речи германских государственных деятелей. Когда речь фюрера Адольфа Гитлера была опубликована 3.10.1941 г. в «Украинском слове», она была сокращена. Там не были указаны трофеи Германии в боях с Россией...

Протокол закончен замечанием Дудина, что другие подробности ему неизвестны, так как обвиняемые не оказали ему доверия, считая его предателем.

Гауптшарфюрер СС
Андерс».

Напомним, что это было время, когда фашистские оккупанты особенно свирепствовали в Киеве. Массовые казни мирных жителей — украинцев, русских, евреев... Но Лев Дудин, вероятно, все больше и больше завоевывает доверие гестапо.

Из письма начальника полиции безопасности и СД по Киеву:

«Начальнику полиции безопасности и СД по
Украине

Киев, 26.4.1942 г.

Касается: Льва Владимировича Дудина, род. 31.1.1910 г. в гор. Вильно, проживающего в г. Киеве, ул. Короленко, 18, кв. 16.

Предлагается вышеназванного отправить в Германию с транспортом рабочих. В качестве главного редактора русской газеты в Киеве и журналиста по вопросам внешней политики при украинской газете он оказал СД большие услуги, доказав, что его политические воззрения безупречны...

Я считаю, что нужно пойти на удовлетворение его давнего желания и отправить в Германию. В этом случае он должен явиться в соответствующие центральные органы в Берлине. Его можно использовать на службе германской пропаганды. Если его не захотят оставить в Берлине, то это пребывание там даст ему дальнейший стимул. Думая, что предложение встретит Ваше согласие, прошу Вас содействовать его отправке в Берлин.

Соответствующие сопроводительные письма, которые будут ему вручены, прилагаю...

Майснер,
оберштурмфюрер СС».

Стоит привести и образец сопроводительных писем, выданных предателю.

«Киев 26.4.1942.

Относительно Льва Владимировича Дудина...

Он оказал в разных случаях СД важные услуги, между прочим, в деле Рогач и товарищей (копия спецдоклада по этому делу прилагается). Дудин... выступает за безоговорочное признание германского господства над Украиной, так как придерживается мнения, что Украина не способна к самостоятельной политической жизни. Свои политические убеждения он доказал уже не раз, и здешние шовинисты грозят ему мстью и смертью...

Просьба: особенно тепло отрекомендовать Дудина ст. прав. советнику Тауберту и ст. прав. советнику Штейну в министерстве пропаганды. Предполагается использовать его в новых газетах для украинских рабочих и работниц в Германии. Дудина можно использовать и на других заданиях по пропаганде, например на работе в «Антикоминтерне», если его, конечно, нельзя использовать по линии Главного управления госбезопасности.

Им заинтересуется, безусловно, Иозеф Деккер из бюро использования рабочей силы имперского правления ДАФ, так как он занимается урегулированием вопросов, связанных с иностранной рабочей силой, причем Дудин, как вполне надежный украинец, ему очень пригодится...

Майснер,
оберштурмфюрер СС».

Конечно, после получения таких хвалебных характеристик и рекомендательных писем Дудин совершил путешествие в Берлин, завоевывая все большее и большее расположение своих хозяев из гестапо. После возвращения Дудина в его дело подшивается следующий документ:

«Киев, 17.10.42.

Относительно: Дудина Льва Владимировича... Дудин использовал пребывание в Берлине для

установления связей с проживающими в Германии русскими и украинскими эмигрантами и попытался составить себе картину царящих взглядов и течений...

За время пребывания в Берлине Дудин держал в курсе своей деятельности штурмбанфюрера СС Кильпинского и возвратился в Киев в конце июня с. г., где возобновил свою деятельность главным редактором. Он оказал за это время здешним органам ценные услуги. О Левицком и его товарищах в группу III В уже послано донесение.

Оберштурмбанфюрер СС
(Подпись неразборчива.— А. П.)».

Кого на этот раз предал Лев Дудин? Скольких еще людей он отправил на виселицы, под пули, в газовые камеры? Во всяком случае, из приведенных документов абсолютно ясно, что представляет собой будущий сотрудник РС Николай Градобоев. Хотя нет. Еще один документ стоит все же привести.

«Секретно.

Относительно: характеристики Л. Дудина.

Основание: разговор с проф. К. Штеппой
13 декабря 1942 г.

В частной беседе проф. Штеппа, когда разговор зашел о Дудине и его поездке в Берлин, сказал следующее:

«Л. Дудин перед своим отъездом в Берлин сказал, что нужно подыскать для себя безопасное место, ибо, как дело обернется на фронте, предусмотреть невозможно. Благодаря связям среди украинских эмигрантов он хочет заранее попытаться обеспечить себе место в Болгарии или Сербии.

По мнению проф. Штеппы, Дудин — такой человек, который из-за личных выгод продается каждому, кто заплатит больше. Кто заплатит ему сегодня на 5 рублей больше, на того он и будет работать. При советской власти ему удивительно везло, он хорошо уживался с комсомольской организацией, а после оккупации Киева немцами повернул туда, куда дует ветер, и если ему будет выгодно, то продаст и германские интересы.

Киев, 17.12.1942 г.

А. Эйслебен».

Пришло время, и человек, на руках которого — кровь соотечественников, еще раз предал их. Из Льва Дудина он стал Николаем Градобоевым. Раньше он писал в фашистскую газетенку «Украинское слово» — потом начал разглагольствовать перед микрофонами американской радиостанции «Свобода» и получать за свою грязную работу не марки «третьего рейха», а американские доллары, став агентом уже не Главного управления полиции безопасности фашистской Германии, а Центрального разведывательного управления США.

...В 1972 году в Москве была издана книга французского публициста Алена Герэна «Коммандос «холодной войны», где речь шла, в частности, об одной из наиболее ярых антикоммунистических организаций — «Народно-трудовом союзе» (НТС), активно сотрудничающем с филиалом ЦРУ — «Радио Свобода». В этой книге приведены высказывания одного из главарей НТС, Александра Артемова, известного также под фамилией Зайцева. Однажды Артемов заявил: «Вовсе не важно, на кого работать. Важно, чтобы тебе было хорошо. Чтобы ты был сыт, обут и одет. Не важно, что писать и как писать, важно, чтобы за это хорошо платили. Не важно, что говорить, важно, что ты от этого имеешь... Никогда не говори правду, а говори то, что хочется в данную минуту услышать тому, кто тебе платит. Знай: чтобы не быть обманутым, обманывай сам... Прежде всего, никакой политической организации у нас нет, есть только две договаривающиеся стороны: одна — американцы, другая — мы... Они дают нам деньги, а мы поставляем им нужные кадры, а также информацию по интересующим их вопросам»⁸.

Предельно циничное заявление! Матерые предатели и отщепенцы, став послушными исполнителями у микрофонов империалистического «радиотеатра», пытаются поучать своих потенциальных слушателей, как им жить и что думать.

Вспомним в последний раз о «лорде Хау-хау», а вернее, о той оценке, которую ему давали его тогдашние профессиональные противники — сотрудники Би-би-си:

«Было время, когда лорд Хау-хау был нашим опасным противником. Мы не могли не считаться с ним, и мы *многому у него научились* (курсив мой. — А. П.). Прежде всего, он показал нам, что при ведении пропагандистской войны одних только объективных информационных сообщений явно недостаточно. В основе радиовещания лежит живое слово, и оно бывает наиболее эффективным не

тогда, когда его несет анонимный абстрактный диктор, но когда оно исходит от яркой личности, сильной «радиоличности», от человека, к которому слушатель привык и питает по крайней мере некоторое доверие»⁹.

В какой степени «лорд Хау-хау», его коллеги и их сегодняшние наследники являлись и являются «яркими личностями, сильными «радиоличностями», было показано выше. Они не более чем марионетки. И это отлично понимают сами режиссеры «театра» империалистической радиопропаганды. Именно поэтому они приложили немало усилий к тому, чтобы привлечь в него и других исполнителей.

ГЛАВНЫЙ АНТРЕПРЕНЕР

Для выполнения задач, вставших перед империалистической радиопропагандой в послевоенные годы, понадобились новые кадры. Как сколачивалась эта «новая труппа» и кто здесь выступал в качестве «антрепренеров», лучше всего можно проследить на примере уже неоднократно упоминавшихся «Радио Свободная Европа» и «Радио Свобода».

Само собой разумеется, что РСЕ, ведущее свою официальную летопись с 4 июля 1950 года, и РС, отмечающее в качестве даты своего рождения 1 марта 1953 года, не возникли на пустом месте. Их официальной истории предшествовала предыстория, период так называемой мобилизации сил, изобиловавший не только драматическими, но и (в особенности это относится к созданию «Радио Свобода») гротесковыми моментами.

С проблемой сочинения приличной вывески для будущего РСЕ инспираторы создания этой организации справились относительно легко.

На рубеже 1948/49 годов по инициативе госдепартамента США в Вашингтоне была проведена серия конфиденциальных совещаний. Тогдашний государственный секретарь Дин Ачесон совещался с бывшими советниками посольства США в Москве и установил связь с бывшим дипломатом Джозефом С. Грю, а последний активно переписывался со своими старыми друзьями из дипломатических, военных, политических и главным образом деловых кругов. Вскоре государственный секретарь вступил в прямые контакты с Дж. Грю, послав ему телеграмму с предложением возглавить инициативную группу «из частных лиц» по созданию «частной» органи-

зации, которая должна будет заняться «проблемами политических беженцев из восточноевропейских стран». Грю с готовностью принял предложение, тем более что он уже успел проконсультироваться в госдепартаменте относительно пятидесяти кандидатур в члены-учредители будущей организации.

О многом говорят имена учредителей: Дуайт Эйзенхауэр, который вскоре станет президентом США, а в то время занимал пост президента Колумбийского университета; Генри Форд-младший и Нельсон Рокфеллер — политики-мультимиллионеры; Адольф А. Берль — видный правительственный чиновник; руководители американской разведки генерал Беддел-Смит, тогдашний его заместитель Аллен Даллес, Уильям Donovan, возглавлявший во время войны Управление стратегических служб, на которое возлагалось ведение «черной» пропаганды, другие генералы, дипломаты, банкиры, издатели и редакторы журналов. Даже такое, далеко не полное, перечисление фамилий членов-учредителей будущей организации совершенно отчетливо показывает ее тесную, в первую очередь персональную, связь с государственным и разведывательным аппаратом, дипломатической службой и военными кругами США. Впрочем, доискиваться этих связей нет, собственно говоря, никакой необходимости. Джон Фостер Даллес, тогда еще не государственный секретарь, а просто сенатор и поэтому, может быть, не столь осмотрительный в своих высказываниях, заявлял без обиняков, что создание организации, о которой идет речь, «было одобрено государственным департаментом США»¹.

Стоит добавить несколько слов и о так называемом «коллективном учредителе», а впоследствии патроне РСЕ — организации «Крестовый поход за свободу», на которую позже неоднократно будет ссылаться правительство США в попытках уклониться от ответственности за неблагоприятную деятельность радиостанции. У истоков этого, как часто пишут в американской литературе, «движения» стоит группа весьма влиятельных лиц, включающая банкиров, представителей армии (в их числе — Д. Эйзенхауэр, генерал Л. Клей), а также видных деятелей церковной иерархии (кардинал Spellman) и даже профашистских организаций (например, «Американского легиона»), так что и тут тесные персональные связи с государственным аппаратом очевидны.

По поводу статуса и программы действий будущей «частной» организации велись жаркие споры. Так, гене-

рал Д. Эйзенхауэр, опровергая мнение, что для ведения радиопропаганды на социалистические страны вполне достаточно официального канала, то есть «Голоса Америки», выдвинул тезис о создании «мощных радиостанций за рубежом, функционирующих без правительственных ограничений»². Генерал Л. Клей заявлял еще более определенно: «Нам нужен другой голос — в минимальной степени регулируемый самим статусом государства и, если хотите, жестокий, разящий насмерть голос»³. Несколько позже Клей подчеркнул еще раз, что «Радио Свободная Европа» должно вести и ведет «безжалостную, ничем не сдерживаемую психологическую войну, направленную на явно признаваемую цель — свержение коммунистических правительств»⁴.

И вот 1 июля 1949 года в комнате № 301 здания Эмпайр-стейт-билдинг в Нью-Йорке под председательством Джозефа С. Грю члены-учредители собрались на свое первое заседание. Оно было коротким и носило формальный характер: о самых важных вещах уже договорились за кулисами. Председатель лишь сформулировал на языке «холодной войны» задачи новой организации, получившей название «Национальный комитет Свободной Европы»:

«Цель комитета состоит в том, чтобы он оказывал помощь ведущим политикам-демократам, которые, спасаясь от притеснений коммунистов, находящихся у власти в странах Восточной Европы, вынуждены искать убежища в Соединенных Штатах. Мы хотим, чтобы они по-прежнему продолжали свою деятельность, направленную против коммунизма... Мы хотели бы привлечь их к участию в той деятельности, которую радио, пресса и другие средства ведут с целью поддержания идеалов свободы личности... Мы хотим создать действенную организацию, для того чтобы политические деятели, находящиеся в Соединенных Штатах, могли вместе работать и координировать свои планы с такими же руководителями, живущими за границей»⁵.

В рабочем плане, предложенном для утверждения учредителям, говорилось о создании двух подразделений «Национального комитета Свободной Европы» — Комитета по духовному сотрудничеству и Комитета по радиовещанию и печати.

Комитет по радиовещанию и печати вскоре приступил к практической деятельности. 4 июля 1950 года, в День независимости Америки, начала работать радиослужба, получившая наименование «Радио Свободная Европа».

За первыми программами на чешском и словацком языках вскоре последовали программы на польском, болгарском, венгерском, румынском и албанском языках.

«Национальный комитет Свободной Европы» был зарегистрирован как частная организация, созданная политическими эмигрантами из восточноевропейских стран «при поддержке американской общественности», хотя более точная формулировка должна была бы гласить: «Национальный комитет Свободной Европы» — организация, созданная правительственными органами США и использующая политических эмигрантов из европейских стран народной демократии в качестве орудия и с целью вмешательства во внутренние дела этих стран».

Естественно, такая формулировка в официальных публикациях «Национального комитета Свободной Европы», который впоследствии стал именоваться просто «Комитетом Свободной Европы», никогда не встречалась. Наоборот, с 4 июля 1950 года в течение многих лет РСЕ, начиная свои передачи и представляя радиослушателям, с первых же слов весьма беззащитно лгало: «Говорит «Радио Свободная Европа» — голос свободной Польши» (соответственно — Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Румынии).

В ноябре 1951 года корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» взял интервью у президента «Национального комитета Свободной Европы» Чарльза Д. Джексона, который, отвечая на вопрос о целях деятельности комитета и подчиненного ему «Радио Свободная Европа», без обиняков заявил: «Мы хотим создать условия для возникновения внутренних беспорядков в тех странах, куда доходят наши передачи... Мы не являемся такой организацией, которая разрабатывает военные планы. Кроме того, мы не хотим участвовать и оказывать помощь в формировании военной диктатуры, если это произойдет в будущем. Мы можем думать о возможном оказании военной помощи подобным начинаниям только в том случае, если народам этих стран самим удастся организовать у себя дома военные выступления, которые можно будет использовать»⁶.

Это было далеко не сугубо личное мнение Джексона. Президент «Национального комитета Свободной Европы» мог позволить себе высказываться в таком духе, потому что не далее как 10 октября 1951 года сам президент Соединенных Штатов Трумэн подписал так называемый «Закон о взаимном обеспечении безопасности» («Закон № 165»), одна из статей которого вместе с поправкой к

ней предусматривала ассигнования из бюджета США в сумме 100 миллионов долларов ежегодно на финансирование «любых отобранных лиц, проживающих в Советском Союзе, Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании... или лиц, бежавших из этих стран, либо для объединения их в подразделения вооруженных сил, поддерживающих организацию Североатлантического договора, либо для других целей»⁷.

Для американских реакционных кругов этот закон был ключевым документом, который узаконил основные политические и диверсионно-пропагандистские задачи того периода «холодной войны», а следовательно, и существование организаций, подобных «Национальному комитету Свободной Европы» и «Радио Свободная Европа». Что же касается эмиграции, то, считая ее незаменимой в борьбе против социализма, правительство США не останавливалось перед тратами на поддержку эмигрантов и превращало их в своих послушных марионеток. Вся практическая работа с эмигрантскими организациями поручалась теперь американским секретным службам, а общее руководство оставалось в руках политических властей.

На основе таких принципов и действовало РСЕ, этот «свободный голос народов восточноевропейских стран», а проще говоря, «серая» радиостанция правительства США. Даже американские авторы, не скрывавшие своих симпатий к РСЕ, прямо писали, что это «неофициальный инструмент официальной внешней политики США»⁸. Поэтому нет особой необходимости доказывать причастность официальных органов США к появлению и деятельности РСЕ.

Создание диверсионно-пропагандистской организации с целью ведения подрывной работы против СССР оказалось для госдепартамента и американской разведки делом гораздо более сложным, чем создание аналогичной организации для подрывной работы против европейских стран народной демократии. В самом деле, если с момента регистрации «Национального комитета Свободной Европы» и до открытия вещания «Радио Свободная Европа» прошло лишь немногим более года, то предыстория будущего «Радио Свобода» растянулась почти на пять лет.

Основная проблема, которую пытались решить за это время американские официальные круги и разведка,— во что бы то ни стало представить дело таким образом, будто идея создания новой антисоветской организации принад-

лежит «эмиграции из Советской России», что эта организация полностью самостоятельна и ни в коей мере не связана с государственным аппаратом США. Короче говоря, речь и в данном случае шла о такой диверсионно-пропагандистской организации, которая в соответствии с концепциями буржуазных теоретиков пропаганды носит название «серой». Однако процесс ее создания протекал не совсем гладко.

В отличие от «свежей» эмиграции из европейских стран, ставших на путь строительства социализма, «русская эмиграция» была весьма разношерстной, и собрать ее под одним знаменем оказалось не просто. Поэтому предыстория «Радио Свобода» и затянулась.

Началась она, собственно говоря, 8 декабря 1948 года, когда в США была создана организация под названием «Американский Комитет борьбы за Свободную Россию». Формально его основателем выступила «эмигрантская общественность», а в опубликованном печатно обращении говорилось: «Комитет создан для оказания моральной поддержки русскому народу и всем народностям России в их борьбе за установление человеческих прав и демократических свобод на их родине, с тем чтобы можно было бы отстоять и сохранить моральное и социальное значение русской революции, так же как американский и французский народы сохраняют наследство своих революций»⁹.

До конца 1950 года в печати об этой организации больше не упоминалось, а потом было сообщено, что по поручению госдепартамента ее возглавил некто Юджин Лайонс, бывший корреспондент ЮПИ в Москве.

Вероятно, эксперты из госдепартамента и ЦРУ сочли, что название комитета слишком претенциозно и нечетко. Борьбы—за какую Россию? Конечно, без большевиков! Поэтому организация стала именоваться по-новому: «Американский Комитет освобождения от большевизма» (АКО). Задачи АКО формулировались уже более конкретно: «Цель этого комитета,—говорилось в сообщении для прессы 8 февраля 1951 года,—состоит в том, чтобы содействовать созданию... центральной организации, охватывающей все демократические элементы,—организации, которая даст эмигрантам эффективное и координированное руководство... Комитет окажет такой объединенной организации моральную и материальную помощь»¹⁰.

Начались поиски руководителя будущей «объединенной организации», что, как мы увидим, имело важное значение для антрепренеров АКО из ЦРУ.

Поначалу на эту роль предполагался престарелый генерал Глазенап, служивший еще в царской армии и отысканный агентами ЦРУ в Западной Германии. Даже после окончания второй мировой войны Глазенап все еще выступал с программой восстановления монархии в России. Звезда его закатилась, не успев взойти: слишком ясно было, что монархические разглагольствования Глазенапа не могут вызвать никакой другой реакции у большинства эмигрантов, кроме издевательского смеха. И вот Лайонс и ЦРУ бросаются в другую крайность — начинают прочить на роль руководителя «объединенной» эмиграции некого генерала Туркуля, одного из ускользнувших от заслуженной кары сообщников Власова. Американцы поддерживали Туркуля как могли, но почти все эмигранты отворачивались от него с презрением, настолько очевиден был неприглядный облик этого человека, не отмывшего еще рук от крови своих соотечественников и «слишком уж коричневого», как говаривали некоторые, имея в виду его профашистские симпатии. Тогда была найдена новая кандидатура...

13 августа 1951 года западногерманские газеты и радио сообщили, что бывший русский премьер-министр Александр Керенский в сопровождении представителя АКО в Европе Исаака дон Левина направляется в Западную Германию, чтобы встать там во главе «объединенного центра эмиграции». Он вылетел из Нью-Йорка в Мюнхен, где примет участие в конференции русских эмигрантов.

Следует здесь сказать, что к этому времени АКО по поручению ЦРУ уже занимался подготовкой подрывных радиопередач на Советский Союз — пока еще в обстановке строгой секретности. Даже не всем сотрудникам этого комитета, разместившегося на 45-й улице в Нью-Йорке, было известно, что неподалеку, на западной стороне 47-й улицы, в доме № 26, находился занимавший целый этаж радиотдел АКО, где готовились тексты так называемых «подпольных» передач на русском языке. Потом тексты записывались на пленку и куда-то отправлялись. Конечно, о том, что эти передачи готовились в Нью-Йорке, их потенциальным слушателям не сообщалось. Наоборот, все делалось для того, чтобы замести следы, как это и полагается в соответствии с принципами «черной» пропаганды. Однако такого рода конспирация не могла продолжаться до бесконечности. Поэтому и было решено нацепить на новую подрывную радиостанцию эмигрантскую вывеску. Когда Исаака дон Левина перед отъездом в

Мюнхен инструктировали в ЦРУ, ему дали на этот счет совершенно определенные указания, которые он должен был передать Керенскому.

И Керенский попытался сыграть отведенную ему роль. Правда, в Мюнхене «российская эмиграция» оказала ему более чем прохладный прием. «Престарелый шут в бабьем платье,—язвила одна из газет,—он уже в Мюнхене... Свое наступление на российскую эмиграцию в Германии он предпринял после того, как она подверглась длительной «артиллерийской подготовке» беглым огнем долларов какого-то «частного» американского капитала, недавно представленного здесь господином Исааком дон Левиным...»¹¹ Но, несмотря на оскорбления, Керенский все же принял участие в совещаниях эмигрантов и от своего имени изложил перед ними идею создания «русской радиостанции». Корреспондент Юнайтед Пресс, бравший интервью у Керенского, так сообщил об этом: «Седой политик-эмигрант, против которого очень враждебно настроена значительная часть его соотечественников за рубежом, сказал, что поддержка русского освободительного движения—единственный путь предотвращения третьей мировой войны... Керенский выразил надежду, что западный мир поможет эмигрантам соорудить радиостанцию, подобную радиостанции «Свободная Европа»¹².

Казалось бы, Керенский хорошо сыграл отведенную ему роль «знамени русской эмиграции». Американская печать раструбила о сборище эмигрантов в Западной Германии как о «событии большой политической важности»: они, мол, объединились «для образования «Совета освобождения народов России» (СОНР) и создали свою радиостанцию». Но ставка на объединение эмиграции, сделанная ЦРУ и АКО во главе с Лайонсом, была бита. О причинах этого говорилось в опубликованной рупором эмигрантского отребья американской газетой «Новое русское слово» статье, носившей довольно пессимистическое название—«Эпилог».

«Сперва,—писала газета,—оглушительный барабанный бой: «Мы едины в своем стремлении...» В анналах эмиграции такого единства еще не бывало... А потом стали приходить точные вести. Вырисовывалась картина такого разброда, раскола и борьбы, что по сравнению с ней даже обычная эмигрантская склока начинает казаться образцом гармонии и единства. Сказались первородные грехи—и слишком широкий круг русских партий, призванных играть «демократическую роль», и навязанное сотрудничество с некоторыми искусственными и

неудачно подобранными национальными группами, и окрики, и повадки, и проделки Американского Комитета (имеется в виду АКО.— А. П.). С кризисом «Совета освобождения народов России»,— заключала газета,— связан и неизбежный кризис его родителя—Американского Комитета»¹³.

Для спасения АКО были приняты спешные меры, в первую очередь сменил руководитель. В феврале 1952 года им назначается кадровый разведчик, отставной адмирал и бывший посол в Советском Союзе Аллан Г. Кэрк. Он проработал президентом АКО полгода. Как писала в августе 1952 года газета «Новое русское слово», «под его руководством была быстро и успешно проведена подготовительная работа для постройки в Европе радиостанции «Освобождение». В ближайшем будущем намечаются радиопередачи на Советский Союз: передачи будут производиться от имени находящихся в эмиграции представителей СССР»¹⁴.

Вероятно, за эти заслуги Кэрк получил повышение, а пост президента АКО вновь оказался вакантным. Вскоре его занял другой адмирал, Лесли Стивенс. Опытный военный разведчик, он после войны, так же как и Кэрк, был послан в Советский Союз в качестве военно-морского атташе посольства США. Главной его задачей было вести активную разведывательную работу, поэтому в течение почти трех лет Стивенс непрерывно «путешествовал» по Советскому Союзу. Провалившись при выполнении одного из заданий ЦРУ, он вынужден был покинуть пределы СССР и, выйдя в 1951 году в отставку, временно стал «безработным». Понятно, что его опыт разведчика мог еще пригодиться—и пригодился: ЦРУ назначило отставного адмирала на пост президента АКО.

При Стивенсе ведение подрывной пропаганды на Советский Союз оказалось еще более связанным с разведкой, а «Американский Комитет» стал просто-напросто филиалом ЦРУ. Во времена правления Стивенса был достигнут «крупный успех» в деятельности АКО: 1 марта 1953 года заявила о своем существовании радиостанция, получившая название «Освобождение». Ее называли так в полном соответствии с духом и буквой «доктрины освобождения», которая была тогда в ходу в США. Лишь позже это название сменили на более нейтральное— «Радио Свобода».

Покровители АКО из ЦРУ, потеряв терпение в ожидании создания «единой эмигрантской организации», пришли к выводу, что усложнять проблему не стоит. Новая

радиостанция беззастенчиво именовала себя «Голосом бывших советских граждан, которые обращаются из-за рубежа к своим соотечественникам». Конечно, она не сообщала своим потенциальным слушателям, в какой мере связана с ЦРУ.

После открытия радиостанции «Освобождение» Стивенс оставался на посту президента «Американского Комитета» еще полтора года. Но за это время он успел потерять интерес к работе, не раз попадая впросак. Так, однажды он написал хвалебное предисловие к безграмотной книге некоего Михаила Боброва «Записки военного корреспондента», рекомендовав ее как «важное пособие для военных, интересующихся Советской Армией и советским военным искусством». На деле это сочинение представляло собой сборник грязных анекдотов, и даже антисоветская эмигрантская печать выступила с резкой критикой не только самой книги, но и предисловия «уважаемого президента Американского Комитета Лесли Стивенса».

А усилившаяся между тем «холодная война» требовала более авторитетного и более динамичного руководителя для АКО и для радиостанции «Освобождение», в которую вкладывалось все больше и больше средств. И такого руководителя нашли. Во-первых, он был значительно моложе не только Кэрка, но и Стивенса: ему исполнилось немногим более сорока лет. Он был крупным правительственным чиновником, а следовательно, знал толк в политике и скорее мог избежать оплошностей, чем солдафоны Кэрк и Стивенс,— достаточно сказать, что новый кандидат в президенты АКО занимал одно время пост помощника государственного секретаря США. Кроме того, у него была огромная школа разведработы: он возглавлял комиссию по технико-индустриальной разведке в армии США, был связан с различными «фондами», занимавшимися под маркой благотворительности и культурной деятельности шпионажем в других странах. Новым президентом АКО стал в октябре 1954 года Хоулэнд Сарджент. Кстати сказать, на этом посту он оставался почти двадцать лет...

Свою деятельность президент АКО начал с выработки подробнейших политических директив для радиостанции «Освобождение» и с пересмотра кадровой политики, применив здесь политику кнута и пряника. «Я считаю,— указывал в одной из своих директив Х. Сарджент,— нашей главной задачей на предстоящий и, возможно, продолжительный период времени сохранить тех предан-

ных и способных людей, которые поступили к нам, и привлечь еще больше таких же к нашему делу. Нам удалось добиться успеха в улучшении условий работы и оплаты по сравнению с тем, что предлагается другими некоммерческими организациями. В оплате труда наших сотрудников мы идем в ногу с повышающейся стоимостью жизни»¹⁵.

Но «политика пряника» могла оказаться неэффективной для укрепления этой весьма специфической организации. Вместе с ЦРУ Сарджент разрабатывает ряд мер, предусматривающих суровые санкции за разглашение сведений, касающихся связей и источников финансирования АКО, «Радио Свобода» и «Радио Свободная Европа». Спустя много лет одна из американских газет напишет об этих мерах так: «Рано или поздно все сотрудники РСЕ и РС обязаны подписать документ, который гласит: «Нижеподписавшийся информирован о том, что «Радио Свободная Европа» является предприятием ЦРУ и что ЦРУ предоставляет фонды для функционирования этой организации. В случае передачи этой информации третьим лицам ему грозят штраф до десяти тысяч долларов и тюремное заключение до десяти лет»¹⁶.

Так благодаря неустанным заботам «главного антрепренера» — Центрального разведывательного управления — «Комитет Свободной Европы» и «Радио Свободная Европа», «Американский комитет освобождения от большевизма» (позже он стал именоваться «Комитетом «Радио Свобода») и само «Радио Свобода» превратились в отлично законспирированный, широко разветвленный, хорошо организованный и легко управляемый аппарат пропагандистско-диверсионной деятельности.

ГАЛЬВАНИЗАЦИЯ ТРУПА

Было бы странно, если бы организаторы современной империалистической радиовойны, ее, так сказать, «режиссеры», роль которых взяли на себя военно-монополистические круги и правительство Соединенных Штатов, не привлекли к участию в ней и своих союзников. Так, сразу же после разгрома фашизма правительство США, руководствуясь своими интересами, начало планомерно превращать в плацдарм радиовойны территорию западных оккупационных зон Германии.

В руках американцев оказалась значительная часть технической базы нацистского вещания. Уже в феврале

1946 года, для того чтобы противостоять влиянию успешно работавшей радиостанции «Радио Берлина», руководимой антифашистскими, демократическими силами, американские оккупационные власти организовали «Проводное вещание в американском секторе Берлина». Затем американское командование направило из Франкфурта-на-Майне в Берлин походную армейскую радиостанцию и начало 5 сентября 1946 года передачи «Радио в американском секторе Берлина» (РИАС) объемом до девяти часов в сутки. В октябре 1950 года начала действовать ультракоротковолновая радиостанция РИАС, в августе 1951 года — коротковолновая радиостанция «РИАС-Берлин», в августе 1953 года — радиостанция РИАС, работающая на средних волнах. Позже в Мюнхене и Хофе были сооружены еще несколько дополнительных радиостанций. Таким образом, РИАС стало одной из самых крупных радиоорганизаций в Европе.

В 1948 году представители государств — членов Международного союза электросвязи собрались в Копенгагене на первую послевоенную конференцию, чтобы принять решение, необходимое для соблюдения порядка в мировом эфире, — решение о распределении радиоволн между странами. Оно было принято как обязательное для всех государств. Но, как оказалось, не все собирались его соблюдать. В частности, представитель США заявил, что выделенных волн для американского вещания на территории Западной Германии мало и американцы не намерены соглашаться с таким положением вещей.

«Бюллетень Международного союза электросвязи» писал: «На конференции в Копенгагене, как известно, было решено выделить каждой из четырех зон оккупации Германии по две частоты для организации службы радиовещания. Однако директор Отдела радио Американской военной администрации в Германии С. Льюис заявил, что планы США относительно строительства радиостанций в американской зоне оккупации будут проводиться в жизнь независимо от решений Копенгагенской конференции. Льюис заявил, кроме того, что американская военная администрация будет продолжать эксплуатировать все радиопередатчики в своей зоне, в которых будет иметь надобность»¹.

Не только безапелляционный, мягко говоря, тон этого заявления, но и действия оккупационной администрации США свидетельствовали о том, что официальный Вашингтон вступает на путь радиопиратства. Тогдашним властям Западной Германии ничего другого не оставалось,

как молчаливо соглашаться с тем, что на территории страны растет сеть американских радиостанций. Это было не только армейское радио. В 1946 году заработали передатчики РИАС; из мюнхенского филиала «Голоса Америки» через радиостанции, размещенные в Баварии и других землях Западной Германии, в феврале 1947 года началось вещание на русском языке на Советский Союз; потом стало действовать РСЕ и, наконец, РС.

Особенно бесчинствовало в эфире «Радио Свободная Европа». Даже обычно сдержанная в суждениях относительно американцев газета «Швайцер радио цайтунг» была вынуждена заметить в 1952 году, что РСЕ использует по своему произволу множество радиоволн и необычно высокие частоты, а это трюкачество нарушает нормальную связь на коротких волнах других стран и создает хаос в эфире².

Западногерманский журнал «Функ-вахт», выражая протест общественности страны против радиопиратства, писал примерно в это же время, что сеть передатчиков, служащих интересам и задачам американских оккупационных властей, мешает радиослушателям принимать без помех национальные программы³.

И все же вскоре между тогдашним канцлером ФРГ Аденауэром и заместителем американского верховного комиссара в Западной Германии С. Ребером был подписан протокол, по которому, как подчеркивалось в печати, США предоставлялось неограниченное право строительства радиостанций на западногерманской территории. Это произошло в 1952 году. Несколько позже агентство АДН сообщало: «В ближайшее время американцы начнут строить 17 мощных радиостанций в крупных городах Западной Германии. Американские концерны «Уэстерн электрик» и «Коламбия бродкастинг систем» еще в июле 1953 года, не дожидаясь решения бундестага, прислали представителей в Западную Германию для обсуждения планов будущего строительства радиостанций»⁴.

Известный американский историк радиопропаганды Роберт Холт довольно откровенно написал о тех причинах, которые побудили США избрать территорию Западной Германии в качестве плацдарма для ведения радиовойны. «Эти причины,— писал Р. Холт,— заключаются в близости Мюнхена к территории стран народной демократии, что обуславливает хорошую слышимость передач, в сравнительной легкости подбора кадров, связанной с проживанием в ФРГ значительных масс беженцев, а также в том, что... Мюнхен находился в американской

зоне оккупации и не нужно было вести особых переговоров о получении разрешения на вещание»⁵.

США сыграли решающую роль и в создании аппарата подрывной внешнеполитической радиопропаганды ФРГ,— так сказать, в гальванизации трупа фашистского иновещания.

По решению союзников, зафиксированному в Потсдамских соглашениях, будущее немецкое радио не должно было зависеть от исполнительной власти. Таким способом предполагалось предотвратить возможность повторного злоупотребления этим могучим средством воздействия на массы как в самой Германии, так и за ее пределами. У всех еще слишком живы были воспоминания о системе геббельсовского «великогерманского» радиовещания.

Вместе с крахом фашистского государства окончила свое существование и нацистская радиоорганизация «Гроссдойчער рундфунк». Однако вскоре, параллельно с процессом возрождения в Западной Германии империализма и милитаризма, там вновь начали раздаваться требования о создании крупной радиостанции, находящейся в подчинении у центральной власти. Причем такой радиостанции, радиус действия которой выходил бы далеко за пределы Западной Германии.

Уже в 1947 году состоялись первые переговоры между оккупационными властями США, Англии и Франции, с одной стороны, и западногерманскими экспертами— с другой, по вопросу о будущей структуре радиовещания. Представители оккупационных властей исходили при этом из характерных для их стран условий. Англия предлагала строить западногерманское радиовещание по образцу и подобию Би-би-си; Франция рекомендовала создать государственную организацию с монополией на вещательную деятельность по всей территории государства; США— нечто вроде крупных частных корпораций.

Западные державы, безусловно, понимали значение радио в осуществлении своих планов относительно Западной Германии и стремились не упустить формирование его аппарата из-под своего контроля. Это нашло отражение, в частности, в законе № 5 Верховной союзной комиссии от 21 сентября 1949 года «О печати, радиовещании, корреспонденции и развлекательных учреждениях», по которому западные оккупационные державы устанавливали свои права в данной области. Статья 3 этого закона гласила: «Без разрешения Верховной союзной комиссии не допускается сооружение новых радиове-

щательных, телевизионных и радиотрансляционных станций. Равным образом запрещается без ведома Верховной союзной комиссии передача права распоряжения подобными сооружениями»⁶. Иными словами, этот закон обеспечивал всю полноту влияния западных союзников, в первую очередь США и Англии, на радиовещание ФРГ. Позднее они пошли на определенные изменения, но лишь в такой степени, в какой ФРГ путем консолидации власти ее господствующего класса сама стала представителем интересов империализма.

В 1948—1949 годах в соответствии с решением оккупационных властей и согласно изданным в то время на территории Западной Германии законам возник ряд радиоорганизаций, которым был придан так называемый «общественно-правовой» статус. Для соблюдения общих интересов они основали в 1950 году «Объединение общественно-правовых радиовещательных организаций Федеративной Республики Германии» (АРД).

Радиоорганизации «Немецкая волна» («Дойче велле») и «Немецкое радио» («Дойчландфунк»), о которых пойдет дальше речь в этом разделе, также принадлежат к разряду «общественно-правовых», имеющих «федеральное значение». Деталь весьма существенная: тем самым декларируется не только их «надпартийный», но и «надклассовый» характер. Поэтому представляется необходимым прежде всего уточнить, что же это такое — «общественно-правовой» статус.

«Общественно-правовые» организации в формальном отношении не принадлежат ни к какой группировке, то есть «служат общественным интересам». Но это только формально. Как писал историк радиовещания из ГДР Вилли Вальтер, «имеется не только непосредственное влияние со стороны цензуры и ограничительных предписаний, касающихся программ, но существует помимо этого и косвенное воздействие. Оно может быть весьма эффективным и привести не только к ограничению, но и к устранению этой первоначальной разрезамированной свободы. Допустимы ограничения технического порядка: радио и телевидение не только как «инструменты культуры» подчиняются высшим органам земель по вопросам культуры, но и в техническом отношении зависят от одной из государственных инстанций — федерального министерства почты, которое ведает распределением радиоволн и выдачей лицензий на установки. Финансовый контроль в свою очередь ограничивает свободу действий и независимое положение радио»⁷.

Действительно, финансовый механизм управления «независимым» западногерманским радио таков, что от его «свободы» ничего не остается. Так, вещательные организации земель ФРГ пользовались и пользуются для взимания абонементной платы, которая составляет основную статью их доходов, услугами федерального министерства почты. Получаемую прибыль почтовое ведомство может вложить в предприятия, поддерживаемые правительством (расширение сети радиостанций, в особенности на границе с ГДР, совершенствование вещательных организаций федерального значения, какими являются «Немецкая волна» и «Немецкое радио»), тем самым влияя на характер вещания.

Налогово-финансовый механизм оказывал и оказывает свое влияние и в качестве политической направляющей силы. Например, западноберлинская станция «Фрайес Берлин» в связи с ее открытой политической направленностью против ГДР получала в период «холодной войны» до 10 миллионов марок дополнительных ассигнований в год, хотя при ее создании были предусмотрены ассигнования лишь в полмиллиона марок⁸. Наконец, механизмом давления на «свободное» западногерманское радио служат мероприятия политико-организационного характера,— например, распространение на работников вещания закона о кадрах от 5 августа 1955 года, согласно которому они автоматически подпадают под действия федерального правительства и правительства земель, касающиеся личного состава учреждений.

Таким образом, «общественно-правовой» статус не более чем юридическая формула для прикрытия того факта, что радио ФРГ полностью находится в распоряжении монополистических кругов. Наглядно свидетельствует об этом факте сама история воссоздания «Немецкой волны» и создания «Немецкого радио».

Как писал интендант «Немецкой волны» и ее историограф Вальтер Штайгнер, «после 1945 года одно заявление о том, что немецкие радиопередатчики могли бы снова вести зарубежное вещание, уже было бы слишком смелым. Но затем была образована Федеративная Республика, которая искала контактов с внешним миром и стремилась к культурному обмену. Оккупационные войска стали нашими союзниками. Идея восстановления немецкой коротковолновой службы носилась в воздухе»⁹.

Действительно, уже в 1948 году «Зюдвеструндфунк», одна из радиоорганизаций, возникших в соответствии с решением оккупационных властей, начинает выпускать

свою программу не только на средних, но и на коротких волнах, что дало возможность принимать передачи из Западной Германии в соседних европейских странах. Далее инициативу проявляет ХДС. В 1950 году в «Дойчланд-юнион-динст», органе этой партии, появилась анонимная статья «Немецкое зарубежное вещание — да или нет?». «Чего мы требуем, — говорилось в ней, — так это возможности непосредственно нести зарубежному слушателю немецкое культурное достояние, и притом с подчеркнuto немецких позиций»¹⁰.

Председатель парламентской фракции ХДС/ХСС Р. Барцель несколько позже изложил «немецкие позиции», с которых должна была вестись внешняя пропаганда, более определенно: «Мы хотим противостоять статус-кво в Европе. Мы хотим сообща воздействовать на положение дел в той части Европы, где господствуют коммунисты. Методы, которыми мы для этого пользуемся, не являются вечными и неприкосновенными»¹¹. Это была официальная программа боннского правительства, включавшая поглощение ГДР, захват земель, принадлежащих Польше, ЧССР и СССР, то есть речь шла о Германии в границах 1937—1938 годов.

В связи с реваншистскими планами перед западногерманским радио ставилась своя задача. Поэтому именно главари реваншистских организаций настойчивее всех требовали создания таких радиостанций, которые, в отличие от местных, существующих в отдельных землях, не будут придерживаться государственных границ и смогут свободно распространять за рубежом неонацистские идеи, то есть заниматься тем, что в этих кругах называлось тогда «активной восточной политикой».

Западные державы, по существу, приветствовали такие заявления, отвечавшие духу «холодной войны», и охотно снимали одно за другим ограничения, еще связывавшие деятельность западногерманского радио. В техническом отношении налаживание дела также не могло представлять никаких непреодолимых сложностей. Уже в 1953 году служба зарубежного вещания ФРГ осуществила свою первую передачу. Правда, этому предшествовали резкие споры о статусе планируемой службы, поскольку Аденауэр со своей партией ХДС хотел получить радиостанцию федерального правительства, а деятели радио хотели иметь неправительственное вещательное учреждение.

В июле 1952 года АРД сообщило правительству свои предложения по коротковолновому вещанию. И в том же месяце они были одобрены. Наиболее существенные

пункты этих предложений сводились к тому, что планируемая служба коротковолнового вещания получает название «Немецкая волна» («Дойче велле»), заниматься ею будет АРД, а непосредственное осуществление проекта берет на себя Дом радио в Кёльне (земельная радиоорганизация «Нордвестдойчер рундфунк»).

«Нордвестдойчер рундфунк» согласилась предоставить федеральному правительству возможность «оказывать необходимое влияние при формировании редакции»¹². Потом правительство потребовало, чтобы интендант, главный редактор, а также все редакторы и даже руководящий технический персонал «Немецкой волны» могли назначаться только с его одобрения. Далее оно потребовало, чтобы сделанные назначения ежегодно пересматривались. АРД приняло эти требования, и в октябре 1952 года договоренность была достигнута.

Таким образом, радиостанция не получила официально статуса правительственной, но в то же время правительство могло контролировать всю ее деятельность. По этому поводу несколько позже В. Штайгнер заметит: «Разумеется, радиостанция, готовящаяся вещать на зарубежные страны, не могла ложиться камнем на пути официальной западногерманской внешней политики, тем более что за рубежом ее программы, включая последние известия и комментарии, толковались бы как немецкая точка зрения»¹³.

3 мая 1953 года, восемь лет спустя после капитуляции фашистской Германии, «Немецкая волна» начала свои регулярные передачи. «Боевое крещение» новой радиостанции было не за горами, если учесть, что она вышла в эфир незадолго до «дня X», то есть до событий в Берлине в июне 1953 года. Но, как оказалось, одной «Немецкой волны» для реваншистских кругов ФРГ было мало.

В конце 50-х годов в ФРГ был подготовлен новый проект федерального закона о радиовещании и телевидении. Этот проект предусматривал создание наряду с «Немецкой волной» второй радиостанции «общественно-правового характера и федерального значения», вещающей на зарубежные страны. Речь шла о «Немецком радио» («Дойчландфунк») — радиоорганизации, предназначенной в первую очередь для ведения психологической войны против ГДР. Фактически она уже существовала. В одном из кёльнских особняков 250 служащих готовы были приступить к такого рода работе. Правда, у них не было ни радиостудии, ни аппаратуры, ни радиоволн, ни законодательно оформленного права.

Что касается последнего,— так сказать, сомнений конституционно-правового порядка,— то реваншистские и неонацистские круги безапелляционно отвергали их. Так, например, мюнхенская газета «Зюддойче цайтунг» в декабре 1959 года писала: «Радиостанция федерального значения должна быть — противоречит это конституции или нет. Этой радиостанцией надо действовать на нервы восточноевропейских правителей»¹⁴.

В июне 1960 года бундестаг и бундесрат утвердили те разделы проекта закона, которые касались сооружения новых передатчиков для «Немецкой волны» и «Немецкого радио» — организаций, «непосредственно подчиняющихся директивам федерального правительства»¹⁵. В ноябре 1960 года «Закон о радиовещательных организациях федерального значения («Немецкая волна» и «Немецкое радио»)» был утвержден полностью. Как писал один из деятелей западногерманского радио Бауш, эти вещательные организации должны были иметь в руках «шанс публицистической инициативы в общегерманском разговоре, тем более что радио беспрепятственно проникает через границы и колючую проволоку»¹⁶.

Что же понимали Бауш и ему подобные лица под «общегерманской публицистической инициативой»?

Американский журнал «Рипортер» в сентябре 1961 года рекомендовал западногерманскому радио организовать и координировать, прежде всего в ГДР, забастовки, акции, направленные на замедление темпов работы, демонстрации, вести пропаганду подрывного характера, призывать к неподчинению в широком масштабе, содействовать случаям бегства из ГДР. «Успех всех этих мероприятий,— говорилось в статье,— зависит от широко проводимых по радио агитации и инструктажа. Конечной фазой перед всеобщим восстанием в случае необходимости могли бы стать терроризм и метод партизанской войны... Высказываниям, брошенным мимоходом, радио может придать резонанс чудовищной силы. РИАС и РСЕ неоднократно демонстрировали эту свою способность»¹⁷.

Советы американцев были, пожалуй, излишни. Бонн и сам действовал, как говорится, вовсю.

После 13 августа 1961 года, когда планам ликвидации социализма в ГДР военным путем был дан решительный отпор*, правящие круги ФРГ форсировали усилия по

* На протяжении длительного периода Западному Берлину отводилась особая роль в борьбе против ГДР. Реваншистские и милитаристские круги ФРГ при поддержке со стороны США и других стран — членов НАТО не раз провоцировали в Берлине конфликты, приводившие к

созданию «Дойчландфунк». Особняк в Кёльне превратился в готовую для работы радиостудию. В ее распоряжение были предоставлены мощные средневолновые и длинноволновые передатчики. Федеральное ведомство почты установило их вблизи границы с ГДР.

С 1 января 1962 года начались официальные передачи «Дойчландфунк» — сначала по 9 часов ежедневно, затем программа расширилась до 20 часов. Западногерманский президент Любке, выступая с приветственным словом по случаю начала работы «Немецкого радио» (оно затем было передано в эфир), достаточно цинично заявил, что с «13 августа во много раз возросло значение этой радиостанции, поскольку с той стороны закрыты почти все лазейки, через которые можно было бы проникнуть в сферу власти Ульбрихта». Не менее определенно выразилась штутгартская газета «Ауссенполитик»: «Совокупность наших идей следует всеми средствами современной пропаганды, на искусно подготовленной основе проводить в общественную жизнь коммунистических государств. Используя национальные различия, религиозные предрассудки, человеческие слабости, такие, как лобопытство, женское тщеславие, страсть к развлечениям, необходимо вызывать безучастное отношение к целям коммунистического управления государством»¹⁸.

Таким образом, к началу 60-х годов в ФРГ существовали две основные радиоорганизации, занимавшиеся внешнеполитической пропагандой, — «Немецкая волна» («Дойче велле») и «Немецкое радио» («Дойчландфунк»).

Труп был гальванизирован...

ВETERАНЫ ДВОЙНОЙ ИГРЫ

Вступление Великобритании в «холодную войну» ознаменовалось тем, что 24 марта 1946 года Би-би-си открыла регулярное вещание на русском языке. Это произошло меньше чем через месяц после фултонской речи Черчилля. Именно в это время в парламенте Англии начинает обсуждаться правительственное предложение, получившее название «О политике в области вещания», и принимается специальное положение, вступившее в силу

обострению международной обстановки. 13 августа 1961 года правительство ГДР осуществило мероприятия по усилению охраны и контроля на границе с Западным Берлином, введя в ней пограничный режим.

в 1947 году. В соответствии с этим положением на Би-би-си законодательно возлагалась обязанность «обеспечить выпуск передач для приема в странах и районах за пределами Британского содружества»¹.

Были сформулированы официальные цели и задачи программ для зарубежных слушателей: «давать беспристрастное освещение новостей, отражать жизнь Англии, ее культуру, ее достижения в области науки и промышленности. Программы должны включать оперативную и точную информацию о событиях во всем мире, а также глубокий и объективный анализ этих событий»².

Цели и задачи, как видим, формулировались вполне в духе английской дипломатии — столь же чопорно, как и лицемерно. Весьма солидно был организован аппарат иновещания, который на протяжении послевоенных лет практически не претерпел изменений.

Служба иновещания юридически стала структурным звеном Британской радиовещательной корпорации, функционирующим на основе общей для всей корпорации Королевской хартии (указа) и формально независимым. Именно формально, потому что она финансируется из государственного бюджета и английское правительство определяет, на каких языках должно осуществляться вещание, на какие страны и в каком объеме. И не только это. Правительство в конечном итоге диктует, как должны освещаться события в передачах на ту или иную страну, то есть за ним остается решающее слово и в формировании программной политики.

В службе иновещания Би-би-си, которую возглавил один из заместителей генерального директора этой корпорации, 11 подразделений: техническое управление, служба вещания на английском языке (включая Всемирную службу), служба вещания на страны Европы, служба вещания на «заморские территории», служба новостей, служба бесед и радиоочерков, служба бесед о текущих событиях, служба перехватов, служба уроков английского языка по радио и телевидению, служба изучения аудитории, административное управление.

В программах для зарубежной аудитории используется до 40 языков. Общий недельный объем вещания возрос с 1950 года более чем на 100 часов и составлял в конце 70-х годов свыше 750 часов. Структурно относящаяся к иновещанию Всемирная служба выпускает передачи на английском языке круглосуточно. К началу 80-х годов программы транслировались через 76 передатчиков, из которых 46 расположены на территории Англии, а 30 —

на зарубежных ретрансляционных базах. Помимо выпуска прямых эфирных радиопередач служба иновещания Би-би-си рассылает более чем в 100 стран программы в записи на пленку, общий объем которых составляет около 500 часов в год³.

Одной из главных мишеней для английского иновещания стало население социалистических государств. Средний еженедельный объем передач только на русском языке составлял к началу 80-х годов более 30 часов, на языках других европейских социалистических стран — от 14 до 22 часов; в сумме это составляет почти 140 часов в неделю. Если учесть еще передачи Всемирной службы на английском языке и передачи «Английский язык по радио», которые рассчитаны также и на аудиторию в социалистических странах, то окажется, что фактически радиопропаганде на эти страны Англия отводит почти треть эфирного времени.

Хотя самое большое место в программах Би-би-си для зарубежных слушателей уделяется новостям, комментариям и тематическим журналам, посвященным актуальным событиям, их составители не забывают также о развлекательных передачах, викторинах, развернутой спортивной информации, музыке, представленной самыми разнообразными жанрами. Программы строятся таким образом, чтобы «новости из Лондона» появлялись в эфире через равные промежутки времени. Передачи претендуют на оперативность и «объективность».

Таков официальный — на первый взгляд весьма респектабельный — облик английского иновещания, который отражен в педантично выпускаемых на протяжении десятилетий (и, к слову сказать, не менее педантично и скрупулезно редактируемых) ежегодниках Би-би-си, откуда и взяты приведенные выше сведения. Нельзя не заметить, что официальные историографы Би-би-си, да и ее руководители немало потрудились над созданием нужного им имиджа. И стоит привести здесь образчик такой саморекламы.

...В среду 6 ноября 1968 года руководитель иновещания Би-би-си Чарлз Каррен, который готовился в то время занять пост генерального директора этой корпорации, выступил с публичной лекцией. Би-би-си передало ее изложение в своих программах для зарубежных слушателей, в том числе и на русском языке.

«В своей лекции, — говорилось в передаче, — Каррен дает обзор меняющемуся влиянию Великобритании в мире и обсуждает вопрос о том,

какую роль должны играть на протяжении следующего десятилетия радиопередачи Би-би-си в другие страны. Вот к чему сводятся главные пункты его лекции.

Чарлз Каррен назвал свою лекцию «Радиовещание к западу от Суэца». Разъясняя, почему он назвал свою лекцию так, Каррен подчеркивает, что иновещание нельзя отделить от политического курса страны (вот вам и «независимость» от правительства! — А. П.), так что решение Великобритании вывести свои вооруженные силы из районов к востоку от Суэца отмечает новую фазу британского радиовещания... (Заметим, что именно в это время был увеличен объем передач Би-би-си на арабском языке и прекращено вещание на виновника агрессии — Израиль, потому что, как говорилось в заявлении руководства Би-би-си, «влияние в Израиле может осуществляться более эффективно и другими путями»⁴. — А. П.)

Как подчеркнул Каррен, Би-би-си пользуется прочной репутацией и доверием, передачам Би-би-си люди верят. В годы второй мировой войны Би-би-си честно сообщала о британских поражениях. Так что, когда дошло дело до побед, к нашим сообщениям весь мир относился с полным доверием, ибо люди убедились, что мы честно признаем свои неудачи и ошибки. Это большой плюс для Би-би-си, и это необходимо использовать (примечательная формулировка! — А. П.) в интересах радиовещания. Би-би-си намерена сохранить это всеобщее доверие к себе.

Далее Каррен говорит: «Большой французский дипломат прошлого поколения Жюль Камбон как-то сказал, что лучшим орудием убеждения являются слова приличного человека. Он совершенно прав. И мы руководствуемся этим принципом. Би-би-си и есть приличный человек международного радиовещания. Мы должны добиться того, чтобы все, что мы делаем, не покидало почвы правды и доверия. Наш лозунг — сохранение объективности».

Выступая с лекцией, Каррен явно хотел внести свою лепту в создание облика «респектабельной» Би-би-си, хотя его слова и не отличаются излишней скромностью. Однако в той же лекции содержались высказывания,

которые невольно заставляют усомниться в достоверности нарисованной картины. «Нам никогда не следует ни на секунду отступить от высокого уровня объективности и точности информации»,—заявил, например, Каррен, но тут же добавил: «Это не значит, что нам следует воздерживаться от передачи не получивших еще подтверждения сообщений. Мы не можем исключать такие непроверенные сообщения из наших выпусков последних известий». Вот так-то! Легко себе представить, какой простор для дезинформации слушателей открывается перед сотрудниками Би-би-си благодаря такому указанию.

Разветвленная служба внешнеполитической радиопропаганды Би-би-си не являлась бы подлинно британским институтом и орудием британской дипломатии, если бы не испытывала с самого начала особого пристрастия к лицемерию и интригам, к двойной игре, к благопристойным маскам. Перечисленные качества стяжали английскому иновещанию сомнительную славу в разработке и проведении операций психологической войны. Это признают и сами организаторы подрывной империалистической радиопропаганды. Не случайно, например, в 1948 году П. Лайнбарджер в своей книге, о которой шла речь выше, отвел англо-немецкой радиовойне немало места; не случайно, что ссылки на опыт Би-би-си имеются в «Пособии по ведению психологической войны», изданном в Балтиморе в 1958 году; опубликование в 1963 году книги руководителя «черных» английских радиостанций Сефтона Делмера «Черный бумеранг» тоже не случайность. Наконец, не случайно и то, что позже, в 1966 году, когда в Цюрихе проводилось совещание видных деятелей западного радиовещания и армейских чинов на тему «Радио как инструмент ведения психологической войны», основной докладчик постоянно ссылался на опыт Би-би-си в данной области и на труды С. Делмера. Как можно судить по сообщениям швейцарских газет, Би-би-си рекламировалась на этом совещании в качестве своеобразного эталона для всех, кто занимается ведением «психологических операций» против народов зарубежных, в первую очередь социалистических, стран.

Все это уже в достаточной мере, хотя и косвенно, характеризует истинный облик британского иновещания. Но есть и другие штрихи к его подлинному портрету, например связи Би-би-си с английской разведкой. Но прежде чем коснуться этих связей,—короткое отступление.

Будучи подлинно британским институтом, Би-би-си уважает традиции, скрупулезно ведет свою летопись и никогда не упустит случая соответствующим образом отметить какой-нибудь юбилей или знаменательную дату в собственной истории. И вот в августе 1969 года эта «слабость» едва не стала причиной дипломатического скандала. Беда в Буш-Хаус, штаб-квартиру Британской радиовещательной корпорации, пришла неожиданно-негаданно из Греции.

Правившая тогда в этой стране фашистская хунта «черных полковников», относившаяся совершенно равнодушно к тому, с какими словами обращается Лондон к грекам, неожиданно вознамерилась заявить протест. Дело в том, что Би-би-си вдруг начала передавать в своих программах на греческом языке какие-то зашифрованные послания. В понедельник, 4 августа, в 19 часов 45 минут по Гринвичу, очередная передача вдруг была прервана, затем последовал короткий музыкальный антракт, а потом диктор внятно и со значением произнес: «Александр с острова Парос, я жду вашего письма в пятницу»...

Когда эти слова были повторены в передаче и на следующий день, хунта переполошилась. «Мы, конечно, направим решительный протест английскому правительству», — заявил высокопоставленный представитель «черных полковников» корреспонденту агентства ЮПИ.

Весть об этом намерении немедленно достигла берегов Темзы. Теперь переполох начался в Буш-Хаусе, где спешно проводилось дознание, кто, когда и зачем включил в передачи на греческом языке зашифрованные послания. Сразу исключить такую возможность было нельзя. Ведь секретное соглашение на этот счет с английской разведкой (о нем речь пойдет несколько позже) имелось, но оно касалось в первую очередь социалистических стран... При чем тут Греция и ее полковники?

Недоразумение было быстро выяснено, и представитель Би-би-си поспешил заверить «черных полковников», что «зашифрованные послания не несут никакого смысла», что это не более как «рекламный трюк в стиле времен второй мировой войны, когда Би-би-си подобным образом обращалась к слушателям в оккупированной Греции», что цель его всего лишь в том, чтобы «вызвать интерес к предстоящей 30-й годовщине службы Би-би-си на греческом языке»⁵.

Фашистская хунта успокоилась. Она справедливо расценила это объяснение Британской радиовещательной корпорации и как извинение и как заверение в лояльно-

сти. Хунта выразила свое удовлетворение и отказалась от намерения заявить протест английскому правительству.

Конечно, описанный случай можно было бы истолковать просто как недоразумение, если бы он не проливал некоторый свет на хитроумный механизм связей «респектабельной» Би-би-си с английской разведкой — «Сикрет интеллидженс сервис» (СИС). И уже совершенно конкретно подтверждаются эти связи секретными документами СИС, которые увидели свет в конце 1968 года. Произошло это следующим образом.

В декабре 1968 года советская газета «Известия» опубликовала статью, авторы которой привели неоспоримые свидетельства того, что Би-би-си занимается не только радиовещанием, но и выполняет поручения английской разведки, а это совершенно несовместимо со статусом вещательной организации⁶. Короче говоря, авторы статьи с полным основанием выступали против тезиса Чарлза Каррена, что «Би-би-си и есть приличный человек международного радиовещания».

Вполне понятно, что в Англии статья вызвала волну голословных опровержений. Представители Би-би-си официально заявили, что утверждения о их связях с разведкой — «ложь и хитроумная выдумка». Газета «Йоркшир пост» назвала суждения авторов статьи «смехотворными», но осторожно заметила при этом, что «оставалось бы лишь удивляться, если бы до некоторых английских журналистов, работающих в газетах и на радио, не добралась английская разведка»⁷, то есть не вполне исключила возможность связей Би-би-си и СИС. Другие защитники британского радио заявляли, что новые нападки Москвы на Би-би-си не подтверждаются документально.

В ответ на эти «опровержения» газета «Известия» опубликовала в еженедельном приложении «Неделя» фотоконии секретных документов, свидетельствующих о прямых контактах Би-би-си с английской разведкой⁸.

Первый из документов так и именуется — «Связь «Сикрет интеллидженс сервис» с Би-би-си». В его преамбуле лаконично, безапелляционным языком приказа разъясняется, каким образом это должно осуществляться: «Связь СИС с Би-би-си по всем аспектам, за исключением вопросов военного планирования, должна осуществляться через специальную секцию ПРОП-2». Заметим, что ПРОП-2 входит в состав управления СИС, ведущего работу в области подрывных политических операций. Далее в документе подчеркивается, что СИС, когда это

ей нужно, может включать в программы Би-би-си, ведущиеся на иностранном языке, или в последние известия то или иное «направленное» сообщение. Одновременно СИС пользуется правом просить Би-би-си выделить значение того или иного материала или даже «включить в передачу последних известий специальные тенденциозные сообщения».

Но и это еще не все.

Ряд разделов документа разъясняет, каким образом можно использовать широковещательные передачи Би-би-си в связи с проводимыми британской разведкой вербовочными мероприятиями, а также действиями агентами. «СИС нуждается,—указывается в документе,—в заблаговременной подготовке обусловленных мелодий и фраз, которые могли бы при передаче по радио послужить агенту или вербовщику во время их работы по вербовке лиц из стран советского блока в качестве доказательства для вербуемого наличия у вербовщика полномочий официальных британских органов».

Что это означает на практике? Допустим, резиденту британской разведки дано задание попытаться завербовать гражданина одной из стран. И вот, чтобы подтвердить свои полномочия и произвести соответствующее впечатление, резидент апеллирует к Би-би-си, говоря, что, мол, во столько-то часов по его прямому указанию радиокорпорация передаст определенную музыкальную фразу или же процитирует в передаче такой-то текст. Конечно, все это требует «заблаговременной подготовки». Значит, на соответствующий отдел Би-би-си,—скажем, восточноевропейский, работающий на Советский Союз и другие страны социалистического содружества,—возлагается задача поддержания постоянных контактов с секретными службами Англии для участия в организации и проведении прямых разведывательных операций.

Еще один аспект деятельности Би-би-си затрагивается в пункте седьмом вышеназванного документа: это касается почты, получаемой от радиослушателей. Обычно в конце передач на ту или иную страну диктор напоминает слушателям адрес Би-би-си, предлагает присылать свои отклики, замечания и предложения. Ту же цель—увеличение потока писем—преследуют различные радиовикторины, конкурсы, опросы и т. д. А затем вся полученная корреспонденция, согласно инструкции британских разведывательных органов, поступает для обработки в соответствующие отделы СИС. Вот что по этому поводу говорится в документе:

«Имеется договоренность с Би-би-си о передаче в секцию СИС ПРОП-2 писем, получаемых от слушателей. Передаче также подлежат адреса авторов писем. ПРОП-2 должна направлять полученный из Би-би-си материал в соответствующие подразделения нашей службы. Материал, касающийся СССР или других социалистических стран,— в «Рашэн орбит груп» (отдел, ведущий работу против социалистических стран путем использования каналов туризма, частных поездок, поездок различных делегаций и т. п.— А. П.). ...Подразделения, получившие упомянутый выше материал, должны делать по нему соответствующие необходимые им записи. Письма после ознакомления должны быть обязательно возвращены в Би-би-си, а поэтому на них не должны делаться какие-либо пометки».

Достаточно откровенно и предельно ясно. Безобидное послание радиослушателя может стать тем документом, который при определенных условиях обратится против него же.

Из других материалов о связях английской разведки с Би-би-си, опубликованных в декабре 1968 года, следует выделить документ под названием «Контакты с английскими правительственными и другими учреждениями». В нем речь идет о взаимодействии Би-би-си с подразделением под закодированным названием БИН/КООРД. Это один из отделов Службы Центра СИС, ведущей разведывательную работу с территории Великобритании. На нее возложено проведение акций против гостей Англии, в первую очередь против делегаций из социалистических стран, шпионаж за дипломатическими представителями, аккредитованными в стране, использование английской прессы в своих целях и т. д. БИН/КООРД, оказывается, может, во-первых, влиять на содержание передач для зарубежных слушателей, во-вторых, сказать свое слово при зачислении того или иного человека на службу в Би-би-си. В документе, в частности, есть примечание, которое гласит: «Вопросы зачисления в штаты разведки сотрудников Би-би-си, а также перевода сотрудников секретной разведслужбы в Би-би-си решаются административным отделом». Таким образом, в аппарате английского инвещения «трудятся» и агенты и официальные сотрудники СИС.

И наконец, несколько слов еще об одном из опубликованных «Неделей» в 1968 году документов. В нем говорилось о явно шпионской деятельности с прямым участием Би-би-си. Документ имел выразительный заго-

ловок — «Явочная квартира в новом помещении Би-би-си в Берлине». А речь шла о том, что под видом посещения представителя Британской радиовещательной корпорации в Западном Берлине английская агентура может являться на встречу к своим хозяевам из СИС. Далее следовало разъяснение, что это помещение может быть использовано «для проведения встреч с источниками, проживающими на Западе, и с другими лицами, положение которых не может пострадать из-за контактов с Би-би-си». Интересно, что в данном случае речь шла об агентуре из числа граждан западных стран, то есть, видимо, «союзников» Англии. Нет оснований сомневаться в том, что СИС использует подобным образом и другие представительства Би-би-си в разных странах.

Список «услуг», которые предоставляет Би-би-си разведке, можно было бы продолжить. Но и без того ясно: их документально скрепленный альянс налицо. Они действуют как две притертые, хорошо смазанные шестерни одного большого механизма.

На примере сделки Би-би-си с «Секрет интеллидженс сервис» еще раз можно убедиться в том, что разведывательные органы ведущих империалистических государств принимали и принимают самое активное участие в планировании и проведении психологической войны против прогрессивных сил современности. Разведки США, Англии, ФРГ используют огромный пропагандистский аппарат собственных стран для распространения в международном эфире дезинформации, лжи и клеветы, для осуществления различных подрывных акций, идеологических диверсий и в других преступных целях.

Картина первая: «День X».—Картина вторая: «Вето» и «Фокус».—Картина третья: «Наведение мостов».—Под маской «объективности».—Фарс в конгрессе США.

В этой главе речь пойдет о некоторых операциях второго этапа империалистической радиовойны, направленных против народов Советского Союза и других социалистических стран и осуществлявшихся с 50-х до начала 70-х годов. Конечно, как мы увидим, тактика проведения таких операций менялась, но существо оставалось неизменным: борьба всеми допустимыми и недопустимыми средствами с прогрессивными силами современности. Сохранилось немало официальных документов и высказываний западных политических деятелей, достаточно четко характеризующих главные цели, на достижение которых была направлена в этот период внешнеполитическая радиопропаганда США, Англии и ФРГ. Приведем лишь два документа.

30 сентября 1950 года президентом США Трумэнном была утверждена директива Совета национальной безопасности, известная под шифром «СНБ-68». В ней, в частности, говорилось: «Нам нужно вести открытую психологическую войну с целью вызвать массовую измену Советам и разрушить замыслы Кремля... Усилить позитивные и своевременные меры и операции тайными средствами в области экономической, политической и психологической войны с целью вызвать и поддержать волнения и восстания в избранных стратегически важных странах-сателлитах (так именовались на языке Трумэна европейские страны народной демократии.— А. П.)»¹.

Цели радиопропаганды в свете этой директивы, как заявил сенатор Карл Мунд, отвечая на вопрос, чего ожидает «Голос Америки» от своих русских слушателей, определялись так: «Мы ожидаем от них снижения оборонной активности, задержки выполнения пятилетнего плана, призванного увеличить выпуск сельскохозяйственной

и промышленной продукции. Мы ожидаем, что при случае они будут ускользать из России... и затем приезжать сюда, чтобы мы могли узнавать от осведомленных русских, какие сооружения оборонного значения они строят за Уралом и в других центрах обороны России»².

Эти слова зафиксированы в официальной стенограмме конгресса США.

А теперь подробнее о том, как развивалось действие в ходе «второго акта» империалистической радиовойны.

КАРТИНА

ПЕРВАЯ:

«ДЕНЬ X»

Примерно до 1953 года США в своей политике по отношению к Советскому Союзу опирались в основном на так называемую «доктрину сдерживания». Речь шла о сдерживании «агрессивных тенденций», которые, по заявлениям американских государственных деятелей, якобы были присущи Советскому Союзу и другим государствам, вставшим на путь строительства социализма. Поэтому целью внешней политики США провозглашалось «противопоставление русским неизменно противодействующей силы в любом пункте», а значит, тем самым оправдывалось бесцеремонное американское вмешательство в дела других стран. Цитировавшаяся выше директива «СНБ-68» была лишь одной из многих, в соответствии с которыми действовал в те годы внешнепропагандистский механизм США. Как писал американский теоретик и практик подрывной пропаганды У. Баррет, «тон информационной и культурной программы США на зарубежные страны стал более резким, она превратилась в «кампанию за истину» для борьбы с мировым коммунизмом, и отпускавшиеся на нее средства были увеличены»¹.

В 1953 году администрацию Трумэна сменил в Белом доме кабинет Эйзенхауэра, и на свет появилась новая внешнеполитическая доктрина — «доктрина освобождения», крестными отцами которой по праву считаются бывший в ту пору государственным секретарем Джон Фостер Даллес и группа реакционных теоретиков американской внешней политики. Все они резко критиковали политический курс правительства Трумэна, которое руководствовало «доктриной сдерживания», якобы оборонительной по своему существу, и требовали перехода к более активным действиям, чтобы в короткий срок

«отбросить коммунизм» к границам 1939 года, а затем нанести решающее поражение Советскому Союзу.

«Доктрине освобождения» был придан характер официальной правительственной внешнеполитической программы, что, естественно, повлекло за собой реорганизацию аппарата психологической войны, в том числе и аппарата иновещания. На основе объединения органов пропаганды госдепартамента с рядом других государственных органов было создано Информационное агентство Соединенных Штатов (ЮСИА) со штатом около 10 тысяч человек, в состав которого была включена и служба внешнего радиовещания «Голос Америки». Это агентство, по существу, координировало работу всей системы внешнеполитической радиопропаганды США. РИАС, «Свободной Европе», «Освобождению», так же как и «Голосу Америки», «Свободной Азии» и другим радиостанциям, было отведено точно определенное место на фронте психологической войны. Напомним, что к этому времени уже вышла в эфир «Немецкая волна» и продолжались передачи ветерана радиовойны Би-би-си. Все вместе они заметно активизировали свою деятельность не только количественно (например, увеличение объема вещания, ввод в строй новых радиомощностей), но и «качественно» — усилением разнузданной клеветы на СССР и другие социалистические страны, прямым вмешательством в их внутренние дела, шпионажем, установлением и расширением связей с контрреволюционными центрами за рубежом. Характерный пример — превращение территории Западной Германии в базу для осуществления радиодиверсий против европейских стран, вступивших на путь социализма.

В 1952 году, то есть спустя два года после того, как РСЕ уже заработала на полную мощность, прочно обосновавшись в Мюнхене, Аденауэр выдал американцам лицензию, по которой на дальнейшее время узаконивалось существование на территории ФРГ этой американской радиостанции. Первая статья лицензии гласила: «Радиопередатчики могут быть установлены только для целей «Радио Свободная Европа»; они не могут быть использованы какими-то другими организациями, пока на то не будет получено согласие от правительства ФРГ»².

Если подойти к тексту этой статьи, вооружившись известными сегодня фактами об РСЕ, то получается довольно абсурдная картина.

Итак, «радиопередатчики могут быть установлены только для целей «Радио Свободная Европа», то есть

частной некоммерческой станции. Сказано предельно ясно: эти передатчики не могут быть использованы никакой другой американской организацией, например Центральным разведывательным управлением. Но ведь теперь всем известно, что РСЕ, как и РС, не является «частной» радиостанцией, что это просто-напросто филиалы ЦРУ, так как им финансируются. Следовательно, в течение всего времени пребывания РСЕ и РС на берегах Изара первая статья лицензии не соблюдалась, или же следует признать, что правительство ФРГ дало согласие на деятельность в Мюнхене радиостанций, принадлежащих ЦРУ.

Так обстоит дело с первой статьей. Что касается второй статьи, то она гласит: «Радиостанции «Свободная Европа» не разрешено изменять технические спецификации передающих установок или устанавливать дополнительные передатчики без разрешения на то министра почт и телеграфа ФРГ»³.

Если вспомнить, что за тридцать с лишним лет своего незаконного пребывания на западногерманской территории «Радио Свободная Европа» и «Радио Свобода», начав вещание через единственный передатчик каждая, увеличили их количество в общей сложности почти до пятидесяти, а мощности—в несколько сот раз, что обе эти станции неоднократно использовали чужие волны, в том числе и выделенные для ФРГ, и не было ни одного случая, когда шефы РСЕ и РС обращались за разрешением к министру почт и телеграфа ФРГ, то станет ясно, что радиопираты относятся к соблюдению лицензии просто-напросто наплевательски. Вторая статья также оказалась фикцией...

Подобным образом обстоит дело и с третьей статьей, в которой говорится: «Уполномоченным правительством ФРГ лицам должен быть разрешен свободный доступ ко всем техническим установкам во время или после работы радиостанций»⁴.

Ни разу за три с лишним десятилетия официальные лица ФРГ не воспользовались этим правом, так как им не позволяли этого подлинные хозяева РСЕ и РС из ЦРУ. Ни разу западногерманские власти не потребовали от руководства радиостанций пленок с записью передач, прошедших в эфир, как предусматривается четвертой статьей лицензии. Они не сделали этого даже тогда, когда соседние с ФРГ страны по официальным дипломатическим каналам обвиняли «Радио Свободная Европа» в подрывной деятельности.

Впрочем, речь идет не только о РСЕ. Рассмотрим, например, одну из операций второго этапа империалистической радиовойны, связанную с берлинскими событиями, известными под названием «день X».

«День X» — одна из первых попыток реакционных кругов США и ФРГ осуществить «доктрину освобождения» на практике. Это была провокация в Берлине в июне 1953 года. Во время берлинских событий с особой наглядностью проявилась деструктивная роль империалистической радиопропаганды. Организуя эту провокацию, реакционные круги США и ФРГ ставили перед собой далеко идущие цели. Они заключались в первую очередь в свержении правительства ГДР, затем в реставрации там капитализма и, наконец, в создании тем самым плацдарма для борьбы против других европейских стран, вступивших на путь строительства социализма. Подготовка провокации велась длительное время, и в плане, который был разработан, важное место отводилось деятельности РИАС.

Характерно, что именно в этот период в РИАС проводится ряд реорганизаций, в результате которых ведущим отделом радиостанции становится отдел политики с четырьмя подотделами: внутренней политики, Народной армии ГДР и Советской Армии, экономики и индустрии ГДР, партийных и общественных организаций ГДР.

Напомним, что тогда же стала выходить в эфир «Немецкая волна». В ее лице РИАС обрела верного подручного.

В период, предшествовавший июньским событиям 1953 года в Берлине, передачи РИАС особенно отличались клеветой и попытками восстановить население ГДР против законного правительства, постоянным вмешательством во внутренние дела республики, стремлением умалить ее международный престиж и отравить атмосферу в центре Европы. РИАС подстрекало крестьян ГДР не вступать в сельскохозяйственные кооперативы, а рабочих — саботировать производство, изо дня в день распространяло выдумки о социалистических странах, в том числе и о Советском Союзе. Обычными методами работы радиостанции стали фальсификация фактов и материалов, оглашение фальшивых «писем радиослушателей», организация выступлений лиц, бежавших из ГДР, и различных подставных «свидетелей», для чего использовались профессиональные актеры. С другой стороны, было усилено восхваление «западного образа жизни».

Главная цель этой пропаганды, как писал позже американский публицист Дж. Гантер, заключалась в том, чтобы «насыщать Восточную Германию... американскими новостями, пропагандировать среди них американские взгляды, приучить их к американским развлечениям»⁵. РИАС, по словам Дж. Гантера, «умело направляло свои передачи», учитывая даже детей школьного возраста. «Точность работы радиостанции,— писал он,— поразительна. Так, например, РИАС придает особое значение передаче уроков для школьников. Оно знает все учебники, принятые в школах Восточной Германии, и в какие часы занимаются те или другие классы, и сколько времени требуется ребятам, чтобы дойти домой. РИАС передает свои уроки, чтобы исправить или нейтрализовать то, чему учили учеников в школе. И все это происходит в Берлине, в самом центре советской зоны (имеется в виду территория ГДР.— А. П.)»⁶.

Однако в период, предшествовавший «дню X», сами передачи в эфире, несмотря на всю их активизацию, оказываются как бы второстепенными в деятельности РИАС. Главной задачей радиостанции становится вербовка агентов и организация шпионажа, саботажа и диверсий на территории Германской Демократической Республики. Публицист из ГДР Герхард Зазворка так описывал эту сторону деятельности американской радиостанции в Западном Берлине: «Посетителя из ГДР, если он попадает в отдел, выслушивают опытные агенты, когда же он проявляет желание стать агентом, то его представляют руководителю бюро контактов... Каждый отдел является специфическим шпионским центром в своей области. В Западном Берлине РИАС имеет многочисленные явки, где сотрудники радиостанции встречаются со своими «связными», которые передают им информацию о Германской Демократической Республике. Кроме того, РИАС имеет большое число резидентов, которые подчинены отделу «Внутренняя политика» и занимаются тем, что разыскивают в гостиницах, на вокзалах, в кино и театрах граждан ГДР, желающих стать агентами. После того как агент прошел специальную «проверку», РИАС передает его американской шпионской службе. Установлено, что сотрудники из РИАС получают за каждого завербованного ими агента денежную премию»⁷.

Американские правые газеты в тот период призывали всеми средствами создавать в Германской Демократической Республике армию мятежников. Штаб мятежников, естественно, должен был находиться в Западном Берли-

не. Вербовка агентов, а также передача приказов к «дню X» являлись главными задачами РИАС. Таким образом, официальный филиал правительственной радиостанции США «Голос Америки» — РИАС — участвовал в подготовке контрреволюционной провокации в другом суверенном государстве.

Действуя по прямым указаниям РИАС, 17 июня 1953 года, то есть в «день X», на который было назначено «осуществление присоединения советской зоны», провокаторы увлекли за собой группу людей из центра столицы ГДР к американской оккупационной зоне Берлина. Там их ждали заранее подготовленные организаторами провокации неонацистские банды. Американские военные на машинах, оснащенных радиоустановками, руководили действиями этих групп, направив их обратно с заданием осадить правительственные здания ГДР. Американские самолеты сбрасывали листовки, в которых содержались призывы к продолжению путча. Непрерывно работали все передатчики РИАС, подстрекая население ГДР к выступлениям против законного правительства, распространяя ложную информацию о том, что «восставшие жители Берлина уже овладели городом». Позже американская печать признавала, что дело никогда бы не дошло до беспорядков, если бы не передачи РИАС. Пропагандистская радиостанция США в Берлине передала 17 июня в 5 часов утра детальные указания подстрекательского характера во все районы ГДР.

Как известно, империалистическая провокация в Берлине полностью провалилась. Некоторое время спустя со всей ясностью была выявлена преступная роль РИАС в этих событиях, был раскрыт весь механизм провокации, было убедительно доказано, что американская радиостанция, называвшая себя «свободным голосом свободного мира», перешла от идеологической обработки слушателей, от участия в радиовойне к прямой организации контрреволюционных акций, осуществляемых с оружием в руках, к шпионажу и диверсиям.

Крах «дня X» явился серьезным поражением внешнеполитического курса «с позиции силы», которого в то время придерживались США и их союзники. В этих событиях роль внешнего радиовещания США и ФРГ проявилась в самом неприглядном свете. Вместе с тем в глазах империалистических организаторов подрывной пропаганды радио еще более упрочило свои позиции в качестве важнейшего оружия в психологической войне. Поэтому, продолжая придерживаться «доктрины освобож-

дения» и не отказываясь от связанных с ней авантюр, они продолжили подготовку подрывных радиоопераций против социалистических стран.

КАРТИНА

ВТОРАЯ:

«ВЕТО» И «ФОКУС»

В период, когда основой внешней политики США по отношению к странам Европы, строившим социализм, служила «доктрина освобождения», передачи на эти страны были полностью подчинены одной цели — свержению существовавшего там строя. Как писал, например, чехословацкий журнал «Новая мысль», в тот период «передачи извергали бесконечный поток самых грубых инсинуаций и ругательств. Изо дня в день радиослушателю давались советы, как следует реагировать на события, происходящие в Чехословакии, какие следует выдвигать требования, где и как оказывать сопротивление. Искаженные и просто выдуманные сообщения «из надежных источников» имели целью вызвать у слушателя чувство неуверенности, повергнуть его в панику. Не было, разумеется, недостатка и в предсказаниях крушения существующего режима и в рассуждениях о том, какой режим ожидается в стране... Таково было ежедневное «зелье», преподносимое даллесовской пропагандой, утверждавшей, что можно уничтожить социалистический порядок средствами насилия — непосредственным военным вмешательством или разжиганием контрреволюционного восстания»¹.

Заметим, что «Радио Свободная Европа» начало свою деятельность именно с передач на чешском языке. Известно также, что первоначально острие подрывной пропаганды империалистических диверсионных радиоцентров было направлено против Чехословакии. Так, в 1954 году была подготовлена операция «Вето» — план осуществления контрреволюционного переворота в этой стране.

Правда, автор первой монографии о РСЕ, вышедшей в США в 1958 году, Р. Холт пытался доказать, что радиостанция якобы не подстрекала население Чехословакии, а также Венгрии и Польши «к волнениям» и не вмешивалась во внутренние дела этих стран. Однако, пишет Р. Холт, «проводя операцию «Вето», РСЕ выступало как «Голос народной оппозиции»... требования которой кратко выражались в следующих десяти тезисах: 1) профсоюзы — для членов профсоюза; 2) больше платы —

меньше разговоров; 3) рабочие не должны быть каторжниками; 4) никакого вмешательства в свободное время трудящихся; 5) никакой крепостной зависимости крестьян; 6) меньше участков — выше урожай; 7) местная автономия вместо бюрократии; 8) товары для народа — не для Советов; 9) возврат к обслуживанию клиентов; 10) жизнь для семьи, а не для государства»².

Каждый из десяти пунктов этой «платформы» свидетельствовал о злонамеренном искажении радиодиверсантами чехословацкой действительности, о попытках помешать тем громадным социальным преобразованиям, которые начались и успешно проводились в стране. Именно поэтому РСЕ охаивало и деятельность профсоюзов, и перемены в сельском хозяйстве, и положение трудящихся, и отношения Чехословакии с Советским Союзом и т. д.

Совершенно очевидно, что подстрекательские «требования народной оппозиции», от имени которой выступало РСЕ, как раз и свидетельствуют об американском вмешательстве во внутренние дела суверенной Чехословакии, причем о вмешательстве в самых широких масштабах.

За одну лишь весну 1956 года в рамках кампании «Вето» над территорией Чехословакии были разбросаны с воздушных шаров миллионы листовок с текстами восемнадцати «обращений к чехословацкому народу». Эти тексты, излагавшие и уточнявшие «платформу народной оппозиции», а по существу, содержавшие инструкции для контрреволюционного подполья, постоянно повторялись в передачах «Голоса Америки», РСЕ, «Немецкой волны» и других западных радиостанций.

Подобным же образом была организована империалистическая радиопропаганда на Польскую Народную Республику. Она преследовала цель организовать в стране внутреннюю оппозицию, которая должна была подорвать существующий строй. Польский еженедельник «Политика» отмечал в этой связи, что радиостанции США, ФРГ и Англии «систематически занимаются проблемами иностранного суверенного государства», то есть Польши, следствием чего «является постоянное стремление очернить Народную Польшу и постоянное пережевывание ее трудностей»³.

Показательно, что империалистическая радиопропаганда на социалистические страны Европы стремилась подчеркнуть свой антикоммунистический, а не антипольский, или античешский, или антивенгерский и т. д. характер. Однако даже выборочный анализ передач

западных радиостанций позволяет обнаружить, что антикоммунистические лозунги, с которыми они выступали, были направлены против национальных интересов народов социалистических стран, против внутренних мероприятий их правительств.

С полной наглядностью деструктивная роль империалистической, и в особенности американской, внешнеполитической радиопропаганды проявилась во время контрреволюционного мятежа в Венгрии осенью 1956 года, стоившего венгерскому народу немалых жертв. Самое активное участие в подготовке мятежа и его раздувании приняли «Национальный комитет Свободной Европы» и находившееся в его распоряжении «Радио Свободная Европа». Эта операция получила кодовое название «Фокус».

В общем схема деятельности РСЕ в связи с венгерскими событиями 1956 года мало чем отличалась от действий РИАС во время июньского путча в Берлине 1953 года. Стоит привести здесь описание этой «деятельности», данное по горячим следам парижской газетой «Монд».

«Самые высокопоставленные американские лица использовали малейшую возможность, чтобы выразить свою заинтересованность в судьбах народов Восточной Европы, побудить их к сопротивлению и подчеркнуть, что все те, кто будет бороться за свободу, получают поддержку Америки... В Хольцкирхене, возле Мюнхена, была построена радиостанция, где сотрудничало около ста венгров. Эта радиостанция целыми днями транслировала для Венгрии программу, целью которой было укрепить в слушателях дух сопротивления коммунистическому строю. Главная тема передач: могущество Америки и ее готовность оказывать помощь поработенным народам (так именуются буржуазной пропагандой народы Европы, строящие социализм.— А. П.). С другой стороны, организация «Крестовый поход за свободу», родственная комитету «Свободная Европа», периодически с помощью тысяч воздушных шаров наводняла Венгрию листовками, которые подстрекали население к сопротивлению от имени несуществующего Комитета освобождения... Во время восстания призывам радиостанции «Свободная Европа», наверное, следовали очень многие... Не потому ли вели они на протяжении этих дней напрасную борьбу, что последовали совету, данному радиостанцией «Свободная Европа» в канун выборов американского президента? Радиостанция заверяла своих слушателей, что, если вооруженное восстание будет продолжаться и после опубликования ре-

зультатов выборов, то вашингтонское правительство могло бы выступить в интересах Венгрии (то есть мятежников.— А. П.)»⁴.

«Радио Свободная Европа», по сути дела, являлось руководящим органом и организатором выступлений, вылившихся в контрреволюцию в Венгерской Народной Республике. Через многочисленные радиопередатчики этой станции в эфир передавались не только широковещательные пропагандистские заявления, но и конкретные указания мятежникам. Давались советы нелегальным радиостанциям, на какой волне и как вести передачи. На всем протяжении венгерских событий РСЕ подстрекало продолжать вооруженную борьбу. Например, когда правительство Венгрии выступило с призывом прекратить огонь, военный эксперт и комментатор РСЕ полковник Бэлл заявил перед микрофонами: «Прекращение огня, как и троянский конь, необходимо для того, чтобы будапештское правительство, которое еще находится в настоящий момент у власти, могло удержать свои позиции до тех пор, пока это только возможно... Тем, кто борется за свободу, нельзя ни на минуту забывать о замысле противостоящего им правительства, ибо иначе повторится трагедия с троянским конем»⁵.

Именно под влиянием подстрекательской пропаганды «Радио Свободная Европа» и в результате недопустимого вмешательства некоторых западных миссий положение в Венгрии вновь обострилось. 30 октября 1956 года, то есть буквально на другой день после процитированной радиопередачи, натиск мятежников усилился: они начали осаду горкома партии на площади Республики в Будапеште и линчевание коммунистов. А еще день спустя, 31 октября, тот же полковник Бэлл в очередной передаче РСЕ на венгерском языке давал уже более решительные указания: «Борцы за свободу (имеются в виду мятежники.— А. П.)! Немедленно требуйте для себя портфель министра обороны и посты главнокомандующего и начальника генерального штаба. Это было бы величайшей гарантией для вас!»⁶. Тогда же был зачитан «комментарий о текущих событиях», в котором, в частности, говорилось: «Министерство внутренних дел и министерство обороны все еще не в ваших руках. Борцы за свободу, не уступайте! Не вешайте на стену ваши винтовки. Не давайте будапештскому режиму ни грамма угля, ни капли нефти, до тех пор пока руководство внутренними делами и обороной не будет находиться в ваших руках»⁷.

В те же дни, чтобы вооружить мятежников более подробной политической программой, РСЕ под видом якобы от них же исходящего призыва потребовало выхода Венгрии из Организации Варшавского договора, «международного» (читай: западного) контроля над выборами, роспуска зарубежных дипломатических представительств Венгерской Народной Республики и т. д.

Таким образом, подстрекательские передачи «Радио Свободная Европа» сыграли большую роль в идеологической подготовке контрреволюционного мятежа в Венгрии и в практическом руководстве им, в развязывании вооруженной борьбы, в возбуждении массовой истерии, приведшей к гибели людей. Американские власти и ЦРУ несут особую ответственность за кровопролитие среди венгров, за последовавшие вслед за этим призывы к венграм бежать на Запад и за трагедию, пережитую в результате тысячами венгерских семей. Как признал несколько лет спустя исследовательский отдел ЮСИА, каждые девять из десяти опрошенных венгерских беженцев слушали иностранные передачи, то есть программы РСЕ и «Голоса Америки»⁸.

Нет возможности, да, по существу, и необходимости останавливаться на всех крупных операциях зарубежного радио Соединенных Штатов, Англии и ФРГ, направленных против социалистических стран Европы в период «холодной войны». Важно еще раз подчеркнуть, что именно в этот период иновещание империалистических государств в полной мере разоблачило себя как орудие лжи, клеветы и осуществления прямых диверсий.

КАРТИНА

ТРЕТЬЯ:

«НАВЕДЕНИЕ МОСТОВ»

Крах «доктрины освобождения» обусловил необходимость разработки новых установок для пропагандистского аппарата США и других империалистических государств, в частности для аппарата внешнеполитической радиопропаганды.

Одним из идеологических мифов, особенно широко рекламировавшихся буржуазной пропагандой на протяжении 60-х годов, явился миф о том, что капиталистический мир якобы искренне стремится к расширению связей с социалистическими странами и предлагает перекинуть «мосты» между двумя системами для обмена культурными ценностями, идеями и т. п. В действительности

доктрина «наведения мостов» представляла собой коварный замысел сил империализма, направленный на «эрозию» социализма, на подрыв единства социалистической системы. Напомним, что одним из первых о так называемой «политике мирного проникновения» заговорил Дж. Кеннеди. В мае 1964 года его преемник Л. Джонсон, выступая в Вирджинском военном институте в Лексингтоне, призвал «навести мосты» к европейским социалистическим странам, с тем чтобы способствовать «увеличению их независимости», «открыть умы нового поколения для ценностей западной цивилизации»¹. Эти положения политики США и легли в начале 60-х годов в основу западной пропаганды, в том числе и радиопропаганды.

Одним из главных объектов подрывных действий империализма опять стала Чехословакия. Реакционные круги Запада, в первую очередь США и ФРГ, выступая единым фронтом, мобилизовали и нацелили против ЧССР радио и печать, телевидение и кино, эмигрантов и авантюристические политические элементы внутри этой страны. Характерно, что Р. Никсон в ходе своей предвыборной кампании в конце 60-х годов не раз подтверждал линию внешней политики по отношению к Чехословакии, намеченную его предшественниками. Он откровенно заявлял, что так называемый «эволюционный путь развития событий в Чехословакии окажется более верным с точки зрения интересов западных держав, нежели провалившаяся попытка совершить контрреволюционный переворот в Венгрии в 1956 году»².

Не меньший интерес к Чехословакии проявляли правящие круги ФРГ. Западногерманский «советолог» Клаус Менерт, уточняя, чего именно хотели бы они достичь, рисовал в этой связи следующую картину: «Если Чехословакия, если другие восточноевропейские страны пойдут по пути социал-демократизма, то совершенно ясно, что для нас было бы гораздо легче говорить с социал-демократической Чехословакией»³.

Кульминационным пунктом осуществления тактики «наведения мостов» стали события в ЧССР 1968—1969 годов. Именно в Чехословакии была недвусмысленно продемонстрирована на практике конечная цель этой империалистической доктрины—создание с помощью идеологического и политического давления извне условий для реставрации в странах социализма капиталистического строя и их отрыва от социалистического сотрудничества. Империализм использовал в ЧССР весь современный арсенал антикоммунистических средств, включая

широкую пропагандистскую атаку и диверсионно-идеологические действия против социалистического строя в стране, внешне прикрытые фразами о «новой модели социализма». В арсенале буржуазных пропагандистов были и такие средства, как всесторонняя поддержка антисоциалистических сил, контрреволюционных организаций вроде «Клуб-231» и «Клуб беспартийных активистов», попытки расколоть КПЧ и подтолкнуть ее к отказу от руководящей роли в обществе, разжигание антисоветских настроений. В ход пошло экономическое заигрывание с ЧССР со стороны ряда империалистических стран и в то же время бряцание оружием на ее границах.

События 1968—1969 годов в Чехословакии, тот резонанс, который они получили в мире, подтвердили, в частности, что радио было использовано в качестве одного из основных каналов политических и идеологических диверсий международной реакции против этого социалистического государства.

Объемы вещания США, Англии и ФРГ на Чехословакию, а также количество используемых частот и мощности радиопередатчиков в период подготовки «чехословацкого эксперимента» постоянно возрастали. По сравнению с 29 часами в 1958 году ежесуточный объем передач составил к середине 1968 года в среднем 32 часа 28 минут. Только за четыре года, с 1964-го по 1968-й, «Немецкая волна» увеличила вещание на чешском языке почти вдвое. Следует подчеркнуть, что из 32 часов 28 минут направленного вещания США, Англии и ФРГ на Чехословакию в середине 1968 года более половины, а именно 20 часов 46 минут, осуществлялось радиостанциями США — «Свободной Европой» (18 часов 46 минут) и «Голосом Америки» (2 часа)⁴.

В то же время объем национальных программ Пражского и Братиславского радио был равен примерно 60 часам. Таким образом, соотношение западного иновещания и собственного чехословацкого составляло примерно 1:2. Это соотношение увеличится в пользу западного вещания, если учесть, что значительная часть населения ЧССР свободно владеет немецким языком и таким образом легко может оказаться в сфере действия радиопропаганды из ФРГ, даже если не слушает передачи западных станций на чешском и словацком языках. К тому же Чехословакия относится к числу стран, в высокой степени оснащенных приемной радиоаппаратурой (в 1968 году — 3 миллиона 830 тысяч приемников, не считая большого числа транзисторных и автомобиль-

ных⁵). Необходимо учесть и тот факт, что население пограничных районов Чехословакии с Австрией и ФРГ могло свободно принимать телевизионные передачи из Вены или из Бонна.

К середине 1968 года среди социалистических стран Европы Чехословакия заняла второе место (после ГДР), если говорить о таком «показателе», как направленные иностранные передачи. Таким образом, она оказалась в центре внимания западных радиодиверсантов. Наиболее активную роль в организации империалистической радиопропаганды на эту страну играла, как уже говорилось, так называемая «частная» радиостанция «Свободная Европа» с ее штаб-квартирой в Мюнхене, то есть максимально приближенная к границам социалистической Чехословакии, что, естественно, облегчало задачу ведения подрывных передач и в техническом, и в организационном, и во всех других отношениях.

После событий в Венгрии октября 1956 года РСЕ, являющееся специализированным американским органом пропаганды в психологической войне против социалистических государств Европы, изменило методы ведения этой войны, стараясь приспособиться к общей политической обстановке в мире. Как отмечал чехословацкий публицист Ян Краль, «ожесточенные антикоммунистические нападки, клевета и фальсификация фактов были заменены изощренной клеветой, искажением фактов, односторонним толкованием трудностей и ошибок или спекулятивной интерпретацией событий и явлений. Комментаторы «Свободной Европы» заменили антисоциалистическую лексику словарем, который использовался до сих пор только в коммунистической пропаганде. Тот факт, что они начали говорить якобы с позиций патристически мыслящих граждан и даже с позиций коммунистической партии, не мог замаскировать подлинную сущность их замыслов — ликвидацию социалистического строя в той или иной стране»⁶.

В описываемый период «Радио Свободная Европа» особенно внимательно относится к изучению аудитории своих передач в Чехословакии. «Исследователей» из РСЕ интересует буквально все, что касается жизни потенциальных слушателей, — семья, развлечения, деловые успехи, религиозная принадлежность и т. д. Чехословацкий публицист Милош Крейчи писал позже в газете «Руде право», что лишь в течение июня 1967 — июля 1968 года интервьюеры РСЕ опросили в восьми странах Западной Европы 2480 туристов и эмигрантов из социалистических

стран. В числе опрошенных было 812 чехов и словаков. Результаты этого «исследования», как писал М. Крейчи, «были рассмотрены в разных аспектах — графики, таблицы, «научные сравнения» и т. д. — и предложены соответствующим американским шпионским центрам»⁷.

Летом 1968 года в действиях идеологических радиодиверсантов отчетливо проступают два основных направления: первое — стремление скомпрометировать социализм, КПЧ и в связи с этим оказать всестороннюю поддержку силам «тихой контрреволюции»; и второе — все большее усиление клеветнической антисоветской кампании. «Радио Свободная Европа», «Голос Америки», «Радио Свобода» одновременно с другими западными радиостанциями и буржуазной печатью начали особенно активно проводить эту кампанию в конце июня — начале июля 1968 года, как раз в то время, когда на территории ЧССР проходили учения войск стран — участниц Варшавского договора. Радиопередачи начинались всевозможными сенсационными измышлениями. В советской печати в те дни отмечалось: «Обращает на себя внимание деятельность западных корреспондентов в ЧССР, которые под видом интервью пытаются инструктировать тех, кто недоволен социалистическим строем. Небезызвестная «Свободная Европа» и другие западные радиостанции распространяют панические слухи. На суверенное социалистическое государство оказывается самый неприкрытый политический нажим. Если рассматривать проблему во всем ее комплексе, то, по сути дела, речь идет о попытках экспортировать в Чехословакию контрреволюцию»⁸.

«В августе 1968 года, — указывалось на декабрьском (1970 года) Пленуме ЦК КПЧ, — в Чехословакии сложилась обостренная контрреволюционная обстановка, наша страна очутилась на грани гражданской войны. На повестку дня со всей остротой встал вопрос «кто кого?». Либо контрреволюция, опирающаяся на поддержку международной реакции, завершит свое черное дело, либо социалистическим силам удастся отразить контрреволюцию и отстоять дело социализма... Вступление союзнических войск в Чехословакию 21 августа 1968 года... было необходимым и единственно правильным решением»⁹.

После вступления союзнических войск деятельность западных радиодиверсантов против Чехословакии приобрела небывалый размах. «Радио Свобода», «Радио Свободная Европа» и «Голос Америки» немедленно перешли на круглосуточное вещание, увеличили объемы передач

Би-би-си и «Немецкая волна». На население ЧССР обрушились потоки самой изощренной лжи через передатчики, которые именовали себя «легальными», но на самом деле являлись составной частью давно испытанной империалистическими радиодиверсантами системы «черной» пропаганды.

Печать ФРГ, а также других западных стран писала в августе 1968 года, что с развитием событий в Чехословакии представилась особая возможность «поработать в радиозфире». И действительно, уже в ночь с 20 на 21 августа, когда союзники пришли на помощь чехословацкому народу, начал свою работу целый ряд подпольных передатчиков. Такая оперативность сама по себе свидетельствовала, что эта пропагандистская акция планировалась заранее. Обработкой чехословацких граждан занялись по крайней мере двенадцать радиостанций. «Прага», «Чехословакия-1», «Пльзень», «Чехословацкое радио на Дунае», «Край урожая», «Свободный передатчик» — вот далеко не полный список нелегальных радиостанций, на которых орудовали правооппортунистические элементы, тесно связанные с империалистическими разведками и диверсионными центрами.

Факты свидетельствуют о том, насколько тщательно была подготовлена и точно скоординирована деятельность правых и антисоциалистических сил в самой Чехословакии с действиями внешней реакции.

Еще в 1966 году западногерманский журнал «Шпигель» достаточно подробно сообщал о так называемом «Радиобатальоне-701» бундесвера: «Он расположен в Андернахе. В подчинении у его командира полковника Егера 400 солдат. Половина офицеров — опытные «работники радио», 30 процентов личного состава пришли из редакций газет. Для выполнения самых темных дел у батальона есть «школа по ведению психологической войны», размещенная во францисканском монастыре в Ойскирхене... Шпионы располагают программами, разработанными для представителей всех социалистических стран, не исключая Чехословакии. Они ждут лишь «часа N»¹⁰.

И вот этот час настал. В сентябре 1968 года другой западногерманский журнал, «Штерн», писал, что сообщения подпольных радиостанций, работавших в эфире Чехословакии, хорошо прослушивались в ФРГ, что передатчики «Радиобатальона-701» могли действовать на одной средней и трех коротких волнах, «осуществляя специальные мероприятия стратегической психологии», и

что части андернахского радиобатальона систематически передавали обращения к чехословацкому населению¹¹. Иначе говоря, сообщения «легальных», как они себя именовали, передатчиков, работавших на территории ЧССР, усиливались более мощными станциями, расположенными в ФРГ, а именно установками бундесвера.

Мало того, в двадцатых числах августа 1968 года в Бад-Годесберге интендант «Немецкой волны» В. Штайгнер проводит ряд совещаний с бежавшими из ЧССР работниками радио. Он, в частности, сообщил им, что в их распоряжение передается оборудование «Немецкой волны» с целью перехвата чехословацких передач (разумеется, мнимо «легальных»), их усиления и обратной ретрансляции на всю территорию ЧССР. В здании «Немецкой волны» на Дрюдерштрассе, 1, в Кёльне были выделены помещения и радиотехника для редакции «чешского и словацкого вещания», в которой стали работать девять сотрудников из числа эмигрантов. Так из Кёльна зазвучали голоса предателей социализма, замаскированные таким образом, чтобы в Чехословакии их могли воспринять как «глас народа». Естественно, радиослушателям эта закулисная сторона дела оставалась неизвестной.

Весьма характерно, что в период после 21 августа 1968 года буржуазные газеты на все лады стали обсуждать планы помощи внутренним силам «тихой контрреволюции» в ЧССР, в том числе и вопрос о создании, как писала английская «Гардиан», «свободной радиосети» для Чехословакии. Автор статьи, помещенной в этой газете, небезызвестный антикоммунист Виктор Зорза, бывший сотрудник РСЕ, выдвинул обширный план использования радиопропаганды для помощи правым силам в ЧССР. «При наличии желания, радиочастот и радиопередатчиков,— подстрекательски писал он,— вещательным организациям, заполняющим европейский эфир своей продукцией, нужно для начала только выделить примерно полчаса времени... На чисто коммерческой основе можно было бы купить время у Люксембургского радио, которое и раньше предоставляло свою аппаратуру для передач на коммунистические страны... Это обойдется не дешево, но какая-нибудь международная организация, например Европейский Совет, могла бы создать комитет, который координировал бы усилия институтов, организаций и отдельных лиц, желающих оказать помощь»¹².

Виктор Зорза придумал и название для проектировавшейся радиостанции — «Голос Свободной Чехословакии».

«Ни Би-би-си, ни «Голос Америки», ни какая-либо другая правительственная организация Запада,— уверял он в той же статье,— не могут принести такую пользу, как «Голос Свободной Чехословакии». Что касается «Радио Свободная Европа», то Зорза подчеркивал, что оно «неприемлемо для некоторых новых эмигрантов (то есть организаторов «тихой контрреволюции», бежавших из страны.— А. П.), так как, в отличие от тех, кто уже давно работает на западные радиостанции, они являются важным элементом внутренней политической жизни и могут сохранить свое политическое значение и способность влиять на ход событий только в том случае, если сохраняют свою самобытность. Свободный мир должен дать им возможность распространять идеи...»¹³.

Логика этих рассуждений заключалась в следующем. РСЕ, которое создавалось и действовало как диверсионно-пропагандистский орган США и программными установками которого являются антикоммунизм и антисоветизм, не может быть использовано «новыми эмигрантами» из Чехословакии, поскольку последние часто выступали якобы как коммунисты, за «улучшение социализма». Эти люди должны «сохранить свою самобытность», то есть по-прежнему оставаться в глазах чехословацкой общест-венности коммунистами. Именно поэтому Западу, по мнению Зорзы, следовало бы создать для них новую радиостанцию, чтобы «дать им возможность распростра-нять идеи»...

«Голос Свободной Чехословакии» так и не был создан, а «чехословацкий эксперимент», в осуществлении которого такое активное участие принимали западные радиостанции, с треском провалился.

Нельзя, конечно, ставить знак равенства между такими понятиями, как «холодная война» и радиовойна. Но нельзя и преуменьшать значение империалистической радиопропаганды в обострении международной напряженности, негативное влияние этой пропаганды на внут-риполитическое положение в ряде социалистических стран на протяжении 50—60-х годов. Радиодиверсанты пытались сыграть отведенную им буржуазными полити-ками роль в «холодной войне» вообще и в осуществлении «чехословацкого эксперимента» в частности. Их тактика в последнем случае отличалась от тактики, использовав-шейся во время «дня X» в Берлине или при проведении операций «Вето» и «Фокус». Тем не менее и на этот раз, прямо вмешиваясь во внутренние дела суверенной стра-ны, они проявили себя как активные пособники тех сил,

которые выступали и выступают против мира и безопасности народов, против смягчения международной напряженности, против мирного сосуществования государств с различным социально-политическим строем.

ПОД МАСКОЙ «ОБЪЕКТИВНОСТИ»

В 60-е годы направленные радиопередачи на Советский Союз вели 19 капиталистических стран (кроме США, Англии и ФРГ, Израиль, Италия, Канада, Франция, Швеция, Япония и некоторые другие), вещание велось более чем на 20 языках народов СССР, его среднесуточный объем составлял около 100 часов. Наибольшее время отводилось передачам на русском языке — почти 30 часов в сутки¹.

Роль организатора и координатора подрывной радиопропаганды против Советского Союза взяли на себя Соединенные Штаты Америки. Одно из основных предприятий правительства США органам внешнеполитической пропаганды обязывало их «внушать мысль, что Соединенные Штаты, как могучая, демократическая нация, правомочны возглавить мировые усилия» в целях «единения свободных и независимых государств»². Иными словами, речь шла о том, чтобы постоянно и настойчиво внедрять в сознание аудитории мысль о превосходстве США во всех отношениях и их праве на мировое господство.

«Голос Америки» в передачах на Советский Союз постоянно придерживался этой концепции, внушая ее различным образом. Например, в августе 1966 года один из комментариев «Голоса Америки» на русском языке был посвящен так называемой «американизации мира». Комментатор, определяя «американизацию» как стремление людей в других странах «к лучшему стандарту жизни», подчеркивал, что это понятие означает «индустриальный подъем» и является «символом экономического и социального прогресса новой эпохи». Однако примеры, когда идея полного превосходства США и всего американского подсовывается радиослушателю, можно сказать, без всякой «упаковки», в передачах «Голоса Америки» 60-х годов довольно редки. Чаще это делалось гораздо тоньше и изощреннее, чему служили прежде всего материалы о частных, отдельных сторонах «американского образа жизни». Недаром накануне 22-й годовщины «Голоса Америки» эта радиостанция была награждена почетной медалью Джорджа Вашингтона «за выда-

ющиеся достижения в деле успешного расширения лучшего понимания американского образа жизни»³.

В большинстве рубрик «Голоса Америки» на русском языке так или иначе освещалась внутренняя жизнь Соединенных Штатов. Скажем, в рубрике «Повседневная жизнь США» рекламировалось бытовое обслуживание, «демократические традиции» в жизни американского общества, различные научные достижения; в «Новостях культуры и искусства» и «Новостях науки и техники» рисовалась широкая картина США как «мирового центра западной культуры», всячески подчеркивался американский приоритет во многих областях науки и техники. Показу внутренней жизни Соединенных Штатов с явно выраженной или завуалированной целью пропагандировать «американский образ жизни» отводились также передачи постоянных рубрик «Книги и люди», «Форум», «Календарь истории» и другие. Постоянной была и религиозная программа.

Из рубрик, посвященных международной жизни, можно выделить аналитический обзор «События и размышления», в котором излагалась точка зрения правительства США на внешнеполитические события и иногда — на некоторые внутренние проблемы (эта рубрика существует по сей день, заняв одну из ведущих позиций в программах «Голоса Америки»).

В полном соответствии с принципами «фактологической пропаганды» использовались короткие информационные сообщения — новости. Выпуски новостей в 60-е годы стали передаваться чаще — в начале каждого часа, а потом через полчаса.

Подсчет показывает, что приблизительно 80 процентов материалов из выпусков новостей имели отношение к пропаганде «американского образа жизни», причем более чем в половине случаев говорилось о том, как «успешно» в США решаются труднейшие социально-экономические проблемы, а также о позитивной роли правительства в их решении. Что касается жизни социалистических стран, то на ее «освещении» специализировались главным образом РС и РСЕ.

Как уже отмечалось выше, тон программы «Голос Америки» за годы «холодной войны» не раз претерпевал значительные изменения.

В 1961 году, то есть после того, как американское радиовещание на социалистические страны в период господства «доктрины освобождения» потерпело ряд крупных провалов, директором Информационного агентства

США был назначен Эдвард Мэрроу. Опытный радиокомментатор, обладающий большим опытом ведения подрывной пропаганды, хорошо знающий специфику радио, он уделял этому средству особое внимание. Он-то и поднял снова на щит принцип так называемой «политики объективности» — принцип, который, собственно говоря, изобрела Би-би-си еще в годы англо-немецкой радиовойны. Разумеется, мнимая объективность была, как писал несколько лет спустя журнал «Ньюсуик», направлена на то, чтобы всеми силами «создавать сбалансированное представление о Соединенных Штатах»⁴. Недаром директор «Голоса Америки» Г. Лумис, ушедший в отставку с этого поста в начале 1965 года, сказал о «политике объективности»: «Признавать наличие сил и мнений, которые расходятся с мнением творцов политики, принимать их во внимание при составлении наших передач... это хороший, убедительный метод пропаганды»⁵.

Безусловно, объективность — «хороший, убедительный метод пропаганды». Но для «Голоса Америки» она превратилась в своеобразную линию освещения тех вопросов, по которым американские пропагандисты вынуждены были занимать оборонительные позиции. Стоит остановиться на некоторых внутренних проблемах США, которые в 60-е годы часто затрагивались в передачах «Голоса Америки», и показать на конкретных примерах, какими методами достигалась видимость объективности.

Начнем с острейшей для США проблемы гражданских свобод, в том числе — расовой. Материалы на эту тему в той или иной форме — в виде информации о событиях в разных штатах, комментариев, корреспонденций — присутствовали в передачах «Голоса Америки» почти ежедневно. Казалось бы, налицо полная «объективность», то есть признание наличия расовой дискриминации в США, тяжелого положения негров и т. д. Однако за всем этим скрывалась тенденция — возложить ответственность за существующее положение вещей на... самих негров и вместе с тем показать в выигрышном свете позицию правительства в связи с данной проблемой.

Так, например, в передаче от 22 августа 1966 года говорилось: «Совершая поездку по северо-восточным штатам, Джонсон выступил с речью о проблеме расовых отношений в США. В этой речи, которую, кстати сказать, газета «Нью-Йорк таймс» назвала наиболее яркой речью на эту тему, Джонсон прямо и откровенно высказался о той напряженности в расовых отношениях, которая все еще существует в нашей стране. Джонсон высказал

убеждение, что обеспечение права всех людей на социальную справедливость должно оставаться главной задачей правительства. Он сказал, что в этом деле достигнут значительный прогресс, особенно за последние три года, но все еще недостаточный, чтобы раз и навсегда покончить с этой проблемой».

В передаче «объективно» признавалось, что расовая проблема «тесно связана с предрассудками, укоренившимися в сознании миллионов людей, и какого-то готового радикального средства для решения этой проблемы нет». Как можно заметить, корни расизма сводились здесь к «предрассудкам», а вовсе не к присущим капиталистическому строю отношениям, что было бы действительно объективным признанием.

Далее в передаче рассказывалось о полутора часовой телевизионной программе — выступлениях негритянских лидеров, заявивших будто бы, что прогресс в решении негритянской проблемы был «значительным и важным». И, наконец, авторы снова возвращались к речи Джонсона, отметившего, «разницу между мирными протестами, при которых всякие насилия, если они случаются, будоражат совесть Америки, и насилием со стороны негров, могущим, с точки зрения президента, изменить атмосферу согласия и сотрудничества и вместо нее создать атмосферу враждебности и возмущения».

Некоторое время спустя, когда в сенате США законопроект о гражданских правах негров был провален, это американской пропагандой, в том числе и в передачах «Голоса Америки», объяснялось именно «насилием со стороны негров», которое «изменило атмосферу согласия и сотрудничества».

Не менее «объективно» излагал «Голос Америки» и другие проблемы, связанные с пороками капиталистического общества, например проблему безработицы. Так, 9 июня 1966 года в передаче было сообщено, что, по данным министерства труда США, число безработных в стране «не сократилось, а увеличилось». Правда, оно увеличилось, конечно, «незначительно». Однако и это, говорилось в передаче, «оказалось неожиданностью для многих». Далее следовало короткое, но рассчитанное на определенную реакцию слушателя пояснение: «За последнее время число безработных неуклонно сокращалось, а количество работающих росло. Это было результатом быстрого развития американского народного хозяйства. За последнее время произошло некоторое замедление темпов хозяйственного роста. Однако, по мнению ряда

экономистов, это замедление не меняет в основном картины занятости в США».

Как можно убедиться, даже из объективного факта роста безработицы американские радиопропагандисты пытались извлечь пользу, делая вопреки законам логики упор на процветание экономики США. Этот прием — создание видимости объективного освещения ситуации для увода слушателей от истинной проблемы — использовался и используется «Голосом Америки» и в других случаях.

Заметим, что в передачах «Голоса Америки» формулировка «народное хозяйство» в применении к капиталистической экономике фигурирует очень часто и сейчас. Понятно, почему используется это выражение: советские слушатели привыкли к нему, когда речь идет о нашей экономике, и, по мнению американских радиопропагандистов, оно вызовет у них в соответствии с «теорией стереотипов» положительную эмоциональную реакцию.

Как писал, касаясь истории американской радиопропаганды, У. Дэвисон, в первые годы «холодной войны» «люди, изучавшие особенности пропаганды на границе», пришли к выводу, что усиленная демонстрация «откровенности и приверженности фактам оказывает большее воздействие на радиослушателя, чем тенденциозные передачи новостей и эмоциональные призывы»⁶. Это высказывание еще раз подтверждает, что «политика объективности» в передачах «Голоса Америки» лишь манипулятивный трюк, направленный на завоевание доверия радиослушателей с целью оказать на них определенное пропагандистское воздействие в избранном направлении.

Использование информационных жанров, новостей, «фактов» (конечно, зачастую в сочетании с открытыми или закамуфлированными комментариями к ним) для создания такой картины событий и общественных явлений, которая отвечает интересам империалистов, как пишет советский исследователь теории и практики буржуазной пропаганды В. Артемов, «скрадывает все выигрышные для советской стороны моменты и, наоборот, выпячивает все, что может иметь неблагоприятное для нас звучание», представляя собой «острое оружие антисоветской пропаганды»⁷.

Это положение находит полное подтверждение в практике империалистических радиоцентров. В 60-е годы новости, информационные сообщения как на международных, так и на внутренние темы заняли в программах

«Голоса Америки», «Радио Свобода», Би-би-си, «Немецкой волны» и других радиостанций капиталистических стран, выпускавших передачи на языках народов СССР, одно из основных мест. Методы «работы» с информацией преследовали сразу несколько целей, главными из которых в тактическом отношении было привлечь и удержать внимание слушателя, преподнести ему факт или событие в своей интерпретации, подорвать его доверие к собственным источникам информации.

Так, один из служебных документов РС от 8 мая 1970 года гласил: «Важной частью миссии «Радио Свободы» в передачах информации и идей, согласно Политическому руководству «Радио Свободы», является «освободить слушателей от монополии советского строя в области информации и общественного мнения...»

Дальше это положение конкретизировалось:

«Используя сообщения о новостях из советских источников, «Радио Свобода» проводит отчетливую грань между сообщением как таковым и советской обработкой его. Сообщая известие, мы должны позаботиться о нашей собственной обработке сообщений...»

Используя советские источники, «Радио Свобода» обращает внимание на следующее: 1. Следует избегать линии и языка советской пропаганды и 2. Дополнять, если возможно, сообщения, прибегая к помощи архивов РС и специалистов по добавочным сведениям, которые сделают сообщение более значительным, чем оригинал...»

«Информационным» передачам американских радиостанций, вещавших на Советский Союз, вполне соответствовали по своему характеру более скромные по объему программы иновещания других западных стран. Характерно, что в 60-е годы Би-би-си, «Немецкая волна», «Радио Свобода», Канадское радио, Итальянское радио, «Голос Израиля» ввели утренние информационные выпуски. Это было сделано с целью усилить манипулятивное воздействие на потенциальных слушателей, попытаться более оперативно внушать им западную точку зрения на актуальные проблемы международных отношений.

В совершенствовании техники подрывной радиопропаганды на Советский Союз особых «успехов» достигла Би-би-си, всегда отличавшаяся, как уже говорилось, стремлением скрыть пропагандистскую направленность своих программ под маской «искреннего доброжелательства», «объективности», «заботы о выяснении истины».

В частности, новости, с которых начиналась каждая из пяти передач Би-би-си на русском языке в конце

60-х — начале 70-х годов, обычно содержали данные как бы просто о самом событии, но тут же приводилось чье-либо мнение (газеты или собственного корреспондента радио) с оценкой этого события. Мнения подбирались так, что в итоге весь материал носил соответствующую пропагандистским целям радиостанции окраску, хотя внешне выглядел «объективно поданным». Включались в передачи и сообщения, отражающие негативные факты в жизни Англии, например информация об уменьшении английского золотого запаса. Делалось это опять-таки с сознательным расчетом — оставить у слушателя впечатление беспристрастности в подаче новостей. Радиообзоры прессы предварялись вступлением, определяющим отношение радиостанции к тому или иному вопросу и концентрирующим внимание слушателей на аспекте, который она хочет выделить. Далее как будто бы объективно излагались материалы газет, но фактически дело сводилось к проведению намеченной пропагандистской линии. Эта методика применяется и сейчас.

Стоит особо отметить, что в своем стремлении «выяснить истину» Би-би-си уделяла значительное внимание пропаганде буржуазной социологии и философии, главным образом в их антимарксистском аспекте. Эти передачи обычно строились в форме лекций, рассчитанных на эрудированного слушателя. Нередко читались циклы из двух-трех и более лекций продолжительностью по 15—20 минут каждая. Например, в 1966 году Би-би-си передала цикл лекций профессора Гэлбрейта «О промышленном государстве». В передачах предпринималась попытка доказать, что «особых различий между социалистическим и буржуазным государством во влиянии на экономику не имеется», а также излагалась буржуазная концепция «государственного капитализма», якобы отвечающего «общественным целям». В заключение Би-би-си преподнесла слушателям вывод: «Гелбрайту удалось избежать ошибок, которые допустил Маркс», — вывод, заведомая ложность которого вряд ли требует доказательств.

В период, о котором идет речь, радиодиверсанты, вещая на Советский Союз, не уставали повторять, что их передачи имеют своей целью оказывать помощь аудитории «в познании мира таким, какой он есть». На деле же они пытались подтолкнуть потенциальных слушателей к борьбе против советского строя, сформировать у них антисоветские взгляды и настроения. Но, в общем-то, даже такая оголтелая радиостанция, как «Радио Свобода», не выступала с прямыми призывами к подрывным

действиям и формально старалась отмежеваться от тех, кто требовал их осуществления в Советском Союзе. Как указывалось, например, в директиве от 15 марта 1971 года, «радиостанция „Свобода“ не должна производить впечатления (курсив мой.— А. П.), что она стремится заставить слушателей предпринимать определенные открытые действия либо акты террора или насилия против советского режима. Радиостанция никогда не дает слушателям тактических советов или обещаний, касающихся помощи извне...»

Дело тут, конечно, не в «лояльности» радиодиверсантов из РС, а в распределении ролей. Роль откровенных подстрекателей к саботажу, к диверсиям, к прямым выступлениям против социалистического строя отводилась в системе империалистической радиопропаганды ряду «черных» радиостанций. В их числе была размещенная на территории ФРГ радиостанция «Свободная Россия», которая вела вещание от имени так называемого «Народно-трудового союза» (НТС), а на самом деле полностью контролировалась ЦРУ. Эта радиостанция использовала ничем не прикрытые чисто диверсионные методы, такие, как распространение ложных слухов и сплетен, например о возможном повышении цен, о якобы готовящейся денежной реформе и т. д.; отмечались случаи, когда «Свободная Россия» передавала даже «технические инструкции» по «борьбе против коммунистов», саботажу и другим враждебным действиям.

Таким образом, официальные «Голос Америки», Би-би-си и другие радиостанции, которые в соответствии с концепциями теоретиков радиовойны вели так называемую «белую» пропаганду, «Радио Свобода», занимавшаяся, согласно тем же концепциям, «серой» пропагандой под прикрытием «частной» вывески, и, наконец, «Свободная Россия», осуществлявшая «черную» пропаганду,— таков был диапазон империалистического эшелонированного вещания на Советский Союз в рассматриваемый период. Еще раз нужно подчеркнуть ведущую роль США во всей этой деятельности. Основные направления вещания на Советский Союз Би-би-си, «Немецкой волны» и других западных радиостанций целиком и полностью смыкались с основными направлениями американской радиопропаганды. Отличия касались только деталей и некоторых тактических приемов подачи материала. Все радиостанции, о которых шла выше речь, входили и входят в одну империалистическую систему пропаганды на социалистические страны.

ФАРС
В КОНГРЕССЕ США

К концу 60-х годов прогрессивная мировая общественность в связи с наметившейся позитивной тенденцией в международных отношениях стала проявлять более пристальное внимание ко всему тому, что мешало развитию этой тенденции, а следовательно, и к деятельности различного рода подрывных радиоорганизаций, таких, например, как РС и РСЕ. В самом деле: американская разведка создала их в Европе в разгар «холодной войны». Почему же эти радиостанции, которыми из-за океана управляет ЦРУ, по-прежнему остаются на территории другого суверенного государства — ФРГ? Почему продолжается их деятельность, которая, как показала история существования РС и РСЕ, всегда мешала нормализации обстановки в Европе?

Вопрос о пребывании «Радио Свобода» и «Радио Свободная Европа» на территории ФРГ к 70-м годам перестал быть «частным делом» двух государств. В странах Европы стали раздаваться голоса с требованием прекратить подстрекательную деятельность американских подрывных радиоцентров и убрать их с Европейского континента. Естественно, нашлись у радиодиверсантов и защитники. Дискуссия вокруг РС и РСЕ становилась все более острой...

В феврале 1970 года английская газета «Дейли миррор» сообщала: «Канцлер Вилли Брандт поставил перед собой большую задачу улучшения отношений между Западной Германией и коммунистической Европой, и оттепель в этих отношениях, возможно, будет означать, что радиостанцию «Свободная Европа» лишат ее базы в Мюнхене... Но даже если радиостанция «Свободная Европа» будет выведена из Мюнхена, она не исчезнет из эфира. Наиболее вероятной новой базой для ее операций является Анкара — турецкая столица, где Америка создала важный в военном отношении центр связи»¹.

«Дейли миррор» не указывала, откуда ею получены сведения о возможной перебазировке РСЕ именно в Анкару. Скорее всего, это был «пробный шар», запущенный по указанию тех, кого беспокоил изменившийся политический климат в ФРГ, то есть тех, в чьих интересах были созданы и работали РС и РСЕ. Здесь была известная логика: как продолжать подрывную радиопропаганду с территории ФРГ, если ее правительство приступило к переговорам об улучшении отношений с Советским Союзом? Иное дело Турция...

Реакция турецкой общественности оказалась весьма однозначной. Турецкая печать, в частности газета «Улус», информируя о планах перевести РС и РСЕ в Анкару, писала о тревоге и возмущении, которые вызвало это намерение у широкой общественности страны. Газеты подчеркивали, что Турция сыта по горло тем, что на ее территории находятся американская военщина и разного рода «пропагандистские» службы, мало чем отличающиеся от РС и РСЕ.

Насколько серьезным было намерение радиодиверсантов найти для себя новый приют, неизвестно, однако они продолжали перебирать различные варианты, доходя в запуске «пробных шаров» до высшей степени бестактности, если не сказать резче. «РС и РСЕ,—сообщал в августе 1970 года американский еженедельник «Вэриети»,—неожиданно обратились к ОРТФ («Организация радио и телевидения Франции».—А. П.) с вопросом о возможности переезда из Мюнхена в Париж, хотя с самого начала им было ясно, что французское вещание ответит отказом. Западная Германия, которая усиливает контакты с Советским Союзом,—продолжал еженедельник,—попросила Вашингтон убрать оба пропагандистских центра из ФРГ, и американцы обещали подыскать для них новое место. По всей вероятности, «Свободная Европа» будет вещать из Анкары, а «Свобода»—из Брюсселя или Барселоны»².

Что касается официальной реакции Франции, то она была недвусмысленна: французское правительство отмежевалось от РС и РСЕ, предложив 37 эмигрантам из социалистических стран, получившим французское гражданство, но работающим в мюнхенской штаб-квартире РСЕ, немедленно вернуться во Францию.

Существовали и другие планы относительно нового приюта для «синдикатов лжи», например проект переброски их в одну из скандинавских стран. Однако там, как писала датская газета «Информашон», хорошо знали, что «эти радиостанции, что бы там ни говорилось о них, являются пропагандистскими и идеологическими инструментами, организованными и оплачиваемыми американцами, для того чтобы изменить внутренний порядок в Восточной Европе»³.

К концу 1970 года в дискуссию все более активно стала включаться и общественность ФРГ. Даже журнал «Штерн» помещал статьи об РС и РСЕ под броскими заголовками вроде «Ами, гоу хоум!», а более осторожная «Франкфуртер альгемайне» связывала вопрос о пребыва-

нии РС и РСЕ в Мюнхене с вопросом о предстоящих Олимпийских играх. «Американской радиостанции „Свободная Европа“, — писала эта газета, — по-видимому, придется в связи с Олимпийскими играми отказаться от своей мюнхенской прописки. Как сообщило пражское радио, западногерманское правительство дало понять, что радиостанция должна переменить свое местопребывание, чтобы избежать трудностей во время Олимпийских игр»⁴. У зданий штаб-квартир РС и РСЕ в Мюнхене появились пикетчики с плакатами, на которых названия станций были жирно перечеркнуты черной краской... Официальный Вашингтон не мог далее отмалчиваться...

В субботу 23 января 1971 года сенатор Клиффорд Кейс встретился с корреспондентами и заранее известил их о готовящейся сенсации — своем заявлении в сенате, которое он намеревался сделать в понедельник. Естественно, репортеры не стали дожидаться понедельника. Уже на следующий день газета «Нью-Йорк таймс» поместила на первой странице набранный крупными буквами заголовок: «Кейс запретит тайное финансирование через ЦРУ деятельности «Радио Свободная Европа».

Запахло сенсацией. Пожалуй, впервые за всю историю существования двух подрывных радиостанций читающая американская публика увидела, что буквы ЦРУ соседствуют с буквами РСЕ и РС. Корреспонденция в «Нью-Йорк таймс» начиналась броско: «Вашингтон, 23 января. Сенатор-республиканец от штата Нью-Джерси Клиффорд П. Кейс выдвинул сегодня против ЦРУ обвинение в том, что оно за последние 20 лет израсходовало несколько сот миллионов долларов на поддержание существования «Радио Свободная Европа» и «Радио Свобода»⁵. Комментируя это заявление, автор корреспонденции напомнил, что обе радиоорганизации имеют свои учреждения в Нью-Йорке.

Естественно, возник вопрос: «А на каком основании этим занималась разведка?» Журналисты бросились за ответом в ЦРУ и к руководству радиостанциями. Но, как было сказано в той же корреспонденции, «и ЦРУ и „Радио Свободная Европа“ уклонились от комментариев по поводу заявления сенатора Кейса. Попытки получить комментарии от „Радио Свобода“ также не имели успеха».

Оставалось ждать понедельника, когда сенатор Кейс обещал выступить со своими сенсационными разоблачениями.

Выступление в сенате Кейс начал так: «Господин

президент сената, я вношу законопроект с целью поставить радиостанции „Свободная Европа“ и „Свобода“ под контроль конгресса и включить их в процесс распределения средств, осуществляемый конгрессом»⁶.

Действительно неожиданность. Не так уж часто в этих стенах звучали названия «Свободная Европа» и «Свобода». Какое, собственно говоря, отношение мог иметь конгресс США к деятельности двух «частных организаций»? Конечно, конгрессмены знали подоплеку связей правительства США с РСЕ и РС. Но в течение добрых двух десятков лет существовали молчаливо одобренные всеми правила игры, и об этой подоплеке не было принято говорить вслух в стенах Капитолия.

А сенатор Кейс между тем продолжал: «На протяжении последних двадцати лет несколько сот миллионов долларов из фондов правительства США через ЦРУ секретно направлялись на почти полное покрытие расходов этих двух радиостанций, вещающих на Восточную Европу. Лишь за один последний финансовый год ЦРУ в качестве прямой правительственной субсидии предоставило им тридцать миллионов долларов...»

Запахло скандалом. Неужели Кейс собирается выступить в роли обвинителя ЦРУ и его подопечных? Может быть, сенатор изменил свои политические взгляды и теперь, если так можно выразиться, развешивает грязное белье ЦРУ прямо в Капитолии? А Кейс продолжал: «...тридцать миллионов долларов; однако ни разу конгрессу не дали выполнить его традиционную, конституционную роль в одобрении этих расходов»⁷.

Ах, оказывается, только-то и всего!.. Нет, сенатор Кейс совсем не собирался выступать в роли обвинителя РСЕ и РС, а тем более ЦРУ. Просто он ратовал за соблюдение финансовой дисциплины, за то, чтобы узаконить существующий порядок вещей,—вернее, придать ему более приличествующую времени форму. Законопроект, предложенный Кейсом, предусматривал отнюдь не ликвидацию РСЕ и РС, а лишь поправку к закону 1948 года. Сама же поправка заключалась в том, чтобы открыто, по правительственным каналам, финансировать РСЕ и РС. Кейс предлагал выделить им на 1972 финансовый год те же 30 миллионов долларов, только с той разницей, что это будет сделано уже не через ЦРУ, потому что, как он выразился, «чрезвычайных обстоятельств, которыми можно было бы оправдать обход конституционных процедур и одобрения со стороны конгресса, больше не существует»⁸.

Обвинитель оказался адвокатом, его законопроект — пустой формальностью, ибо мало ли на заседаниях конгресса обсуждается вопросов об упорядочении финансов? В намерения сенатора и тех, кто стоял за его спиной, входило, скорее всего, сделать упреждающий ход в большой политико-пропагандистской игре, усыпить общественное мнение. Наличие неблагоприятных связей так называемых «частных» радиостанций «Свободная Европа» и «Свобода» с Центральным разведывательным управлением стало уже, по признанию самого же Кейса, «секретом полишинеля». Дальнейшее отрицание этого факта, вызывавшего серьезное возмущение у западноевропейской, да и американской общественности, было бесполезным. Так не лучше ли признать его и, успокоив возмущенных, постепенно все «спустить на тормозах»? В этом-то и заключалась обвинительно-адвокатская миссия сенатора Кейса.

Но события приняли иной оборот.

Дело в том, что сенатор Кейс и другой конгрессмен, член палаты представителей Огден Рейд, выступивший там с аналогичным законопроектом относительно финансирования РСЕ и РС, вынуждены были волей-неволей затронуть ряд таких аспектов деятельности этих радиостанций, которые, став достоянием общественности, повлекли за собой буквально взрыв негодования. Ведь оказалось, что правительство США в течение многих лет дезинформировало общественное мнение как у себя в стране, так и за рубежом, отрицая свою причастность к деятельности РСЕ и РС. Это был попросту обман.

Снова многочисленные корреспонденты бросились за разъяснениями в ЦРУ и в штаб-квартиры РСЕ и РС в Мюнхене. Снова печать, как американская, так и европейская, занялась вопросом о будущем этих филиалов американской разведки. Достаточно сказать, что Международный Олимпийский комитет, как сообщила газета «Франкфуртер альгемайне», «принял решение потребовать от двух американских пропагандистских организаций (то есть от РС и РСЕ.— А. П.) прекратить свое вещание на социалистические страны на время Олимпийских игр в Мюнхене, то есть с 26 августа по 10 сентября 1972 года. Это решение было принято в начале марта в присутствии председателя организационного Олимпийского комитета ФРГ Вилли Дауме. В соответствии с принятым решением обеим организациям были направлены письма МОКа»⁹.

В такой обстановке американские хозяева РС и РСЕ

попытались как-то обелить себя, используя с этой целью весьма сомнительный предлог — юбилей американской радиостанции «Радио в американском секторе Берлина» (РИАС), которой в феврале 1971 года исполнялось 25 лет. РИАС в те дни удостоилось необычайно высокой чести: в его адрес поступила телеграмма из Белого дома, полная слов похвалы и одобрения и, так сказать, воодушевляющая на будущие подвиги. Сама телеграмма и подчеркивание того, что РИАС, РСЕ и РС «служат совместным интересам ФРГ и США», являлись закамуфлированным предупреждением официального Вашингтона тем западногерманским кругам, которые усматривали в деятельности американских радиостанций помеху на пути нормализации отношений ФРГ с ее восточноевропейскими соседями.

Но тут произошло еще одно событие. В Варшаву после выполнения специального задания в Мюнхене возвратился офицер разведки Министерства внутренних дел ПНР Анджей Чехович, в течение нескольких лет работавший на «Радио Свободная Европа». Детали деятельности РСЕ, сообщенные им на пресс-конференции в Варшаве 10 марта 1971 года, произвели на международную общественность впечатление разорвавшейся бомбы. На следующий же день после пресс-конференции в Варшаве о «деле Чеховича» стало известно во всем мире.

Это событие особенно взволновало заинтересованных лиц в Мюнхене и Вашингтоне. РСЕ пыталось неуклюже скомпрометировать А. Чеховича, утверждая, что он-де вообще не имеет отношения к профессии разведчика, что его «купили», что его «выкрали». Эти бездоказательные заявления представителей радиостанции корреспондентам были встречены всеобщим смехом, и РСЕ сконфуженно замолчало. Молчал и официальный Вашингтон. Но за его молчанием скрывались поиски выхода из создавшейся ситуации.

12 марта 1971 года, то есть спустя два дня после пресс-конференции в Варшаве, сенатская комиссия по ассигнованиям заявила, что слушание вопроса о новом порядке финансирования РСЕ и РС предварительно намечено в сенатской комиссии по иностранным делам на 28 апреля. Это было неофициальным ответом на обвинения в адрес ЦРУ, которые исходили уже не от сенатора Кейса и члена палаты представителей Рейда, выступавших теперь в роли адвокатов РСЕ и РС, а из Варшавы. В итоге переписки между госдепартаментом и конгрессом, похожей больше на легкую перебранку, день

слушания был отодвинут почти на месяц, но все-таки он наступил.

24 мая 1971 года в комнате № 4221 нового здания сената США началось заседание сенатской комиссии по иностранным делам с единственным пунктом повестки дня — «Открытое финансирование радиостанций „Свободная Европа“ и „Свобода“». Присутствуют: председатель комиссии сенатор Уильям Фулбрайт, члены — сенаторы Джон Спаркмен, Уильям Спонг, Джордж Эйкен, Клиффорд Кейс. В качестве свидетелей вызваны: Огден Рейд — член палаты представителей, Мартин Хилленбранд — помощник государственного секретаря по европейским делам и Пауль Бартлетт — экс-президент организации «Радио Нью-Йорк уорлд инкорпорейтед». Об атмосфере, царившей в тот день в комнате № 4221, лучше всего говорит стенограмма заседания, насчитывающая 175 страниц убористого текста.

Поначалу все идет как обычно. Председатель делает вводное заявление, определяет порядок выступлений свидетелей, затем предоставляет слово Кейсу. Кейс в общей форме повторяет свои предыдущие высказывания, с той лишь разницей, что теперь сенатор не делает упора на слова «Центральное разведывательное управление». Таков же и тон заявления Рейда. Только он в еще большей мере, чем Кейс, говорит о «полезной деятельности» РСЕ и РС. «Я нахожусь сегодня здесь для того, чтобы укрепить, как мы надеемся, — подчеркивает конгрессмен, — доверие к РСЕ и РС. Я считаю, что РСЕ и РС занимаются полезной деятельностью...»¹⁰.

Итак, Рейд распространяется уже о «доверии к РСЕ и РС», а не о их связях с ЦРУ.

Слушание дела продолжается. По заведенному порядку к стенограмме приобщаются упоминаемые в показаниях выступающих документы. Конечно, это прежде всего документы, касающиеся радиопередач, которые ведут РСЕ и РС: о том, как освещать начало контактов между США и Китаем, как подготавливать материалы о внутреннем положении в Румынии, Польше и ГДР, как строить радиопропаганду на советского слушателя в связи с XXIV съездом КПСС. И ни одного документа, затрагивающего хоть в какой-то степени связи РСЕ и РС с ЦРУ.

Председательствующий почти не пребывает выступающих. Он сохраняет видимость спокойствия, хотя тем, кто его знает, ясно, что Фулбрайт нервничает. Наконец председатель объявляет, что следующим выступит по-

мощник государственного секретаря М. Хилленбранд, возглавляющий отдел европейских проблем госдепартамента.

Пока представитель госдепартамента зачитывает свое заранее подготовленное заявление, где каждое слово тщательно взвешено, скажем немного о сенаторе Уильяме Фулбрайте, иначе будет трудно понять, почему после того, как Хилленбранд закончил чтение, между ними состоялся столь острый диалог.

Джеймс Уильям Фулбрайт, сенатор от штата Арканзас и председатель сенатской комиссии по иностранным делам, известен как человек, неоднократно и резко критиковавший многие стороны внешней политики США. Он всегда был противником идей коммунизма, но выступал с позиций трезвого реализма. В годы второй мировой войны он поддерживал «новый курс» Ф.-Д. Рузвельта, отстаивал политику сотрудничества между народами в борьбе с фашизмом; после войны пытался убедить соотечественников в необходимости признать наступление новой эры в международных отношениях, новое соотношение сил на международной арене.

Фулбрайт внимательно выслушал заявление Хилленбранда. Тот говорил больше четверти часа, причем говорил о чем угодно — о значении РСЕ и РС, о новом законопроекте Кейса и Рейда и т. д., но ни разу не произнес слов «Центральное разведывательное управление». Полномочный представитель госдепартамента, пытаясь выкрутиться, лгал. Фулбрайт, понимая, насколько такого рода поведение подрывает престиж США, стал необычайно, даже для него, резок. Когда Хилленбранд изложил проект госдепартамента относительно нового порядка финансирования РСЕ и РС, Фулбрайт вступил в диалог с ним.

«Председатель. Когда сенатор от Нью-Джерси Кейс внес первоначальный законопроект, я полагал, что его единственная цель состояла в том, чтобы довести до сведения общественности правду о финансировании радиостанций «Свободная Европа» и «Свобода». Я решительно одобряю эту цель.

Не могли бы вы, г-н Хилленбранд, сообщить нам, было ли ЦРУ единственным правительственным учреждением, которое непосредственно поддерживало операции радиостанций «Свободная Европа» и «Свобода»? Помогали ли им государственный департамент или иные правительственные органы?

Хилленбранд. Могу заверить вас, что госдепартамент этого не делал. Вероятно, о старых делах было бы лучше поговорить *на закрытом заседании* (курсив мой.— А. П.).

Председатель. Почему, г-н Хилленбранд?

Хилленбранд. Ну, хотя бы потому, что здесь замешаны щекотливые моменты, связанные с другими правительствами, а также с нашим»¹¹.

Далее диалог в комнате № 4221 развивался так:

«Председатель. В своем заявлении вы неоднократно ссылались на частный характер радиостанций «Свободная Европа» и «Свобода». Не так ли? Вы хотите, чтобы они оставались частными и впредь. Вы настоятельно подчеркивали в своем заявлении необходимость сохранить частный статус этих радиостанций. Но как же можно говорить об этом? Неужели вы и в самом деле считаете, что деятельность этих станций носит частный характер?

Хилленбранд. Это частные корпорации, созданные в соответствии с законами штатов.

Председатель. Я знаю, что корпорация есть. Но разве ее деятельность является частной? Кто определяет оперативную политику радиостанций?

Хилленбранд. Видите ли, существует Совет директоров, заседающий в Нью-Йорке.

Председатель. Кто их назначает?

Хилленбранд. В совет входит ряд, можно сказать, выдающихся американцев, таких, например, как генерал Клей и т. д.

Председатель. А кто там представляет Центральное разведывательное управление?

Хилленбранд. Что ж, г-н председатель, я буду счастлив ответить на этот вопрос *на закрытом заседании* (курсив мой.— А. П.)»¹².

В ходе дальнейшего диалога Фулбрайт просит представителя госдепартамента назвать сумму, которую ЦРУ ежегодно перечисляло из своих фондов на деятельность РСЕ и РС. Хилленбранд отказывается ее назвать.

«Председатель. ...Г-н Хилленбранд, если вы не хотите назвать суммы в долларах, не могли бы вы сообщить данные в процентах? Покрывало

ли ЦРУ примерно девяносто процентов расходов этих организаций в прошлом?

Хилленбранд. Г-н председатель, я бы все же предпочел обсудить этот вопрос *на закрытом заседании* (курсив мой.— А. П.).

Председатель. Эту информацию должна получить общественность. Эти станции работают в открытом эфире...

Хилленбранд. Конечно, мы хотим ввести теперь новую систему.

Председатель. Я не считаю, что это будет новая система. Просто это новая крыша. Вы решили, что вам нужна новая крыша, поскольку старая больше не годится. И вы собираетесь создать для этих организаций новое прикрытие, которое, как вы надеетесь, позволит вам продержаться еще несколько лет, до тех пор пока эта затея окончательно себя не скомпрометирует и от нее придется отказаться. Но если вы не намерены сообщить нам все данные, то лично я не собираюсь поддерживать ваш проект, часть которого по вашему настоянию должна оставаться в секрете...

Хилленбранд. Г-н председатель... я не чувствую себя вправе обсуждать прошлое этих радиостанций *на открытом заседании*» (курсив мой.— А. П.)¹³.

Фулбрайт вновь и вновь ставит вопрос о том, что деятельность РСЕ и РС находится в противоречии с официально провозглашаемым намерением вашингтонской администрации улучшить взаимоотношения с Советским Союзом и странами Восточной Европы; он подчеркивает, что такого рода деятельность может быть приемлема лишь в условиях военного времени. В ответ Хилленбранд заявляет, что передачи этих радиостанций якобы носят «просветительный и образовательный характер».

И вновь стоит обратиться к стенограмме заседания комиссии:

«Председатель. ЦРУ было создано на основании соответствующего закона... Я что-то не припоминаю, чтобы в соответствии с этим законом на организацию, занимающуюся сбором разведывательной информации, возлагались обязанности проводить культурную и просветительную деятельность, оговоренную в других законодательных актах. Я не думаю, чтобы конгресс, создавая

ЦРУ, ожидал, что оно будет нести ответственность за образование и просвещение народов других стран в области культуры и искусства. А вы так не считаете? Я не думаю, чтобы в этом состояла главная задача Центрального разведывательного управления... Я не могу себе представить, чтобы в намерение конгресса когда-либо входило сделать из ЦРУ еще одно ЮСИА или организацию, занимающуюся культурными связями. А вы так не считаете?

Хилленбранд. Видите ли, все это имеет длинную историю. И если вы хотите затронуть эту историю и ее развитие, я бы был счастлив сделать это *на закрытом заседании* (курсив мой.— А. П.), где мы могли бы быть настолько откровенными, насколько вы пожелаете»¹⁴.

С завидным упорством настаивал представитель государственного департамента на рассмотрении вопроса о деятельности двух ведущих (наряду с «Голосом Америки») органов внешнеполитической радиопропаганды США «в закрытом порядке». Читая стенограмму, трудно отделаться от впечатления, что он играл роль упрямого и глупого персонажа из какого-то фарса — персонажа глухого к любым доводам разума и логики. Дело тут, конечно, было вовсе не в личных качествах Хилленбранда. Речь шла о том, что РС, РСЕ, а вместе с ними вся внешнеполитическая радиопропаганда империализма оказались к началу 70-х годов в кризисной ситуации. Выход из этой ситуации нужно было искать любой ценой.

«Новая» концепция.—Подновление фасада и укрепление фундамента.—«Новый порядок» за кулисами.

10 мая 1972 года бюро пресс-секретаря при Белом доме опубликовало заявление президента Р. Никсона, в котором, в частности, говорилось:

«В конгрессе был высказан целый ряд различных мнений по поводу того, каким образом можно лучше финансировать радиостанции в будущем (речь шла о финансировании РСЕ и РС.—А. П.). По этому важному вопросу не было единодушия... Согласно мнению большинства обеих палат, принятию окончательного решения по этому вопросу должны предшествовать дополнительные исследования.

С этой целью я намерен назначить президентскую исследовательскую комиссию, поручив ей представить отчет и рекомендации к 28 февраля 1973 года...

Пока комиссия будет разрабатывать свои рекомендации, необходимо санкционировать ассигнования радиостанциям «Свободная Европа» и «Свобода» на 1973 финансовый год...»¹.

Это заявление, кроме всего прочего, свидетельствовало о том, что отныне президент США брался за исполнение ведущей роли в империалистическом «театре радиовойны» — роли ее верховного главнокомандующего. Последующие президенты США, как мы увидим, прочно закрепят эту роль за собой.

Ровно три месяца спустя после заявления Р. Никсона бюро пресс-секретаря при Белом доме сообщило, что соответствующая комиссия создана. Она получила название «Комиссия по международному радиовещанию», хотя, как утверждалось первоначально, должна была заниматься только делами РСЕ и РС. Ее работа продолжалась почти полгода. Членам комиссии пришлось немало потрудиться: перечитывать горы микрофонных материалов, беседовать с экспертами из «Голоса Америки» и Би-би-си, изучать документы по истории радиовойны в архивах

ФРГ и обширную «советологическую» литературу, консультироваться со специалистами по психологической войне из госдепартамента, Пентагона и ЦРУ.

Доклад об итогах исследования был представлен президенту 23 февраля 1973 года. Доклад был обширен, носил претенциозное название «Право знать» и содержал рекомендации, касавшиеся не только частного вопроса — порядка финансирования РСЕ и РС, — а вообще форм модернизации радиовойны. Последующее десятилетие внешнеполитической радиопропаганды империализма проходило именно под знаком попыток такой модернизации.

В чем же они заключались?

«НОВАЯ» КОНЦЕПЦИЯ

Внешняя политика империализма постоянно дает доказательства неизменности его реакционной, агрессивной природы. Вместе с тем — и это особенно было заметно в начале 70-х годов — империализм делает попытки приспособиться к изменившимся условиям. «Особенности современного капитализма в значительной мере объясняются тем, — указывалось на XXIV съезде КПСС, — что он приспосабливается к новой обстановке в мире. В условиях противоборства с социализмом господствующие круги стран капитала как никогда боятся перерастания классово-вой борьбы в массовое революционное движение. Отсюда — стремление буржуазии применять более замаскированные формы эксплуатации и угнетения трудящихся, ее готовность в ряде случаев идти на частичные реформы, с тем чтобы по возможности удерживать массы под своим идейным и политическим контролем»¹.

Наметившаяся в начале 70-х годов тенденция к относительной разрядке международной напряженности вовсе не означала прекращения империалистическими кругами радиовойны. Наоборот, упрочение позиций социализма, возрастающее влияние марксистско-ленинской идеологии, дальнейший рост национально-освободительного движения вызвали стремление реакционных сил ведущих капиталистических стран расширять подрывную радиопропаганду. В ответ на возмущение миролюбивой международной общественности этими действиями буржуазные идеологи, выполняющие заказ военно-монополистических кругов, попытались обосновать законность и даже необходимость продолжения радиовойны. С этой целью ими

была вновь вытаскана на свет и стала широко муссироваться концепция так называемого «свободного потока информации». Доклад президентской Комиссии по международному радиовещанию «Право знать» базировался именно на этой концепции, но по вполне понятным причинам ее истинный смысл маскировался плотной завесой демагогических рассуждений.

Радиостанции западных стран, в частности «Свободная Европа» и «Свобода», лживо утверждали члены комиссии, «предоставляя свободную и бесцензурную информацию тем народам, которые лишены такой информации, фактически скорее способствуют разрядке международной напряженности, нежели затрудняют ее... Поэтому мы рекомендуем продолжать передачи станций до тех пор, пока правительства этих стран (имеются в виду страны, на которые ведется подрывное вещание.— А. П.) не согласятся на свободный поток информации и идей как внутри своих стран, так и между Востоком и Западом»².

Рассуждая о «свободном и бесцензурном» потоке информации, якобы способствующем разрядке международной напряженности, составители доклада фактически призывали продолжать вмешательство во внутренние дела Советского Союза и других стран социализма путем навязывания народам этих стран чуждых им идеологии, взглядов, культуры.

И это было не ново...

К лозунгу «свободного потока информации» буржуазная пропаганда прибегала и раньше—прежде всего тогда, когда речь шла о посягательстве на государственный суверенитет и о вмешательстве во внутренние дела других государств с помощью средств массовой коммуникации. Выше уже говорилось, как использовали в этих целях радио фашистская Германия, Англия, США еще задолго до войны. После победы над фашизмом вначале повсеместно была ясна недопустимость пиратских методов распространения информации в эфире. Само собой разумелось, что проблема информационного обмена между народами должна решаться на базе двусторонних и многосторонних соглашений. Но уже в 1945 году на межамериканской конференции в Мехико США снова выдвигают тезис о «свободе информации в международном плане», а затем, после пресловутой речи Черчилля в Фултоне, формулируют лозунг «свободного потока информации» и используют для его протаскивания ООН и ЮНЕСКО, где они в то время (конец 40-х—начало 50-х

годов) располагали послушным большинством. Активно пропагандировать этот лозунг стал Международный институт печати в Цюрихе, который в 1953 году опубликовал на данную тему книгу, где откровенно оправдывались диверсии против социалистических и развивающихся стран, осуществляемые с помощью средств массовой коммуникации³. Таким образом, «свободный поток информации» был превращен в неотъемлемый атрибут, если не синоним, «холодной войны», в которой, в отличие от «горячей», говорят не пушки, а подрывные радиостанции, газеты, журналы и т. п.

Сторонники концепции «свободного потока» не скрывали и не скрывают, что имеют в виду прежде всего социалистические, а также развивающиеся страны, которые якобы лишены правдивой зарубежной информации и «боятся» ее, в то время как на Западе любая информация распространяется «свободно» и «бесконтрольно».

Остановимся на том, что авторы данной концепции благозвучно именуют «информацией». Оказывается, это информация особого свойства, направленная на то, чтобы, как говорилось в одном из документов Западноевропейского консультативного совета при Комитете Свободной Европы, «ослабить поддержку, которую советская внешняя политика оказывает странам Восточной Европы; ослабить веру коммунистов и прокоммунистов в то, что мировая тенденция благоприятствует им; ослабить дисциплину в коммунистических партиях»⁴. О мерах, применяемых ради достижения этих целей, «эксперты» из отдела анализа аудитории РСЕ писали, что можно использовать все: «...передачу запрещенных в данной стране произведений и информации, сознательное провоцирование слухов, обещания при определенных условиях (!) более высокого жизненного уровня, подогревание настроений неуверенности в будущем, инспирирование и поддержку оппозиционных настроений по отношению к правительству»⁵.

Именно такого рода «информацию» и должны были нести мутные волны «свободного потока» — информацию, направленную на «размягчение социализма изнутри», на «дестабилизацию» нежелательных силам империализма правительств других государств. Две последние, взятые в кавычки формулировки получают у теоретиков буржуазной пропаганды в 70-е годы особенно широкое хождение.

Следует отметить, что западная печать достаточно определенно давала понять, в чем заключаются истинные намерения сторонников концепции «свободного потока

информации». Так, швейцарская газета «Нойе цюрхер цайтунг» в августе 1970 года откровенничала: «Перед «Радио Свобода» стоит задача: избегая эмигрантской озлобленности и прямых выпадов в адрес советского строя, осуществлять идеологическую диверсию против СССР. Радиостанция не призывает к немедленному свержению власти рабочих и крестьян. Она стремится побудить слушателей, в основном молодежь, к самостоятельному мышлению»⁶.

В свою очередь французская газета «Фигаро» поясняла, что такое «побуждать слушателей к самостоятельному мышлению». Комментатор этой газеты писал, что, по выражению одного из руководителей РСЕ, передачи радиостанции «ставят своей целью вызывать и поддерживать сомнения относительно правильности проводимой компартиями политики и добиваться возникновения у радиослушателей оппозиционных тенденций»⁷.

Стремясь ликвидировать «кризис доверия» к своим передачам, организаторы империалистической радиовоенной усилили в 70-е годы «пропаганду посредством новостей». Именно в этом направлении разрабатывались директивы, излагавшие принципы вещательной политики для различных радиоцентров — «Голоса Америки», РСЕ и РС, «Немецкой волны», Би-би-си, РИАС. Например, в 1972 году инструкции, регулирующие вещательную политику РСЕ, пополнились таким указанием:

«Крайне важно, чтобы РСЕ имела среди своих слушателей хорошую репутацию и пользовалась уважением в качестве исключительно надежного, преисполненного ответственности источника новостей, комментариев и иной информации... Один из самых важных компонентов вещания РСЕ — это ее ежечасные сводки новостей... Другим важным элементом следует считать обзоры печати по серьезным международным проблемам, а также по тем вопросам, которые важны для населения Восточной Европы... Их ведут как сотрудники РСЕ, так и вольнонаемные журналисты (речь идет прежде всего об эмигрировавших или высланных из социалистических стран редакторах и отщепенцах, которые, не являясь штатными сотрудниками РСЕ, могут, как говорилось в одной из директив, «позволить себе большее». — А. П.)... Учитывая, что цель РСЕ состоит в создании «сплошной программы» («тотальное радио»), отдельные передачи должны адресовать информацию специальным группам слушателей — таким, как молодежь, верующие, рабочие, крестьяне, домохозяйки, спортсмены, кинолюбители и энтузиасты

популярной музыки. Обзорные программы могут быть полезным средством распространения информации в более легкой форме»⁸.

Казалось бы, все благопристойно: бескорыстная, всесторонняя и всеохватывающая забота об информировании слушателя налицо! Но в то же время, чтобы непосредственные составители программ не приняли вышеизложенные указания буквально, как говорится, за чистую монету, в том же документе, «Руководящие принципы внутренней политики», сделано следующее весьма двусмысленное замечание: «Даже обычные новости или обзоры прессы могут оказаться подстрекательскими, если с ними *неправильно* (курсив мой.— А. П.) обращаться»⁹.

Практика буржуазного иновещания свидетельствует, что составители программ хорошо усвоили, как обращаться с новостями «правильно». Сошлемся хотя бы на передачи «Голоса Америки». К концу 70-х годов эта радиостанция передавала только на русском языке ежедневно 10 выпусков информации, каждый из которых занимал 10—12 минут. Анализ тематики выпусков за месяц—с 15 декабря 1977 года по 15 января 1978 года—показывает, что до 50 процентов всего объема информации было посвящено нашей стране. Напомним, что раньше «Голос Америки» занимался преимущественно пропагандой «американского образа жизни», а жизни в СССР основное внимание уделяло «Радио Свобода». Следовательно, программно-политическая концепция передач «Голоса Америки» претерпела в 70-е годы изменения.

О пропагандистской направленности информации этой официальной американской радиостанции позволяют судить такие данные: за указанный месяц более 80 процентов всех переданных ею новостей, отражающих советскую жизнь, было посвящено деятельности так называемых «диссидентов» в Советском Союзе. Заметим, что именно к этому времени относится усиление пресловутой кампании «борьбы за права человека», проводившейся администрацией президента Картера. Остальные 20 процентов информации о событиях в СССР (всего 31 сообщение) имели тоже в основном негативную окраску: 20 сообщений касались так называемых «нарушений прав человека», 8 содержали подробности об эпидемии гриппа. Лишь два сообщения были посвящены полету советских космонавтов и одно—строительству в СССР завода по лицензии американской компании «Пепси-кола».

Такой подход к «информированию», совершенно очевидно, имел целью создать в умах потенциальных слушателей извращенный, ложный образ их собственной страны, вызвать настроения тревоги и неуверенности. В конечном счете такой подход нельзя определить иначе как враждебный. В этом-то и заключалась подоплека распространения «Голосом Америки» «свободного потока информации» в передачах на Советский Союз и другие социалистические страны. В том же направлении действовали «Немецкая волна» и Би-би-си, не говоря уж о РС и РСЕ.

Таким образом, концепция «свободного потока информации» в действительности служила оправданию самого очевидного нарушения принципа государственного суверенитета. Ведь вопрос о содержании, объеме и способах передачи информации внутри каждой страны — это сфера компетенции ее правительства, и он не может решаться органами другого государства. Этот вопрос тесно связан с государственным и общественным строем страны, с особенностями существующей в ней системы средств информации и с целым рядом других исторических, идеологических и социальных факторов.

О демагогическом характере концепции, положенной в основу доклада «Право знать», о фарисействе составителей этого доклада свидетельствует и само их утверждение, будто на Западе любая информация распространяется «бесконтрольно» и «бесцензурно», а Советский Союз не соглашается на такое ее распространение и якобы потому глушит зарубежные радиопередачи.

Что ж, остановимся на некоторых фактах, связанных с глушением передач и свидетельствующих вовсе не о том, в чем хотели бы убедить теоретики и практики буржуазной пропаганды. Вопрос имеет свою историю.

Еще в 1917 году, когда молодая Советская Республика пыталась по радиотелеграфу сообщить миру о революционных переменах в России, буржуазия предприняла меры, чтобы помешать распространению этих сообщений. Есть тому неопровержимое свидетельство. В докладе на заседании ВЦИКа 10 (23) ноября 1917 года В. И. Ленин говорил: «Мы имеем сведения, что наши радиотелеграммы доходят в Европу. Так, наша радиотелеграмма о победе над Керенским была перехвачена австрийским радиотелеграфом и передана. Германцы же посылали встречные волны, чтобы задержать ее»¹⁰.

«Посылать встречные волны» — что это, как не прообраз глушения? И, как видим, приоритет в данной области

принадлежит тем, кто в наше время выступает за «свободный поток информации».

Когда в 30-е годы международное вещание благодаря использованию коротких волн уже получает широкое распространение и становится острым орудием внешней политики, Австрия впервые в истории радио начинает (в 1933 году) глушить передачи из фашистской Германии. Это была попытка австрийского правительства противостоять нацистской радиопропаганде, направленной на принудительное присоединение Австрии к Германии. Никто, за исключением фашистов, не выражал сомнений в праве Австрии защищаться от радиоагрессии.

Далее, в предвоенный период Италия глушила передачи Англии и Эфиопии на арабском языке, Германия — передачи Московского радио. В фашистской Германии даже был создан так называемый «народный радиоприемник», который принимал только внутренние программы «третьего рейха», хотя Геббельс в публичных выступлениях охотно рассуждал о том, что ныне именуется «свободным потоком информации».

Внедрение приемников, предназначенных для прослушивания только определенных станций, — это тоже своеобразное «глушение», ибо физически препятствует знакомству с другими радиопрограммами. Впервые использовали такой метод немецкие и итальянские фашисты. А в марте 1966 года «Уолл-стрит джорнэл» сообщил, что США забросили на территорию Демократической Республики Вьетнам и в освобожденные районы Южного Вьетнама 10 тысяч маленьких транзисторных приемников, специально сконструированных для прослушивания только американских и южновьетнамских станций¹¹.

Косвенные методы глушения постоянно совершенствуются. Так, усилиями Федеральной комиссии связи, подчиненной правительству США, американское внутреннее вещание осуществляется сейчас преимущественно на ультракоротких и средних волнах. Это ведет к сокращению выпуска радиоприемников с коротковолновым диапазоном. Достаточно сказать, что с 1941 по 1970 год их выпуск в США уменьшился в 20 раз¹². Тем самым проводится очевидная и целенаправленная политика изоляции населения от зарубежных радиопередач.

Кроме этих фактов есть и другие, также свидетельствующие о жестком контроле над распространением зарубежной информации на Западе. Они, конечно, не рекламируются буржуазной пропагандой, но зафиксированы в документах, например в уже цитированной выше

стенограмме заседания сенатской комиссии по иностранным делам конгресса США. Вызванный в качестве свидетеля для дачи показаний перед комиссией (напомним, это было в мае 1971 года) экс-президент «Радио Нью-Йорк уорлд инкорпорейтед» П. Бартлетт сделал весьма любопытное признание, говоря о противодействии США радиопередачам из других стран:

«...Тут мне хотелось бы сказать особо о способе, которым мы забиваем их передачи с помощью мощного мюнхенского передатчика. Дело в том, что мы глушим передачи Московского радио в тех районах, которые это радио обслуживает. Это технически выглядит так. Мюнхенский передатчик ведет программу на русском языке на той же волне, скажем, в течение пяти, шести, семи, десяти минут. Затем она неожиданно обрывается, и в эфире звучат несколько бессвязных английских фраз. Делается это так, чтобы слушатель подумал, будто одна передача наложилась на другую. Таким образом, у слушателя создается впечатление, что его приемник сбился с настройки или что с ним что-то случилось и он перестал чисто работать...»¹³.

Помимо таких, достаточно откровенных методов глушения радиопередач, в первую очередь из СССР и других социалистических стран, США, Англия и ФРГ применяют с той же целью и иные, так сказать, скрытые приемы. Для этого существует «метод несущей волны» — когда в эфир не передается никакого звука, но станция глушения охватывает всю вещательную полосу заглушаемой станции. Так действуют различные радиослужбы США, чтобы помешать прослушиванию некоторых передач Московского радио, направленных на страны Латинской Америки, Африки, Юго-Восточной Азии.

Как видим, разглагольствования сторонников концепции «свободного потока информации» о «бесцензурности» любых радиосообщений на Западе — не более чем дымовая завеса, причем далеко не новая. Тем не менее перестройка органов внешнеполитической радиопропаганды империалистических стран в 70-е годы осуществлялась на основе именно этой концепции.

ПОДНОВЛЕНИЕ ФАСАДА И УКРЕПЛЕНИЕ ФУНДАМЕНТА

Модернизация системы радиопропаганды США в 70-е годы началась с пересмотра организационной структуры РСЕ и РС. По словам авторов доклада «Право знать», эта

структура должна была быть «достаточно прочной и гибкой, чтобы в случае необходимости прослужить по меньшей мере еще десятилетие»¹. На деле речь шла прежде всего о подновлении фасада как этих двух станций, скомпрометировавших себя в глазах мировой общественности своими связями с ЦРУ, так и всего фасада империалистического «театра радиовойны».

Что касается РСЕ и РС, то в материалах различных комиссий конгресса США, относящихся к 1971—1972 годам, в выступлениях конгрессменов, в специальных изданиях Информационного агентства Соединенных Штатов (ЮСИА), в статьях многочисленных экспертов по пропаганде, написанных в те же годы, можно найти ряд предложений, касающихся будущего этих подрывных станций, и насчитать по крайней мере четыре обсуждавшихся варианта их организационной структуры и финансирования. Одни предлагали сохранить существующую структуру и сложившуюся практику финансирования через госдепартамент; другие — выделять фонды через ЮСИА; третьи — включить эти станции в структуру «Голоса Америки»; четвертые — превратить их в единый федеральный институт. Все предложенные варианты Комиссия по международному радиовещанию отвергла как недостаточно гибкие с точки зрения достижения тех пропагандистских целей, которые ставились перед РС и РСЕ.

Какой же выход предложила комиссия? По ее мнению, лучше всего намеченным целям могло бы соответствовать создание нового «независимого правительственного института» как посредника между общественностью, конгрессом, правительством и станциями. Соответственно в докладе президенту Никсону комиссия рекомендовала сформировать Совет международного радиовещания. «Конгрессу следует наделить Совет правами организации, поддерживаемой правительством, — говорилось в приложенном к докладу «Проекте Совета международного радиовещания». — Совету следует предоставить право получать ассигнования конгресса и направлять их частным корпорациям — «Свободная Европа, инкорпорейтед» и «Комитету радиостанции Свобода», поддерживая таким образом свободный и необходимый поток информации и идей в международном масштабе»².

Как видно из этого проекта, члены президентской комиссии путем различного рода юридических ухищрений пытались свести дело лишь к тому, чтобы снять с РСЕ и РС позорное пятно сотрудничества с ЦРУ. Соглас-

но проекту, в глазах общественности обе станции должны были выглядеть «независимыми», так как оказывались связанными с правительством США лишь через посредника — новый Совет. Словом, разобраться во всех хитросплетениях руководства из Вашингтона подрывной деятельностью этих радиоцентров простому смертному становилось еще труднее. В октябре 1973 года закон о создании Совета международного радиовещания (СМР) прошел в обеих палатах конгресса США.

Любопытно, что именно в это время П. Бартлетт, который упоминался в предыдущем разделе, опубликовал статью с характерным названием — «Международное радиовещание — война как обычно», где довольно точно замечал: «В международном эфире задачей американской пропаганды остается «война как обычно»... «Свободная Европа» по-прежнему обруживает правительства Восточной Европы, радиостанция «Свобода» придерживается старой антисоветской линии, радиостанция ЮСИА в американском секторе Берлина (РИАС) бурчит, как и раньше, а мюнхенский передатчик «Голоса Америки» мощностью миллион ватт продолжает заглушать передачи Московского радио»³.

Короче говоря, несмотря на новый камуфляж, устремления рыцарей радиовойны остались прежними.

Но перемены не ограничились новой вывеской для РСЕ и РС. В 70-е годы пересматриваются вся организационная структура внешнепропагандистской машины США и вопросы, связанные с ее финансовым обеспечением, новый виток делает гонка радиооружий — укрепляется, так сказать, фундамент «театра радиовойны».

Этот пересмотр получает и «академическое» обоснование в трудах теоретиков империалистической радиопропаганды.

Дэвид Абшир, бывший председатель Центра стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета, занимавший в 1970—1973 годах пост помощника государственного секретаря и назначенный в 1973 году первым председателем Совета международного радиовещания, выпускает книгу «Международное радиовещание: новое измерение западной дипломатии». Он всесторонне рассматривает вопрос о том, как добиться доминирования западных подрывных радиостанций над внутренними средствами массовой информации стран, являющихся объектами буржуазной пропаганды, видя именно в этом «новую роль и новую ответственность

радиовещания на коммунистические страны»⁴. Видный «советолог» и специалист по радиопропаганде Маури Лизани пишет капитальный труд «Радиовещание на Советский Союз: международная политика и радио»⁵, а его коллега, бывший сотрудник Би-би-си Джулиан Хейл, выпускает в США книгу «Мощь радио. Пропаганда и международное радиовещание»⁶. Оба автора, по существу, трактуют один и тот же вопрос: как в новых условиях приспособить для ведения подрывной внешнеполитической пропаганды официальные государственные, религиозные и даже коммерческие станции, в какой степени необходимо соблюдать нормы международного права и нести ответственность в случае осуждения страны-коммуникатора со стороны прогрессивной мировой общественности за такого рода пропаганду. Вывод их однозначен: вещание на зарубежные страны следует рассматривать как пропагандистский инструмент, используемый при необходимости в подрывных целях.

Все большее внимание начинают уделять этому вопросу Белый дом, госдепартамент и конгресс США. Количество появившихся в данной связи документов — опубликованных и для служебного пользования — огромно, и их анализ мог бы стать темой специального исследования. Для нашей же темы достаточно будет остановиться на одном из них — 27-м отчете Консультативной комиссии по информации*, представленном конгрессу США в 1974 году. Мы выбрали этот документ, поскольку он наглядно свидетельствует, с одной стороны, о глубокоом кризисе, который переживала в тот период внешнеполитическая пропаганда США, а с другой — о попытках найти выход из кризиса.

Хотя в целом оценка деятельности ЮСИА за год носила в отчете положительный характер, его авторы тем не менее подчеркивали, что наблюдается «утра бдительности» в области антисоветской пропаганды и пропаганды «американского образа жизни». Комиссия констатировала, что необходимость в совершенствовании этой деятельности возрастает по следующим четырем причинам:

«1. *Экспериментирование с международной разрядкой* (курсив мой. — А. П.) на протяжении последних двух лет не означает ослабления идеологического конфликта...

* Эта комиссия была создана в 1948 году в качестве консультативного органа конгресса США и с тех пор ежегодно представляет ему оценочные отчеты о внешнепропагандистской деятельности американских правительственных организаций, в первую очередь ЮСИА.

2. Такие страны, как Великобритания, Франция, Япония и Германия (так авторы отчета именуют ФРГ.— А. П.), признали и признают возрастающую роль внешнеполитической информации и культурной деятельности. Значительно усилив свои мощности, они в отдельных сферах превосходят сегодняшние усилия США;

3. Мы были обязаны со всей ответственностью объяснить «уотергейтское дело» и связанные с ним события в плане самосовершенствования американской системы;

4. Всемирный кризис привел к появлению ряда общих проблем, не знающих национальных границ и затрагивающих разные страны. Последними примерами кризисных сфер служат энергия, окружающая среда и народонаселение. Рост числа посвященных им международных конференций и сотрудничество в этих областях требуют, чтобы интересы США и их позиция неизменно находили объяснение и понимание»⁷.

Речь, как легко заметить, идет о замене одних обанкротившихся тезисов, лежавших в основе империалистической пропаганды в предыдущий период, другими. Попытки рекламировать концепции «конца идеологий», «конвергенции», «индустриального» и «постиндустриального» общества и т. п., предпринимавшиеся в 60-е годы, закончились провалом. Теперь уже подчеркивается необходимость расширения идеологических функций империалистического государства в условиях «экспериментирования с международной разрядкой». Подтекст пункта первого ясен: нужно изобретать новые пропагандистские концепции. И они появятся. В течение 70-х годов «модной» станет конструкция, сочетающая тезисы о «деидеологизации» и «реидеологизации». К социалистическим странам, к коммунистическим партиям, к народам, ведущим антиимпериалистическую борьбу, буржуазная пропаганда будет адресовать призывы, направленные на идеологическое разоружение, а сама в то же время будет усиливать идеологическую и политическую активность. Не случайно в пункте втором процитированного документа содержится установка на то, чтобы расширить американскую внешнюю пропаганду и координировать действия в этой области с другими капиталистическими странами, выступая с ними, так сказать, единым фронтом.

Легко расшифровывается истинный смысл и следующего, третьего пункта: стремиться представить явные пороки капиталистического общества в виде добродетелей. Ведь «уотергейтское дело» — этот позор Америки —

было в результате поразительного по своему цинизму пропагандистского трюка изображено американскими средствами массовой информации как «торжество демократических принципов». При всем этом необходимо, как говорится довольно прозрачно в четвертом пункте, продемонстрировать озабоченность США общими проблемами, которые волнуют человечество, а на самом деле — отстаивать своекорыстные интересы в глобальном масштабе.

Характерно, что лейтмотивом отчета являлось требование увеличить ассигнования на внешнепропагандистскую деятельность ЮСИА. Правда, эти ассигнования и так из года в год росли, составив в 1970 году 180,5 миллиона долларов, в 1971—185,1; в 1972—194,2; в 1973—203,2; в 1974 году—209 миллионов долларов⁸. По проекту бюджета на 1975 год они должны были составить уже 235,5 миллиона долларов, однако и эта огромная сумма комиссии показалась «заниженной»⁹.

В рекомендациях по дальнейшему совершенствованию деятельности ЮСИА особое внимание уделялось расширению технической базы «Голоса Америки». Для «обеспечения превосходства в эфире» комиссия предлагала приступить к строительству на западном побережье Американского континента нового комплекса радиопередатчиков, мощность каждого из которых была бы примерно в десять раз выше существующего уровня, то есть составляла бы 2500 киловатт. Оснащенные антеннами направленного действия, они обеспечили бы, как говорилось в рекомендациях, «прямой охват передачами Камчатки и всего северного и южного бассейна, от Охотского моря до Малайзии. На первых порах сигналы проникали бы в глубь континента на 1000—2000 километров от азиатского побережья, охватывая ряд крупнейших населенных пунктов Советского Союза, Китайской Народной Республики, всю Японию, весь Вьетнам, Таиланд, Малайзию и восточные районы Бирмы»¹⁰.

В перспективе же «Соединенные Штаты обладали бы техникой, потенциально обеспечивающей передачам «Голоса Америки» охват с континента США всего мира сильными, выделяющимися из общей массы сигналами»¹¹. Какие же аргументы выдвигала комиссия в пользу расширения гонки радиовооружений, в пользу глобальной экспансии США в эфире?

Во-первых, утверждали составители отчета, в ряде стран, где находятся передатчики «Голоса Америки», наблюдается «рост национализма (то есть национально-

освободительного движения.— А. П.), что особенно затрудняет сохранение наших зарубежных радиорелейных станций и проведение переговоров о создании новых»¹². Действительно, в те годы общественность таких стран, как Испания и Португалия, где были размещены передатчики РСЕ и РС, потребовала ликвидировать базы американской радиоагрессии. Поэтому создание новых комплексов радиопередатчиков на территории самих США, с одной стороны, служило бы гарантией того, что подрывная внешнеполитическая радиопропаганда будет продолжена в любых условиях, даже в случае утраты зарубежных ретрансляционных баз; с другой стороны, такая мера позволила бы еще более усилить борьбу против национально-освободительных, антиимпериалистических движений в мире.

Во-вторых, расширение и укрепление технической основы внешней радиопропаганды США, пожалуй, впервые в официальных документах открыто связывалось с военными планами американского империализма. Как подчеркивалось в отчете, «сверхмощные передатчики обеспечивали бы чрезвычайно сильную поддержку военных коммуникаций»¹³.

Стоит обратить внимание еще на один момент, затронутый в отчете,—использование спутников в целях ведения внешнеполитической пропаганды. Напомним, что Советский Союз к этому времени выдвинул в ООН предложения, касающиеся перспектив развития НТВ (непосредственного телевизионного вещания), суть которых сводилась к тому, что оно может осуществляться в международном масштабе лишь на базе двусторонних соглашений между государствами. Советская позиция нашла понимание у большинства членов ООН, но острая борьба по этому вопросу продолжалась. Консультативная комиссия по информации конгресса США, по существу, призвала саботировать предложения СССР. «Принятие ООН этих предложений,—говорилось в отчете,—приведет к дальнейшим ограничениям свободного потока информации с санкции международной организации»¹⁴. Кроме того, проблеме НТВ комиссия связала— правда, пока еще в риторической форме—с возможностью использования спутников и для ведения международной радиопропаганды. «Можно задать вопрос,—писали авторы отчета,—существовал бы теперь свободный и неограниченный поток международной радиоинформации, если бы в свое время в качестве предварительного условия вещания были выдвинуты «принципы», которыми опре-

деляется и потому ограничивается свобода всех наций использовать международный эфир?»¹⁵ Комиссия призвала продолжить сбор информации относительно возможностей использования спутникового вещания в целях ведения радиопропаганды на другие страны. В последующие годы, как будет показано ниже, соответствующие планы приобретут достаточно реальные очертания.

Таким образом, Соединенные Штаты Америки, несмотря на некоторое смягчение международной напряженности в 70-е годы, активно стремились к расширению экспансии в эфире, намереваясь заполнить весь мир «свободным потоком информации». Такая политика получила в трудах прогрессивного американского исследователя средств массовой информации Герберта Шиллера точное и емкое определение — «электронный империализм»¹⁶.

В течение 70-х годов вышеизложенные намерения частично были осуществлены, частично видоизменены и дополнены. Заметим, что активными поборниками «гонки радиовооружений» стали президенты США. Джеймс Картер, например, в марте 1977 года направил конгрессу обширное послание, касающееся иновещания. В нем подчеркивалось, что «правительство решительно поддерживает американское радиовещание на зарубежные страны как один из аспектов нашего обязательства заботиться о более свободном потоке информации и идей», что «нынешних американских передатчиков для внешнего радиовещания недостаточно», что «необходимы 12 дополнительных передатчиков «Голоса Америки» для вещания на Азию и Африку помимо тех, которые требуются для вещания на Европу», что «для организации дополнительных передач на страны за пределами СССР и Восточной Европы может потребоваться создание всемирной сети передатчиков» стоимостью намного больше 100 миллионов долларов¹⁷.

Показательно: уже через год (в конце марта 1978 года) тогдашний директор «Голоса Америки» Питер Страус сообщил, что для нужд подведомственной ему радиостанции в Англии, Либерии и на Филиппинах устанавливаются 12 новых передатчиков и рассматривается вопрос об увеличении числа языков, на которых ведется вещание¹⁸. Осуществление планов, связанных с упрочением технической базы подрывной империалистической пропаганды, шло, как видим, полным ходом.

Вместе с тем продолжалась организационная перестройка американской внешнепропагандистской машины.

В 1975 году специально созданным неправительственным органом, так называемой «группой Стэнтона», был предложен проект реорганизации ЮСИА и, в частности, изменения статуса «Голоса Америки». Проект не получил поддержки властей, но в прессе была инспирирована дальнейшая дискуссия вокруг этих вопросов.

В октябре 1977 года уже сам президент Картер направил в конгресс второй план реорганизации ЮСИА, содержащий предложение создать вместо этой организации Управление международных связей. Оно должно было объединить функции руководства международной деятельностью США в области информации, образования и культуры, то есть функции, выполнявшиеся ранее органами госдепартамента и различными агентствами. Как отмечал президент, осуществление указанных мер позволит «усилить ведущую роль правительства (курсив мой.— А. П.) в установлении двусторонних контактов между американским народом и другими народами путем взаимной информации и обмена»¹⁹. Главное заключалось именно в усилении правительственного контроля и координации в области всей внешнеполитической пропаганды США.

Конгресс принял этот план, и в январе 1978 года было объявлено о создании Управления международных связей (УМС).

Реорганизация механизма официальной американской пропаганды уже сама по себе свидетельствовала о серьезной озабоченности Вашингтона кризисом доверия к США. Кризис этот особенно углубился в результате преступлений американской военщины в Индокитае, преступных действий ЦРУ и ФБР, «уотергейтского дела», политики США на Ближнем Востоке, поддержки Соединенными Штатами реакционных режимов в некоторых латиноамериканских странах. Были озабочены правящие круги США и ростом влияния на умы людей во всем мире реального социализма, коммунистических и рабочих партий, стремлением ряда развивающихся стран идти по пути социалистической ориентации. Потому-то эта очередная реорганизация была направлена прежде всего на совершенствование механизма идеологических диверсий против СССР и других стран социализма. Учитывались и возможности сотрудничества в данной области с другими капиталистическими государствами, такими, как Великобритания, Франция, ФРГ, Италия, Япония, которые в 70-е годы заметно усилили свою внешнепропагандистскую деятельность.

Следует отметить, что именно в эти годы особенно явно проступает тенденция привлечь западноевропейских партнеров к финансированию подрывных американских радиопроцентров, координировать их усилия. Характерны высказывания бывшего председателя Западноевропейского консультативного комитета «Радио Свободная Европа» Дирка Стиккера и заместителя государственного секретаря по политическим вопросам Алексиса Джонсона, сделанные ими на заседании сенатской комиссии по иностранным делам в июне 1972 года. Они были единодушны в том, что РСЕ и РС в ближайшее время «получат поддержку» некоторых, если не всех стран Западной Европы. Д. Стиккер заявил: «Позвольте мне самым решительным образом подчеркнуть, что лично я полностью согласен с мнением, согласно которому для западноевропейских стран настало время разделить с нами бремя финансовой поддержки этих радиослужб». А. Джонсон поддержал Д. Стиккера: «Я полностью разделяю взгляд, согласно которому следует в максимально широких масштабах искать фонды, принадлежащие иным органам помимо правительства США»²⁰.

И союзники США по НАТО демонстрируют свою готовность расширить участие в ведении радиопропаганды против социалистических государств. Так, например, вышеупомянутый Западноевропейский консультативный комитет «Радио Свободная Европа» в 1972 году трижды рассматривал на своих заседаниях возможность европейской финансовой помощи. В сентябре 1972 года на встрече в Монако члены комитета выразили мнение, что рано или поздно частные финансовые круги Европы начнут поддерживать РСЕ и РС. Позднее, на заседании Консультативной ассамблеи Европейского Совета, куда входят члены парламента ряда европейских капиталистических стран, было внесено предложение о поддержке РСЕ и РС. Ассамблея НАТО в ноябре 1972 года в Бонне также обсуждала вопрос о помощи подрывным станциям.

Помощь постепенно принимала реальные очертания. Например, правительство ФРГ, не ограничиваясь тем, что допускает присутствие на своей территории американских диверсионно-пропагандистских радиопроцентров, стало оказывать значительную материальную поддержку станции РИАС. Еженедельник зрелищного бизнеса в США «Вэрайети» отмечал, что большую часть средств на финансирование находящейся в Западном Берлине радиостанции РИАС предоставляет ФРГ. В 1974 году, писал еженедельник, конгресс США «выделил на нужды РИАС

3,8 миллиона долларов, между тем бюджет РИАС составляет 19 миллионов долларов. Это означает, что правительство ФРГ расходует на станцию в 4 раза больше средств, чем правительство США»²¹.

В 70-е годы крупнейшие капиталистические страны не жалели средств и для усиления своего собственного зарубежного вещания. Чехословацкий журнал «Новинарж» приводил следующие сведения из этой области, касающиеся ФРГ: «12 июня 1972 года в Вертахале (ФРГ) были сданы в эксплуатацию четыре мощных коротковолновых передатчика по 500 киловатт. В будущем предполагается довести число автоматически управляемых передатчиков с мощностью 500 киловатт до двадцати четырех. После завершения строительства центр в Вертахале, дополненный ретрансляционными станциями, передающими программы «Немецкой волны» в средневолновом диапазоне, будет принадлежать к наиболее мощным в мире. Это будет самый крупный в Европе центр, передающий программы на зарубежные страны. Общая мощность передатчиков, которые ФРГ будет использовать для вещания на зарубежные страны, составит около 17 тысяч киловатт, и ФРГ, таким образом, будет занимать в этой области второе место после США»²². Следует добавить, что в настоящее время комплекс радиопередатчиков в Вертахале полностью вступил в строй.

В 70-е годы для вещания на зарубежные страны стала использовать несколько коротковолновых передатчиков по 250 киловатт также и Би-би-си. В Восточной Африке она ввела в строй средневолновую радиостанцию мощностью 400 киловатт, предназначенную для вещания на Африканский континент и Средний Восток. Би-би-си начала эксплуатацию новых ретрансляторов для вещания на Индию, а также Афганистан, Иран и другие страны Арабского Востока. Рекомендации английских специалистов развивать наряду с коротковолновым и средневолновое вещание для пропаганды на зарубежные страны базировались на статистических данных, из которых следует, что не всюду в мире имеется достаточное количество радиоприемников с коротковолновым диапазоном и что этот диапазон в эфире слишком заполнен. Поэтому-то Англия в течение 70-х годов и стала уделять особое внимание строительству новых ретрансляторов, позволяющих обеспечить прием без помех средневолновых передач Би-би-си в отдаленных уголках земного шара.

Размах империалистической радиопропаганды на Советский Союз и социалистические страны Европы достиг к концу 70-х годов небывалых масштабов. По официальным данным, суммарный объем программ только на Советский Союз по каналам «Голоса Америки», РС, Би-би-си и «Немецкой волны», не считая других радиостанций, к концу 1979—началу 1980 года составлял почти 700 часов в неделю, а на социалистические страны Европы (исключая вещание на ГДР по каналам РИАС)—около 800 часов в неделю²³.

Вся перестройка аппарата внешнеполитической радиопропаганды США, завершившаяся к концу 70-х годов, расширение и совершенствование технической базы ино вещания США, ФРГ и Англии, а также усиление тенденции к межгосударственной координации их действий в этой области свидетельствовали о том, что империалистические государства готовятся еще шире использовать международное радио в своих целях. Это со всей очевидностью подтвердили события начала 80-х годов.

«НОВЫЙ ПОРЯДОК» ЗА КУЛИСАМИ

Еще в период предвыборной кампании, до прихода в Белый дом, Р. Рейган заявил, что он намерен «использовать «Голос Америки» как боевой таран для «нового оживления» американской пропагандистской войны»¹. Эта программная установка и явилась основой для внутренней перестройки «Голоса Америки», который, как и вся огромная внешнепропагандистская машина США, находился в состоянии кризиса. Деятельность этого рупора агрессивных военно-монополистических кругов США подвергалась критике со всех сторон. И не только со стороны миролюбивой общественности зарубежных стран, в глазах которой «Голос Америки» давным-давно скомпрометировал себя. Критические голоса слышались и в самих США, на страницах американской печати. Правда, далеко не все критики требовали прекращения той разнузданной радиовойны, которую уже столько лет раздувал «Голос Америки». Наоборот, некоторые обвиняли его в «мякотелости» и требовали действовать более решительно.

С приходом к власти администрации Рейгана разброд внутри «Голоса Америки» поначалу усилился. Газеты запестрели такими заголовками, как «Голос Америки» не уверен в своей миссии», «Репортеры «Голоса Америки»

опасаются сдвига в сторону пропаганды», «Правительственное радио ведет войну с Советами и внутри самого себя». Как писал автор последней из названных статей, выбравший себе псевдоним Робин Грей (сам он много лет проработал в «Голосе Америки»), «романтически настроенные сотрудники «Голоса Америки» часто вспоминают вдохновенные слова о том, что сорок лет назад Америка обещала говорить миру правду» (имеется в виду первая передача «Голоса Америки» 24 февраля 1942 года), а их оппоненты считают, что «информация в программах ГА не более, чем податливый материал, пригодный для любых истолкований»; некоторые проявляют недовольство тем, что радиостанция «работает в тени госдепартамента», и требуют «автономии», другие же, наоборот, хотят «авторитарного» руководства, ибо передачи «Голоса Америки» за рубежом воспринимаются как «голос американского правительства»².

Рассуждения автора статьи легко изложить короче: руководители «Голоса Америки» были поставлены перед необходимостью пересмотреть — уже в который раз! — программно-политическую концепцию вещания, а точнее, вновь пересмотреть тактику подрывной внешнеполитической радиопропаганды. Эти «муки творчества» теснейшим образом переплелись с «наведением порядка» на самой радиостанции.

Конечно, далеко не все, что происходило внутри этой пропагандистской кухни в 1981—1982 годах, стало достоянием общественности, но кое-что все-таки проникло на страницы печати. И тут вырисовывается весьма мрачная картина регулирования «свободного потока информации», предназначенного на экспорт из «свободного мира».

Газета «Интернэшнл геральд трибюн», публикуя в августе 1981 года статью журналиста Чарльза Фенивези о «Голосе Америки», заметила, что «он беседовал с рядом работников ГА — почти всегда в неофициальной обстановке и при условии, что не раскроет источника полученной информации. Люди, говорящие со всем миром от лица Соединенных Штатов, — с горечью отмечала газета, — постоянно прерывали себя, напоминая Фенивези: «Не цитируйте этого» или «Мне перережут горло за то, что я только что сказал вам»³. Уже одни эти высказывания, даже если допустить, что они сделаны эмоционально неуравновешенными людьми, в достаточной степени свидетельствуют о моральном климате, который царит на радиостанции, постоянно похваляющейся перед всем миром не только «объективностью» своей информации, но и

чуть ли не безграничным правом своих сотрудников на «самовыражение».

Хорошо известно, что и ранее лица, намеревавшиеся поступить на службу в «Голос Америки», пропускались через мелкое сито различных спецслужб США. «Если ГА хочет принять на работу журналиста или инженера,— писал Ч. Фенивези в той же статье,— два года уходит на его проверку органами ФБР»⁴. Таким образом, и в начале 80-х годов в отношении сотрудников главной службы внешнеполитической правительственной радиопропаганды США действовали правила, введенные еще в 50-е годы, в период маккартизма, «охоты за ведьмами», хотя, казалось бы, персонал «Голоса Америки» не имеет отношения к секретной информации. Но и эти строгости в новых условиях были сочтены недостаточными.

Известный в журналистских кругах США специалист по средствам массовой информации Бернард Каменский, проработавший в «Голосе Америки» 28 лет, вынужденный уйти оттуда в связи с начавшейся «чисткой» и потому позволивший себе относительную независимость суждений о порядках в этом учреждении, заметил: «После прихода Рейгана... «акулы» заменяют всех руководящих деятелей ГА своими людьми»⁵. Б. Каменский сказал правду, но далеко не всю. Произошла замена не только руководства «Голоса Америки»,— в конце концов каждая новая администрация США распределяет руководящие посты в государственном аппарате среди «своих людей».

В данном случае началось с того, что из Белого дома через УМС, которое летом 1981 года возглавил близкий друг президента Рейгана кинопродюсер из Калифорнии Чарльз Уик, отличающийся крайне реакционными взглядами, была спущена директива о проверке «компетентности» всех сотрудников «Голоса Америки». Было сказано, что чуть ли не 70 процентов из них, в том числе и лица иностранного происхождения (то есть в основном перебежчики и предатели своих народов, проявившие поэтому особое рвение на поприще подрывной пропаганды), оказались не только «некомпетентными», но чуть ли не «подрывными элементами». К осени 1981 года в аппарате «Голоса Америки» начали циркулировать слухи о намечаемых увольнениях сотрудников всех уровней и структурных подразделений—от языковых служб и до центральной редакции новостей. Вскоре эти слухи начали подтверждаться...

Предлог для перестановок и увольнений ради «наведе-

ния порядка» был найден быстро. В один из сентябрьских дней 1981 года советник президента по национальной безопасности Р. Аллен в резкой форме выразил Ч. Уику и новоиспеченному директору «Голоса Америки» Дж. Конклингу свое возмущение прозвучавшим в передачах «Голоса Америки» сообщением о том, что ЦРУ снабжает оружием «антиправительственных партизан» в Афганистане. Ч. Уик и Дж. Конклинг пытались объяснить, что сообщение прозвучало лишь «в контексте», со ссылкой на передачи другой американской радиостанции. Однако Р. Аллен объяснений не принял. Как напишет восемь месяцев спустя об этом инциденте журнал «Коламбия джорнэлизм ревю», «Аллена не интересовало, было ли это сообщение истинным или ложным — кстати, факты подтвердились, — он поставил вопрос о том, следует ли «Голосу Америки»... говорить правду, если факты льют воду на мельницу советской пропаганды и противоречат интересам американской политики»⁶.

Этот промах с сообщением об оружии для афганских басмачей и послужил непосредственным катализатором последующих событий. Началась «чистка». Первой «полетела голова» заместителя директора Уильяма Хартуняна, который до прихода на радиостанцию Дж. Конклинга был исполняющим обязанности директора «Голоса Америки» и, как поговаривали, сторонником «неискаженной информации». В ноябре 1981 года, когда он отлучился из Вашингтона на похороны матери, ему сообщили об увольнении. И началось... Уильям Рид, заместитель У. Хартуняна, был неожиданно отозван со своего поста, правда, с предоставлением работы в госдепартаменте. За ним последовал управляющий программ Клифф Гроус, затем был снят со своего поста шеф центральной редакции новостей Аллан Хейл, затем... Впрочем, нет смысла перечислять всех, кто был уволен, переведен, понижен в должности, ибо американская печать упоминала лишь о более или менее видных сотрудниках «Голоса Америки», пострадавших от «чистки». Изгнанных «неблагонадежных» из числа рядовых сотрудников было гораздо больше.

Прошло всего несколько месяцев, и вдруг Дж. Конклинг — «новая метла», человек, при котором на радиостанции столь сильно повеяли ветры маккартизма, — в марте 1982 года заявил об отставке. Опровергая слухи о том, будто он уходит под давлением Ч. Уика, Дж. Конклинг сказал, что «возвращается в родную Калифорнию, потому что не смог приспособиться к работе в правительственном учреждении»⁷.

Это звучало малоубедительно. Уж кто-кто, а Дж. Конклинг, старый приятель Ч. Уика, который, в свою очередь, связан узами тесной дружбы с самим президентом, казалось, сумел приспособиться отлично. В течение десяти месяцев своего правления он создавал новые посты для ультраконсервативных сторонников курса администрации Рейгана, активно проводил «чистку», многое сделал для «реорганизации правительственной сети с целью усиления антикоммунистической направленности передач»⁸, требуя, чтобы журналисты «занимали более жесткую линию в отношении стран советского блока и сообщали меньше плохих новостей об Америке»⁹. Мало того, когда его новый заместитель, Филипп Николайдес, в секретном меморандуме, ставшем достоянием персонала радиостанции, а затем и печати (меморандум был похищен из стола Конклинга), изложил такие оголтелые взгляды на функции «Голоса Америки», что даже выдавшие виды сотрудники этой радиоорганизации пришли в изумление, Дж. Конклинг взял его под защиту. «Смысл существования ГА—идеологическая война,—писал Ф. Николайдес.— Он должен быть трубным гласом, сметающим стены Иерихона»¹⁰. Отвечая на обвинения в том, что это высказывание сродни суждениям Геббельса, Дж. Конклинг сказал: «Он (то есть Николайдес.— А. П.) может иметь любые идеи, какие захочет». И, уточняя, добавил: «Пусть даже похожие на гитлеровские»¹¹.

Вся эта история с секретным меморандумом, его похищением, шумом, поднятым как в самом «Голосе Америки», так и на страницах печати, напоминала «маленький Уотергейт». И Дж. Конклинг решился на отчаянный шаг: он отстранил Ф. Николайдеса от должности. Этого ему не простил Белый дом. А может, там сочли Конклинга скомпрометированным, потому что он слишком уж откровенно взял под защиту идеи, «похожие на гитлеровские». «Уик под давлением Белого дома,— писала газета «Нью-Йорк таймс»,— выступил против Конклинга, своего старого друга по шоу-бизнесу»¹². Ровно через неделю после отстранения Ф. Николайдеса Дж. Конклинг подал в отставку...

Несколько нарушая хронологию изложения событий, заметим, что работа по установлению «нового порядка» в аппарате «Голоса Америки» и во всей системе американской пропаганды продолжалась и в последующие годы. В начале 1984 года в печать просочились сведения о «черном списке» на «неблагонадежных» американцев, коим нельзя доверять пропаганду на зарубежные страны.

Список был опубликован не полностью, называлось всего (!) 84 фамилии. Но каких! Среди «недостойных» — популярнейший в недавнем прошлом телекомментатор Уолтер Кронкайт, сверхумеренный в своих политических воззрениях; экономист Джон Кеннет Гэлбрейт, немало сделавший во имя защиты капиталистической системы; претендент на пост президента США от демократической партии сенатор Гэри Харт; многие весьма известные журналисты умеренно-либерального толка и даже... бывший директор ЦРУ Стэнфорд Тэрнер. Все они, с точки зрения Ч. Уика, а следовательно и Белого дома, формирующего когорты пещерных антикоммунистов, «чересчур либеральны», могут не так, как нужно, истолковать за рубежом «американский образ жизни» и политику администрации Рейгана.

Еще до того, как стали известны эти «черные списки», в январе 1984 года, разразился громкий скандал, связанный с именем Ч. Уика. На протяжении длительного времени он тайно записывал на магнитную пленку телефонные разговоры с политическими и общественными деятелями США в целях возможного использования полученных записей для дискредитации и шантажа собеседников. Расследованием этих фактов пришлось заняться комиссиям сената и палаты представителей конгресса США, которым было представлено более 80 стенограмм записанных телефонных разговоров. Ч. Уик проявил удивительное хладнокровие, заявив без обиняков: «Президент Рейган, разумеется, поддерживает меня»¹³.

И он был прав. Когда вскоре начался скандал с вышеупомянутыми «черными списками», Ч. Уик уничтожил компрометирующие его бумаги. Белый дом как ни в чем не бывало вновь объявил, что не имеет к нему претензий.

Все эти факты отражают тревожную тенденцию американской общественной и политической жизни, где преимуществом, как в дорожном движении, обладает сегодня тот, кто справа. Истории хорошо известно, к чему приводит подобная внутренняя политика, которая зовется диктатом...

Но вернемся к событиям 1982 года на радиостанции «Голос Америки», где после отставки Дж. Конклинга дальнейшим установлением «нового порядка» занялся новый директор Джон Хьюз, работавший до того времени заместителем директора отдела программ УМС. Дж. Хьюз полностью разделял умонастроения Ч. Уика и других

реакционеров, сгруппировавшихся вокруг Рейгана. В награду он и получил новый пост. «Я думаю, я консерватор,— сказал Дж. Хьюз, принимая поздравления с новым назначением.— Я и сам не знаю. Время покажет»¹⁴. И время показало.

Дж. Хьюз возглавил «Голос Америки» в тот период, когда персонал радиостанции был уже в достаточной мере запуган и податлив к любому нажиму сверху. Но и этого новому директору казалось мало. «Черные списки» пополнялись, перестановки и увольнения продолжались, однако в передачах нет-нет да и проскальзывали оговорки, вызывавшие гром и молнии из Белого дома. «В последние месяцы Белый дом, госдепартамент и разбросанные по всему миру посольства США,— писала газета «Интернэшнл геральд трибюн»,— упорно напоминают радиостанции, что американские истребители—это не «военные самолеты», что посылаемые в Сальвадор транспортные вертолеты—это не «боевые единицы» и что повстанцы в Афганистане—это не «антиправительственные партизаны», а «борцы за свободу», как их с недавних пор именуют в передачах «Голоса Америки»¹⁵.

Конечно же, Белый дом и госдепартамент не имели намерений вступать в семантические споры с журналистами из «Голоса Америки». Дело было в другом. Неосторожные формулировки, встречающиеся в передачах, с головой выдавали истинную суть внешней политики, проводимой администрацией Рейгана. Естественно, постоянные окрики из Белого дома и УМС, как писал бюллетень «Ньюзрум», издаваемый «Голосом Америки» для внутреннего пользования, уже создали на радиостанции атмосферу «самоцензуры», вызвали «тенденцию избегать спорных моментов, играть наверняка и не высываться, чтобы не разразилась буря»¹⁶. Однако, как, вероятно, решил Дж. Хьюз, «самоцензура»—это слишком мало.

В аппарате «Голоса Америки» всегда существовала цензура. Она обеспечивалась сотрудниками специальной «политической службы», персонал которой именовали на радиостанции «полиси оффисерс». Первоначально главной задачей этого персонала было предотвращение утечки секретной информации, имеющей значение для безопасности страны, но затем его функции разрослись. Он стал подвергать тексты передач всевозможной цензурной правке, давать указания относительно освещения политически важных событий. В ходе проводившейся Дж. Конклингом «чистки» была начата и реорганизация группы

«полиси оффисерс», но до конца довести дело он не успел.

Дж. Хьюз обратил особое внимание на этот участок работы, ибо «новый порядок» на радиостанции в значительной мере зависел от активности «политических надзирателей», как теперь втихомолку стали называть «полиси оффисерс». Число руководящих сотрудников этой группы было увеличено с четырех до семи, что дало возможность цензорам более внимательно следить за всем потоком проходящих в передачах новостей; руководитель «политической службы» сравнялся по рангу с директором программ, фактически же стал играть роль второго лица на радиостанции. Был введен строжайший порядок, согласно которому руководители отделов ежедневно получают по утрам от «директора по политике» инструктаж на ближайшие сутки. Стало обычным делом, когда цензоры откровенно диктуют, в каком направлении следует освещать те или иные события, что сообщать и о чем умалчивать.

...Однажды на утреннем заседании, рассказывает упомянутый выше журналист из «Голоса Америки», скрывшийся под псевдонимом Робин Грей, заместитель «директора по политике» потребовал от начальников отделов отчета, кто и когда передал в эфир сообщение о «желтом дожде». (Речь шла о дичайшей выдумке госдепартамента, будто бы в Афганистане, Лаосе и Кампучии применялось советское химическое оружие.) Как оказалось, Белый дом и спецслужбы были особо заинтересованы в бесчисленных повторах этого лживого сообщения. «Повезло тем руководителям,— иронизировал Робин Грей,— кто мог похвастаться, что сообщение уже передано их отделом. Другие, напуганные, немедленно обещали передать его в эфир, хотя и с опозданием»¹⁷.

Цензура на радиостанции «Голос Америки» принимает формы все более активного манипулирования информацией, принуждения к извращенному комментированию фактов и событий, давления на «либерально» настроенных журналистов, скрупулезного регулирования «свободного потока информации». Дело дошло до абсурдных, с точки зрения профессиональной журналистики, вещей, когда даже порядок первых пяти сообщений в бюллетенях информации не может быть изменен без согласования с цензурой, независимо от того, на какую страну или регион передаются эти новости.

Цензурный гнет усилился и по отношению к зарубежным корреспондентам «Голоса Америки». Здесь в качестве цензоров— во всех пятнадцати странах, где суще-

ствовали в 1982 году корпункты «Голоса Америки», и прежде всего в странах социалистических — стали выступать послы и их советники по информации.

Политический надзор, или «фактор холода», как образно называют некоторые сотрудники «Голоса Америки» в конфиденциальных разговорах постоянную тень цензуры, еще сильнее сказывается при подготовке «аналитических обзоров» и комментариев, то есть материалов, претендующих на выражение якобы самостоятельной точки зрения журналиста.

И все же, несмотря на все свое рвение, Дж. Хьюз занимал пост директора «Голоса Америки» всего около пяти месяцев. Чем он не потрафил Белому дому, сказать трудно, но его отозвали, а его место занял некто Кеннет А. Томлинсон. Достоверно о нем было известно, что ему 38 лет и что он с 1968 года работал в журнале «Ридерс дайджест». Поскольку это уже третий за два года директор «Голоса Америки», сенатская комиссия по иностранным делам и другие органы постарались ускорить процедуру подтверждения. Понимая, что нового кандидата в директора рекомендуемые знают лучше, сенаторы не потребовали от К. Томлинсона никаких четких заверений относительно его намерений. Было ясно и так: он уже имеет соответствующие инструкции относительно упреждения «нового порядка» на радиостанции.

Итак, усилиями рейгановской администрации «кризис жанра» был как будто бы преодолен. Конечно, не по части повышения авторитета американской пропаганды за рубежом. Зато была осуществлена перестройка громадной пропагандистской машины, взяты на вооружение «новые концепции», значительно усилена техническая база подрывной радиопропаганды, установлен «новый порядок» непосредственно в аппарате «Голоса Америки», действительно ставшего «тараном» для «нового оживления» радиовойны. По этому пункту Р. Рейган свою предвыборную программу выполнил.

*Старые шоу на новый лад.—Расширение арены.—
«Психополитическая война».*

На рубеже 80-х годов правящие круги США резко изменили свой внешнеполитический курс и, усилив притязания на главенствующую роль в мировой политике, снова начали погоню за призраком военного превосходства. Такая стратегия, имеющая антисоветскую направленность и нацеленная прежде всего против мира социализма и неугодных монополистическому капиталу процессов в развивающихся странах, во многом обусловлена желанием Вашингтона взять под свой контроль важнейшие источники сырья и энергии.

На XXVI съезде КПСС была проанализирована суть этих явлений. «Монополиям нужны чужая нефть, уран, цветные металлы—и сферой «жизненных интересов» США объявляются Ближний Восток, Африка, Индийский океан. Туда активно прорывается военная машина США и собирается расположиться надолго,—говорилось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду.—...Чтобы разделить с другими расходы, а заодно покрепче привязать к себе партнеров по НАТО, США добиваются расширения функций этого блока. Вашингтонским стратегам явно хотелось бы втянуть в свои военные приготовления десятки других государств, опутать мир паутиной своих баз, аэродромов, складов оружия»¹.

Внешнеполитическая пропаганда США, а также их крупнейших партнеров в капиталистическом мире наглядно отражает этот курс. «Радиоголоса» союзников по НАТО, и в первую очередь США, Англии и ФРГ, развернули в последние годы, как определялось в официальных документах Белого дома, «идеологическое контрнаступление» против стран социалистического сотрудничества. Впрочем, не только против них. Объектом этого «контрнаступления» оказались также народы и других стран, где происходили прогрессивные перемены, в частности народ Афганистана. Начался новый акт империалистической радиовойны...

СТАРЫЕ ШОУ
НА НОВЫЙ ЛАД

В английском языке слово «шоу» имеет множество значений, в том числе — «зрелище», «спектакль». Кроме того, оно может обозначать «внешний вид», «видимость», а военные употребляют его в значении «сражение», «кампания». Выражение “to show one’s teeth” в котором гакже, как видим, наличествует слово «шоу», означает буквально «показать кому-либо зубы» и употребляется в смысле «проявить враждебность», «огрызнуться». Этот маленький экскурс в область филологии понадобился здесь потому, что в начале 80-х годов прогрессивное мировое общественное мнение презрительно именовало многие кампании и мероприятия, проводившиеся органами внешнеполитической пропаганды США, Англии и ФРГ, «пропагандистскими шоу».

В этот период военно-политические круги США и их союзников по НАТО стали в еще большей степени, чем раньше, рассматривать подрывную деятельность в эфире как один из важнейших элементов пропагандистского обеспечения гонки вооружений, подготовки к новой войне, осуществления своих агрессивных планов. И заговорили они об этом более открыто, почти с таким же цинизмом, с каким высказывались в свое время о радиопропаганде на другие страны фашистские главари. «Ведя разговор о танках, самолетах В-1 и ракетах МХ,— писала, например, газета «Нью-Йорк дейли ньюс»,— мы часто упускаем из виду преимущества сравнительно дешевых передач, сеющих семена недовольства в сердцах и умах жителей стран Восточной Европы»¹.

И в Белом доме и в конгрессе США нашлось много сторонников борьбы с реальным социализмом столь «дешевым» способом. Во-первых, им стал сразу же после того, как занял президентское кресло, сам Р. Рейган. Его администрация немедленно увеличила ассигнования на ведение подрывной радиопропаганды против народов социалистических стран. К руководству Управлением международных связей (УМС) и Советом международного радиовещания (СМР) были привлечены лица, отличающиеся крайне реакционными взглядами. Так, бывший директор ЮСИА (он занимал этот пост еще в годы «холодной войны») Фрэнк Шекспир, тесно связанный с ультраправыми элементами, вошел в 1980 году в рабочую группу республиканцев по радиопропаганде, а затем был назначен на пост председателя правления СМР. Уже

один только этот факт говорит о многом. Ведь ЮСИА создавалось и функционировало как орган официальной, так называемой «белой» пропаганды; СМР же, осуществляющий руководство деятельностью таких радиостанций, как РСЕ и РС, о которых было во всеуслышание заявлено еще в начале 70-х годов, что они являются филиалами ЦРУ,—организация «общественная», занимающаяся «серой» и даже «черной» пропагандой. И если одно и то же лицо может возглавлять столь разные учреждения, то выходит, что различие между «белой», «серой» и «черной» пропагандой в практике американского иновещания становится вовсе несущественным.

И это действительно так. Недаром Ф. Шекспир, не успев занять пост председателя СМР, заявил, что «США находятся в состоянии психополитической войны с Советским Союзом»². Это заявление было, собственно говоря, «первой ласточкой», предвещавшей рождение на свет новой доктрины, о которой во всеуслышание заговорят в США чуть позже. Вот тогдашние высказывания Ф. Шекспира в изложении вашингтонского корреспондента английской газеты «Нью стэндард»: «Республиканская администрация строит смелые планы организации радиоблица идей и новостей в вещании на Советский Союз, чтобы использовать их как «катализатор недовольства» среди русских рабочих, подобно тому как использовались западные радиопередачи для нагнетания брожения среди рабочих в Польше»³.

Может быть, однако, Ф. Шекспир высказывал свою субъективную точку зрения, обусловленную его правыми взглядами и тем, что он возглавил «неофициальную» пропагандистскую организацию, от ответственности за программную политику которой правительство США всячески пыталось откrestиться? Отнюдь нет. Политика идеологических провокаций и диверсий против стран социалистического содружества была поставлена во главу угла и официальными пропагандистскими службами США. Именно это имел в виду Ф. Шекспир, когда ссылаясь на пример использования «радиоблица идей и новостей» для «нагнетания брожения среди рабочих в Польше». На той роли, которую сыграли в подготовке польских событий начала 80-х годов западные идеологические радиодиверсанты, стоит остановиться подробнее.

Извлекая для себя уроки из поражений, из краха таких операций, как «День X», «Фокус», «Вето», «Наведение мостов», о которых уже шла речь в предыдущих главах книги, теории и практики империалистической

пропаганды разработали в 70-е годы новые планы подрыва социалистического строя в Польше. На основе этих планов они и попытались поставить старые шоу на новый лад, то есть придать антипольской пропаганде еще больший размах, усовершенствовать ее, так сказать, «качественно». Суть их намерений заключалась в том, чтобы расколоть Организацию Варшавского договора и, вырвав Польшу из числа стран социалистического содружества, нанести удар по основам мира и безопасности в Европе.

В задачи данной книги не входит анализ причин кризиса, охватившего Народную Польшу в августе 1980 года. Необходимо лишь еще раз подчеркнуть, что этот кризис возник не в результате «самовозгорания», или, как до сих пор утверждает западная пропаганда, «спонтанного пробуждения стихийного гнева масс». Пожар был результатом преступного, умышленного поджога. Механизм антисоциалистического, антипольского заговора конструировался не один год.

Еще в марте 1978 года патологический антикоммунист З. Бжезинский, тогдашний помощник президента США по национальной безопасности, передал Д. Картеру тайный план — своеобразный сценарий контрреволюционного переворота в Польской Народной Республике (статья об этом плане была опубликована испанским журналом «Темпо» в марте 1983 года). «Ныне настало время, — заявлял Бжезинский, — проводить более активную политику, направленную на развитие нужного нам процесса перемен в коммунистическом мире. После анализа обстановки в отдельных странах мы пришли к выводу, что Польша является самым слабым звеном среди стран Восточной Европы. Было бы хорошо, если бы внимание США и их союзников сосредоточилось на Польше...» И далее: «Пропаганда Соединенных Штатов, — прямо говорилось в плане Бжезинского, — должна сосредоточиться на том, чтобы вызвать в Польше антисоветские настроения. Для распространения прозападной политики необходимо использовать все средства. В итоге наши действия должны привести к дестабилизации положения в Польше»⁴. Составной частью этого плана было еще большее развертывание подрывной радиопропаганды на Польшу в конце 70-х годов.

Наряду с усилившимися лобовыми атаками на международное коммунистическое и рабочее движение радиопередачи США, ФРГ и Англии на польском языке должны были в эти годы играть роль «катализатора недовольства»

среди поляков и использоваться в целях усиления «процесса внутренней либерализации» в Польше. Именно в таком духе и перерабатывались — уже в который раз! — директивы для радиодиверсантов. С момента своего создания этой работой вплотную занялось Управление международных связей, которое и подготовило секретный циркуляр по проведению подрывных акций против Польши на 1979—1980 годы. Позже, осенью 1982 года, об этом документе обмолвилась западная печать, а газета австрийских коммунистов «Фольксштимме» опубликовала его почти полностью.

В разделе III циркуляра, носившем название «Цели и программы», давались инструкции, каким образом следует действовать, чтобы вещание на Польшу помогло вырвать ее из числа стран социалистического содружества, а затем «обеспечить ей независимое положение». Для этого, по мнению авторов циркуляра, необходимо в передачах: 1) воодушевлять польских руководителей на то, чтобы они занимали независимые позиции в международных вопросах; 2) информировать польскую общественность о целях и программах американской политики; 3) поощрять ориентацию польской общественности на Запад в политических и экономических вопросах; 4) ободрять польских интеллигентов, исходя в своих действиях из националистических критериев; 5) поощрять Польшу в том, чтобы она играла роль посредника между Востоком и Западом⁵.

Среди тех, кого называют в циркуляре «целевыми группами», на которые необходимо оказывать давление, упоминаются редакторы и руководящие работники Интерпресс, Польского агентства печати (ПАП), крупных газет и журналов, радио и телевидения; директора и ответственные сотрудники учреждений, исследующих социально-политические проблемы (в особенности Института международных отношений, Института по проблемам Запада, Польского объединения по вопросам политических наук); писатели; академики; деятели киноискусства; «независимые интеллигенты»; священнослужители; 275 членов Союза польских журналистов, специализирующихся на зарубежной тематике. В циркуляре приводился также список конкретных лиц из ПНР, с которыми следует вести работу и которым эту работу следует оплачивать. «Давайте поощрять тех поляков,— подстрекательски говорилось в документе,— которые выступают против проводимой в стране политики... Давайте поможем внутренней либерализации... и росту плюрализма»⁶.

Если сравнить данный циркуляр с другими подобными документами, которые анализировались или упоминались на страницах этой книги, то принципиально нового в нем не отыщешь. Меняется терминология, аргументация, детализируется методика ведения пропаганды, намечаются новые объекты воздействия («целевые группы») и т. д., но существо остается прежним — подрывная анти-социалистическая пропаганда любой ценой.

К августу 1980 года РСЕ — основная ударная сила империалистической радиовойны против Польши — значительно увеличило свои штаты в Мюнхене, имело филиалы в Бонне, Нью-Йорке, Лондоне, Париже, Риме, Стокгольме, Западном Берлине, Брюсселе, Афинах и располагало 46 мощными антенными установками, обеспечивавшими работу в эфире на многих десятках волн; львиная доля средств из бюджета РСЕ/РС, составившего в 1980 году около 107 миллионов долларов (по сравнению с 1971 годом он увеличился более чем в три раза!), была отдана на антипольскую пропаганду⁷. С августа 1980 года РСЕ стало вещать на Польшу круглосуточно. Другие западные радиостанции также увеличили объемы вещания для поляков или начали использовать дополнительные частоты.

К этому времени «польская тема» в передачах внешнепропагандистских радиослужб США, Англии и ФРГ стала главной, потеснив даже раздутый империалистической пропагандой «афганский вопрос» (о нем пойдет речь в следующем разделе). Сообщения из Польши и связанные с Польшей выносятся в выпусках новостей на первое место, им придается сенсационный характер; обозреватели различных западных радиостанций также комментируют преимущественно события в Польше и вокруг Польши, непомерно выпячивая при этом все ошибки и просчеты польского руководства в хозяйственном, политическом и идеологическом строительстве. Главная пропагандистская цель в стратегическом отношении старая: опорочить систему международного разделения труда в рамках социалистического содружества, скомпрометировать преимущества социалистической экономической интеграции, социализм в целом. Что же касается самой Польши, в тактическом отношении радиопропаганда Запада была нацелена на то, чтобы всеми возможными средствами способствовать усилению кризисной ситуации, спровоцировать беспорядки, подтолкнуть трудящихся к забастовкам, внушив им, что иного пути для разрешения назревших проблем у них якобы не осталось.

Методика подготовки конкретных материалов — новостей, комментариев, обзоров, репортажей — предусматривала ради достижения этих целей использование любых приемов манипулятивной пропаганды. «Немецкая волна», например, прибегая к марксистской терминологии, но бессовестно извращая марксистско-ленинское учение о революционной ситуации, даже пыталась убедить своих слушателей, что именно такая ситуация существует в Польше, причем... рабочий класс проявляет недостаточную активность! «Имеется ли в Польше революционная ситуация?» — задавал риторический вопрос комментатор этой станции 8 августа 1980 года и отвечал на него так: «Пока еще дело не дошло до таких драматических конфликтов, которые имели место в декабре 1970 и летом 1976 года. Несмотря на это, положение остается крайне напряженным». Дальнейший ход рассуждений комментатора являет собой достаточно типичный пример завуалированных провокационных призывов, с которыми в те дни обращались к польским трудящимся западные радиодиверсанты.

Комментатор, вопреки очевидной реальности, заявил, что социальное положение рабочего класса в Польше за годы народной власти «едва ли существенно изменилось», что профсоюзы якобы «не выступают как представители рабочих», и, прикрываясь псевдомарксистской терминологией, призвал слушателей к усилению «революционной активности». Для камуфляжа подстрекательских призывов были даже использованы ссылки на В. И. Ленина: «Согласно Ленину, необходимо, чтобы наконец сами массы, вдохновляемые своим авангардом, выступили на историческую арену. Является ли оппозиционный польский комитет по защите рабочих (имеется в виду контрреволюционная организация КОС/КОР.— А. П.) авангардом такой революционной активности? никоим образом!»

Заметим здесь, что КОС/КОР действительно не являлся авангардом «революционной активности». Он был авангардом контрреволюции. Именно поэтому его популярность в рабочей среде была не столь уж велика. Внутренней контрреволюции и ее западным покровителям требовалась другая, более массовая организация — так называемые «свободные профсоюзы». И «Немецкая волна» следующим образом излагает свои рекомендации в этой связи, ссылаясь на интервью в западногерманской прессе с «польским правозащитником Яцеком Куронем» (махровым контрреволюционером, одним из лидеров

КОС/КОР): «Куронь видит единственный выход в возникновении избранных демократическим путем профсоюзов и организованного путем свободных выборов общества».

Вышеприведенный комментарий может служить образцом, так сказать, «деликатного» вмешательства в польские дела, когда линия политического поведения диктуется аудитории как бы исподволь. Но в целом радиодиверсанты, например из РСЕ, начинают действовать все более откровенно, напрямую берут на себя функции организаторов «фронта общественного сопротивления», активно используя силы внутренней контрреволюции. О механизме этой связи — координации подрывной внешней радиопропаганды с действиями контрреволюционеров — дает хорошее представление свидетельство очевидца событий, происходивших в Гданьске 14—16 августа 1980 года. Описывая в подробностях, кто выступали застрельщиками забастовки на судоверфях в Гданьске, какими методами они действовали, этот очевидец упоминает о следующих фактах:

«Вскоре после полудня рабочие стали расходиться по домам. Но Колодзей (один из руководителей стачечного комитета.— А. П.) приказал никого не выпускать, и его подручные заперли все выходы с верфи. В четыре часа администрация верфи предложила Колодзею переговоры о хотя бы временной остановке стачки. Тщетно. Возбравшись на электрокар, Колодзей вещал больше часа, не обращая ни на кого внимания. Потом иссяк и приказал включить в местную радиосвязь «Свободную Европу», которая весь вечер и всю ночь не только сообщала о том, что происходило у нас и на других предприятиях, но и с упоением подстрекала «продолжать борьбу до победного конца»... В 6 утра 16-го мы вновь отправились к рабочим. Провокаторы не пустили нас в цеха. Прервав передачу «Свободной Европы», Колодзей объявил ультиматум... Люди Колодзея захватили типографию верфи и стали печатать листовки, которые разносили отсюда по всем предприятиям побережья. Контрреволюционный смысл прокламаций был предельно ясен: «Социализм погубил Польшу. Поляк не может быть коммунистом. СССР — фальшивый друг. Он нас грабит. Не хотим больше питаться объедками с большевистского стола. Да здравствует вольный город Гданьск!»⁸

То, что к формулированию подобных лозунгов западные радиодиверсанты имеют самое прямое отношение, свидетельствует, например, передача «Немецкой волны», прошедшая в эфир в вечерние часы 23 августа 1980 года. Мы воспроизводим дословно ее начало:

«1-й голос. Влиятельная либеральная (заметьте: «либеральная», а не орган реваншистских кругов ФРГ! — А. П.) «Зюддойче цайтунг» откомандировала своего московского корреспондента Эдуарда Ноймайера в Гданьск. Ноймайер пишет о своем прибытии в ранее немецкий (весьма симптоматичный акцент: «ранее немецкий»! — А. П.) портовый город.

2-й голос. Здесь — иное настроение, нежели в Варшаве. Рабочие полны решимости и холодной ярости (нужный вывод, как нетрудно заметить, сделан заранее. — А. П.). Общественные средства передвижения не работают. Такси тоже стоят без движения. Перевозятся только иностранцы. Единственный шофер такси в аэропорте Гданьска уже проявил молчаливую готовность везти меня, но он резко захлопывает дверь, когда я, только что прибыв из Москвы, необдуманно заговариваю с ним по-русски. Когда я говорю ему, что я немец, он лишь спрашивает меня по-немецки: «Федеративный?» Я киваю, он сияет, открывает снова дверь автомобиля и объясняет: «Не говорите по-русски, мы не хотим иметь ничего общего с русскими».

Далее от дословного цитирования явно потерявшего чувство меры корреспондента диктор переходит к изложению его «свидетельств» — с прямым расчетом повлиять на эмоции потенциальных слушателей, особенно на их религиозные чувства:

«2-й голос. Проехав по пустым улицам Гданьска, западногерманский корреспондент подъезжает к верфи имени Ленина. Главные ворота украшены портретами поляка, папы римского Иоанна Павла II, и цветами — розами, гвоздиками, шпажником. У ворот много мужчин и женщин. Пикеты забастовщиков проверяют документы сидящих в легковом автомобиле. За ним следует маленький грузовик. На радиаторе его — крест с распятием. Это опознавательный знак автомобилей, поставляющих продукты питания для бастующих рабочих. Когда Ноймайер показы-

вает свой западногерманский паспорт, раздаются аплодисменты(!)»

Не последнее место в эти дни отводила западная радиопропаганда возведению на пьедестал «новых борцов за дело трудящихся», всячески рекламируя, например, Валенсу, ставленника контрреволюционной организации КОС/КОР, претендовавшего на роль лидера «свободных профсоюзов». Так, «Немецкая волна» в передаче от 23 августа, повторявшейся неоднократно, не без умысла говорила о нем в тонах явно сенсационных: «Лех Валенса — это один из прямо-таки легендарных героев рабочего движения в Гданьске... Сегодня утром Валенса выступает с отчетом о развитии забастовочного движения на сегодняшний день. Его выступление постоянно прерывается аплодисментами. Молодая девушка передает ему цветы...»

«Голос Америки» в те дни в передачах на польском языке по крайней мере восемь раз (это по подсчетам автора, на самом деле, может быть, и больше) передавал интервью с престарелым отцом Валенсы, давно проживающим в США. Конечно же, отец на все лады расхваливал ум и благородство своего сына, делая особый упор на его приверженность католической вере.

В течение буквально считанных дней совместными усилиями западных радиостанций Валенса был провозглашен «руководителем польских рабочих». Например, 9 сентября 1980 года радиостанция «Дойчландфунк», которая кроме своих частот начала использовать для ведения передач на Польшу и частоты «Немецкой волны», говорила о нем уже так: «Руководитель польских рабочих Валенса направится в ближайшее время, через две-три недели, в Рим, чтобы встретиться с папой римским. Валенса заявил об этом по телефону представителю агентства АП. Он сказал также, что в настоящее время не может поехать в Ватикан, хотя и получил приглашение папы, так как занят организацией свободных профсоюзов... А тем временем в аэропорту Рима собралось очень много встречающих, так как там распространились сведения, что Валенса прибудет в Рим еще в течение сегодняшнего дня».

Естественно, радиодиверсанты не ограничивались созданием имиджа «новых руководителей польского рабочего класса» типа Валенсы. При помощи таких же пропагандистских ухищрений они способствовали организации «свободных профсоюзов» — пресловутой «Солидарности», всячески раздувая и поддерживая миф о ней как о

«защитнице интересов народа», вдохновенно разглагольствуя о якобы стихийном характере ее рождения.

Впрочем, свою причастность ко многим «стихийным» событиям в Польше, в том числе и к появлению «Солидарности», западная пропаганда не отрицает. Например, бывший руководитель польской секции РСЕ Ян Новак-Езёраньский в апреле 1982 года на страницах издающейся в Лондоне эмигрантской газеты «Дзенник Польски» вполне откровенно писал: «Я убежден, что без западных радиостанций, и особенно без «Свободной Европы», никогда бы не дошло до возникновения «Солидарности»⁹.

Так со второй половины 1980 года Польша стала объектом тотальной диверсии международного империализма во главе с США, на осуществление которой не в последнюю очередь была брошена вся мощь современного радиооружия — многочисленные оснащенные по последнему слову техники подрывные радиостанции капиталистических стран. Только на территории ФРГ, близ границы с ГДР и ЧССР, то есть неподалеку и от границ ПНР, было размещено к 1983 году 326 радиопередатчиков и 38 различных ретрансляционных станций¹⁰. Они денно и нощно выбрасывают в эфир «польские программы». «Цинизм этих программ, — пишет польский публицист Ян Гадомский, — беспределен. Они открыто призывают к антигосударственным выступлениям в Польше, пытаются скомпрометировать в глазах поляков социализм, передают инструкции, адресованные укрывающимся в подполье организаторам контрреволюции. Впрочем, подобного рода деятельность проводилась и раньше. Но никогда прежде она не велась с таким размахом»¹¹.

Массированная атака на социалистическую Польшу, готовившаяся с середины 70-х и широко развернутая в начале 80-х годов, явилась частью глобальной стратегии, осуществляемой идеологическими диверсионными центрами Запада. В рамках этой стратегии арена империалистического «театра радиовойны» продолжала и продолжает расширяться. Так наряду с «антипольским» фронтом в эфире появился «антиафганский».

РАСШИРЕНИЕ АРЕНЫ

Свершившаяся 27 апреля 1978 года под руководством Народно-демократической партии Афганистана революция покончила с эксплуататорским, полуфеодальным режимом и передала государственную власть в руки

трудящихся. «Но это,— говорил в одном из своих выступлений Генеральный секретарь ЦК НДПА, Председатель Революционного совета ДРА Бабрак Кармаль,— не устраивало тех, кто хотел сохранить в Афганистане национальный и социальный гнет. Враги мира и прогресса начали проводить политику, направленную на подавление освободительной революции в Афганистане, на уничтожение НДПА и всех сил прогресса и свободы в нашей стране. Они стремились восстановить в Афганистане господство империализма и черной реакции, установить кровавую диктатуру, варварский средневековый порядок и режим террора и репрессий во всех областях жизни нашего народа»¹. Иными словами, империализм в лице США и его партнеров взял курс на организацию в стране и за ее пределами контрреволюции.

Параллельно с военно-диверсионными акциями против революционного Афганистана была развернута и кампания подрывной пропаганды. Можно сказать, это был своеобразный аккомпанемент, сопровождавший поднятие занавеса перед новым актом империалистической радиовойны.

В начале декабря 1979 года вопрос об организации подрывных радиопередач на ряд стран, в том числе и на ДРА, рассматривался на состоявшемся в Белом доме заседании специального координационного комитета, возглавлявшемся тогда помощником президента по национальной безопасности З. Бжезинским. Принятый на этом заседании план предусматривал множество мер по развертыванию и координации антиафганской пропаганды. Суть самого плана сводилась к искажению правды о целях и достижениях Апрельской революции, об интернациональной помощи Советского Союза Афганистану, о политике афганского руководства, чтобы тем самым разжечь в стране национальные и религиозные страсти, обострить положение, развязать братоубийственную войну. В то же время перед пропагандистскими службами ставилась задача любыми средствами оправдывать и обосновывать вооруженное вмешательство западных государств во внутренние дела Афганистана.

3 апреля 1980 года газета «Нойе цурхер цайтунг» сообщила, что «Голос Америки» объявил о введении передач на Афганистан. В это время уже действовала радиостанция «Свободный национальный голос Афганистана». По поводу этого «свободного национального голоса» индийский общественный деятель Салхан Мукерджи несколько позже писал: «ЦРУ наряду с вооруженным

вмешательством во внутренние дела Афганистана осуществляет широкую пропагандистскую кампанию против афганской революции. Под руководством американской разведки в Пешаваре создана и работает мощная радиостанция, ведущая передачи на Афганистан. Пользуясь тем, что 90 процентов афганцев неграмотны, клеветники из ЦРУ распространяют самую дикую ложь»².

23 июля 1980 года «Голос Америки» в передаче на русском языке сообщил, что «утвержден законопроект об ассигновании фондов на радиопрограммы «Голоса Америки» для мусульманского мира. Эта мера предусматривает, в частности, шесть часов ежедневных дополнительных передач на семи языках стран ислама — на Афганистан, Иран, Пакистан, — которые охватят дополнительно полмиллиона слушателей. Законопроект уже утвержден палатой представителей».

В подрывной радиопропаганде против народа Афганистана, организованной США, самое активное участие приняли Англия и ФРГ, Пакистан, Египет, Израиль, а также «Радио Тегерана» и вещательные организации некоторых других стран. Масштабы этой пропагандистской кампании были поистине беспрецедентны. Лишь по приблизительным подсчетам, сделанным на основе данных ЮНЕСКО за 1980 год³, радиопропаганда перечисленных стран на население ДРА выглядела следующим образом: вещание велось на трех основных языках Афганистана (дари, пушту, фарси) и на ряде языков национальных меньшинств; суммарный объем передач достигал 14—18 часов в сутки (почти столько же, сколько звучали национальные программы Афганского радио!). Нужно еще учесть, что внутренние передачи из Ирана на фарси и из некоторых других государств этого региона также принимаются в Афганистане, что заметно увеличивает общий объем антиафганской радиопропаганды. Семь вышеуказанных стран использовали в вещании на ДРА почти 50 частот в разных диапазонах, а общая мощность их радиопередатчиков превысила 12 600 киловатт!

Подрывная радиопропаганда на Афганистан с самого начала планировалась и координировалась капиталистическими странами в международном масштабе. Это касалось прежде всего использования технических мощностей. К ведению психологической войны против Афганистана были привлечены, в частности, Египет и Израиль, предоставившие свои территории для строительства американских ретрансляционных станций. Кроме того, часы рабо-

ты радиопередатчиков «Голоса Америки», Би-би-си, «Немецкой волны», использующих для вещания на ДРА одинаковые частоты, как и места размещения этих передатчиков, свидетельствуют о том, что США, Англия и ФРГ в подрывной антиафганской пропаганде оказывали друг другу постоянные «технические услуги». Время их передач почти не совпадало, программы шли «потоком».

Так, летом 1980 года ежедневная картина антиафганского вещания из-за рубежа в общих чертах выглядела следующим образом. В 7 часов утра «Голос Америки» начинал передачи на дари; в 7.45 — Би-би-си на фарси и «Радио Пешавара» на пушту; в 8.00 к ним присоединялся Тегеран. С 9 до 12.45 наступал перерыв, в 12.45 начинала работать «Немецкая волна», затем — Пешавар и Тегеран. В 16.45 в эфир снова выходила Би-би-си; в 20.00 — Пешавар; в 20.30 — Карачи; в 20.45 — Би-би-си; в 21.00 — Тегеран; в 23.00 — еще раз Би-би-си. Завершал передачи на ДРА «Голос Америки»⁴. Такая организация вещательного дня, безусловно, свидетельствует о координации радиопропаганды.

Характерно, что в радиовойне против Афганистана пропагандистские службы США и подключившихся к ним стран, учитывая особенности потенциальной аудитории, сразу же отказались от тактики «запланированной объективности», от метода «сбалансированной информации» и прочих подобного рода приемов. Главным их оружием стали прямая ложь, фабрикация всевозможных слухов, игра на религиозных предрассудках, на неосведомленности населения. По своим методам радиодиверсия против революционного народа Афганистана практически ничем не отличается от тех пропагандистских уловок, которые использовались, например, во время англо-итальянского столкновения в эфире на Ближнем Востоке в 30-е годы. Но, естественно, масштабы империалистической антиафганской радиовойны не идут ни в какое сравнение с прошлым — ни по числу участников, ни по техническим средствам.

По содержанию и направлениям пропаганды вещательные организации США, Англии и ФРГ, а также Пакистана, Израиля, Египта и некоторых других стран также выступили «единым фронтом». Лейтмотив их передач, будь то «Голос Америки», Би-би-си или «Немецкая волна», — извращение сущности Апрельской революции, попытки выдать ее за военный путч. В передачах даже не употреблялось слово «революция». Слушателям внушалась мысль, что введение на территорию страны

ограниченного контингента советских войск по просьбе ее законного правительства — это не что иное, как «экспорт революции»; прилагались все усилия, чтобы дискредитировать политику НДПА, представить ее как политику насильственного разрушения ислама и национальных традиций, создать картину такого Афганистана, который «содрогается от внутреннего недовольства». Тем самым ставилась цель подрвать афганскую революцию изнутри, ослабить связи НДПА с народом, во что бы то ни стало сформировать у слушателей представление, будто ДРА находится в международной изоляции.

Эти направления хорошо иллюстрируются содержанием и способами обработки «новостей» в программах западных радиостанций на протяжении даже одного дня. Обратимся, например, к передачам от 20 июля 1980 года (стенограмма сделана автором книги).

Би-би-си в этот день выделила в утренних передачах «информацию» о том, что, «по сообщениям из Афганистана, 250 школьников в Кабуле арестовано и 400 исключено из школ за антисоветские демонстрации» и что «английский язык в школах запрещен, потому что вводится русский язык». В качестве источника информации Би-би-си указала некоего безымянного корреспондента газеты «Дейли телеграф», совершившего якобы «путешествие на машине по Афганистану».

Эти факты были, грубо говоря, высосаны из пальца (через несколько дней агентство Бахтар официально их опровергло). Однако «Немецкая волна» сочла нужным не только повторить, но и несколько усилить английское сообщение. «В Кабуле, — говорилось в информационном обзоре, передававшемся этой радиостанцией днем, — арестовано 270 девочек в возрасте от 15 до 19 лет». «Радио Пешавара» уже не удовлетворилось таким количеством «арестованных», заявив: «Из Кабула сообщается, что около 3 тысяч учащихся находятся в тюрьмах за участие в демонстрациях против СССР». «Голос Америки» в вечерней передаче подвел итог и по-своему подал «утку», запущенную в эфир Би-би-си: «Из Кабула поступают все новые сообщения о продолжающихся арестах среди молодежи за участие в демонстрациях против СССР. В учебных заведениях Афганистана теперь не будет преподаваться английский язык, а только русский. В магазинах уже появились русские книги. Русские специалисты контролируют радио, газеты, центральное управление связи».

Легко заметить, что, распространяя эту фальсифици-

рованную «новость», Би-би-си преследовала совершенно определенную цель — вызвать беспокойство и панику среди афганского населения. В последующих передачах других радиостанций «новость» обрастала все новыми и новыми подробностями: 250 «арестованных» сначала превращаются в 270, потом — в 3 тысячи, но «аресты продолжаются»... Таков лишь один из бесчисленных примеров «разработки» сообщения, выдуманного от начала до конца. Можно привести и другие — целиком или частично фальшивых «новостей».

Например, в тот же день, 20 июля, передачи на ДРА были полны измышлений об использовании советскими войсками «химического оружия против муджахиддинов и мирного населения» («муджахиддины» — правоверные мусульмане, борющиеся против неверных; так буржуазная радиопропаганда именует тех, кого в народе называют «душманы» — бандиты), о «победах муджахиддинов» и «поражениях» афганских войск, о «волне политических убийств в Кабуле» и т. д.

Остановимся хотя бы на последней теме. Она муссируется западными радиодиверсантами с самого начала 1980 года и по настоящее время. Тема «политических убийств» служит, с одной стороны, тому, чтобы посеять в народе тревогу, а с другой — нужна как возможность своеобразного инструктажа: кого следует устранять.

Известно, что различного рода террористические акты — убийства политических деятелей, взрывы в школах, зверские расправы над учителями и прогрессивными религиозными деятелями — стали, так сказать, излюбленным методом борьбы контрреволюционных сил против народной власти в ДРА. Так, в течение 1980—1982 годов в стране, народное правительство которой объявило ликвидацию неграмотности одной из важнейших задач социального переустройства жизни общества, душманами было подожжено, уничтожено и разграблено 1713 школ⁶. Однако о таких фактах в передачах западных радиостанций на ДРА или вовсе не сообщается, или они тенденциозно интерпретируются. Зато, для того чтобы еще больше осложнить обстановку в стране, «радиоголоса» постоянно фабрикует все новые и новые «сообщения» о мнимых «политических убийствах». В феврале 1980 года, например, Би-би-си, «Голос Америки», а также «Радио Пешавара», ссылаясь на агентства Рейтер и Франс Пресс, сообщили, что член Политбюро ЦК НДПА, заместитель Председателя Революционного совета ДРА Султан Али Кештманд был «ранен в перестрелке, а затем скончался».

Через несколько дней слушателям была преподнесена другая «новость»: «Во время заседания Революционного совета в перестрелке ранен член ЦК НДПА Махмуд Барьялай». Агентство Бахтар решительно опровергло эти измышления, сообщив, что С. -А. Кештманд «находится в Москве и в ближайшее время возвратится на родину», а М. Барьялай «здоров и сегодня вылетел во главе партийной делегации в столицу Эфиопии»⁶.

В течение последующих месяцев 1980 года, стараясь во что бы то ни стало помешать процессу нормализации внутривластной жизни в Афганистане, реорганизации системы управления, укреплению позиций НДПА, западные радиостанции еще более расширили арсенал «черных» методов пропаганды. Для фабрикации слухов и различных измышлений использовался любой предлог, любое событие. Если афганская печать писала, что в Кабуле продолжается строительство нового жилого микрорайона, то «Радио Пешавара» или «Голос Америки» немедленно объясняли это «намерением русских остаться надолго»; если тот или иной политический деятель не появлялся несколько дней публично, сейчас же сообщалось, что он или «убит», или «посажен в тюрьму»; если в горах, окружающих Кабул, в карьерах, где добывается строительный камень, гремели взрывы, то Би-би-си или «Немецкая волна», ссылаясь на «пассажиров, которые прибыли в Дели из Кабула, в числе которых был один сотрудник Международного банка», сразу же заявляли, что в афганской столице «идут бои», и т. д., и т. п.

Даже сами западные корреспонденты иногда опровергали подобные вздорные слухи. Так, корреспондент лондонской «Таймс» рассказывал на страницах своей газеты: «Я вышел на балкон гостиницы, в которой остановился в Кабуле. В руках у меня был приемник, настроенный на волну «Голоса Америки», и я услышал: «В Кабуле происходит бой. Афганские солдаты воюют с советскими в крепости Бала Гисар, центре афганской столицы». Я, естественно, устремил взор в сторону крепости. Коричневые каменные стены форта, возвышавшиеся на холме, были отчетливо видны. Но над ними не вился дым или огонь, не слышно было тревожных гудков автомобилей в соседних районах. Не было никакого боя. В Бала Гисар все спокойно, в городе тоже. Никаких войск на улице. Если говорить без обиняков, «Голос Америки» нес чепуху. И это не единственный случай, когда американская радиостанция, питающаяся слухами, поднимала шум из ничего»⁷.

Корреспондент «Таймс», конечно, «сбалансировал» свои признания поряточной дозой других измышлений, но крупницы правды о «черной» радиопропаганде на этот раз все же увидели свет на страницах буржуазной английской прессы.

Следует еще раз отметить, что в вещании на Афганистан западные радиостанции и их подручные использовали и используют прежде всего такие манипулятивные приемы, которые рассчитаны на низкий уровень политического сознания потенциальной аудитории. Ставка делалась и делается на эмоции, на неосведомленность, неграмотность, религиозные предрассудки и т. п.

Особенно показательным примером в этом отношении может служить постоянная рубрика «Радио Пакистана», работающего в полном контакте с «Голосом Америки» и Би-би-си, — «Сохбате манзеле какаджан» («Разговор в доме дядюшки»). Передача ведется в форме своеобразных игровых диалогов, чаще всего двух «стариков крестьян», с добавлением «документальных записей». В диалогах широко используются пословицы, поговорки, крылатые выражения, иногда — грубоватый юмор и т. д., причем все это, вплоть до имен персонажей, призвано усилить эффективность пропагандистского воздействия на аудиторию. Приведем выдержки из передачи от 23 июля 1980 года.

«1-й голос. Ну, что там, в газетах, пишут?»

2-й голос. По выражению наших афганских братьев, как бы мать ни страдала, она никогда не станет кусать своего сына...».

(Далее следуют почти нецензурные ругательства в адрес правительства ДРА и его руководителей.)

«1-й голос. Как вы точно сказали! Теперь понятно, во имя чего борются афганские муджахиддины!»

2-й голос. Вот послушайте, о чем я беседовал с Мухаммедом Казымом Саадыкки, который вырвался из когтей своих врагов... («Саадыкки» — в дословном переводе «искренний»; Мухаммед — имя пророка. — А. П.).

Голос (запись на пленке). Меня зовут Мухаммед Казым Саадыкки. Я был боевым командиром в Бадахшане. Прежде я был студентом педагогического института в Кундузе. Во время беспорядков в Бадахшане меня арестовали. А после того,

как я вышел из тюрьмы, я нашел убежище в Пакистане, чтобы продолжить свою борьбу.

2-й голос. Вы совсем недавно приехали из Афганистана? Как долго вы здесь находитесь?

Голос. Дня четыре-пять...

2-й голос. А как живут афганцы, которые борются против неверных?

Голос. Наш народ, афганцы, отстаивая идеалы своей святой веры, объявил священную войну неверным. Наши патриоты борются против них, и их боевой дух крепок, и их дух никогда не будет сломлен. Я сам был свидетелем того, как крепок этот дух у нашего народа. Я разговаривал со многими людьми и спрашивал их, как могут они противостоять танкам, пушкам, самолетам, и они отвечали: «Мы находимся под защитой артиллерии веры и совсем не боимся ни пушек, ни самолетов, ни ракет. А стражем, нашим хранителем в этой войне является сам наш создатель».

2-й голос. Как к этому относится афганская молодежь?

Голос. Путь молодежи и муджахиддинов един, и они плечом к плечу будут бесстрашно бороться против любой силы, если даже она будет состоять из всех объединенных сил Востока и Запада. И они идут по военной тропе священной войны бесстрашно...»

Далее, нагнетая ложь и рассчитывая при этом на наивность неосведомленных слушателей, в массе своей неграмотных, собеседники по очереди восхваляют мнимые «подвиги» муджахиддинов, которые «предают огню и топят в крови» всех врагов ислама.

«2-й голос (*заканчивая передачу*). Необходимо помнить, что единственный путь победы ислама — объединение муджахиддинов. Враг тоже понимает это и стремится помешать объединению. Муджахиддины должны, объединившись, продолжать свои усилия в войне с врагом».

Как видим, целью передачи явилось поднятие боевого духа контрреволюционных элементов и провоцирование населения ДРА на выступления против правительства. Этот «разговор в доме дядюшки» и по содержанию и по форме весьма точно отражает характер той психологической войны в эфире, которая ведется против революционного афганского народа.

Беспрецедентная антиафганская радиодиверсия по-

стоянно расширяется, причем в ней используется и богатый опыт империалистических разведок, поставляющих для радиослужб «специальную информацию», и выступления у микрофонов «беженцев» — подставных свидетелей, и организация «черных» радиостанций.

Летом 1981 года действующие на территории США, Англии, Франции, Италии и некоторых других государств так называемые «комитеты защиты прав человека» начали сбор средств на создание «Радио свободного Кабула». Согласно некоторым сведениям, просочившимся на страницы французской прессы, планировалось через Пакистан передать в распоряжение мятежников мобильные малогабаритные радиостанции, с тем чтобы вести антиафганские и антисоветские передачи с движущихся автомашин на территории ДРА. Кассеты с записями на языках пушту и дари должны были готовиться в Пакистане и в других странах. В сентябре 1981 года французская газета «Монд» сообщила, что в Афганистан уже доставлены тайно три радиопередатчика, которые приобретены благодаря «щедрости одних и решимости других». Газета, разумеется, не называла имен. Однако ясно, что отделить тайное обеспечение бандитов радиопередатчиками от поставок им оружия, чем занимается ЦРУ, невозможно. Правда, в конце статьи указывался адрес, куда можно направлять средства для пополнения фонда этой подрывной операции: «Комитет защиты прав человека. «Радио свободного Кабула», 152, улица Шато, Париж»⁸. «По этому адресу,— писал корреспондент газеты «Известия» в Париже,— в действительности находился лишь жалкого вида ресторанчик. Даже если предположить, что коронное блюдо в нем газетная утка, координаты давались явно для отвода глаз: акция с передатчиками была тщательно законспирирована»⁹.

К лету 1982 года деятельность новой подрывной радиостанции была поставлена «на широкую ногу». Американская газета «Крисчен сайенс монитор» писала осенью того же года, что «Радио свободного Кабула» ведет передачи на Афганистан с помощью 11 передатчиков¹⁰. А французская «Котидьен де Пари» не скрывала, что тайно доставленная радиотехника используется басмаческим подпольем для координации бандитских вылазок и подстрекательской деятельности против законного правительства страны. По мнению газеты, тайные радиопередатчики оказались «более эффективными», чем другие станции, служащие для подрывных операций в Афганистане¹¹.

«Эффективность» тут имеется в виду, конечно, особого рода. Мэр Кабула Адина Сангин, беседуя с корреспондентом «Известий» по поводу работы тайных передатчиков, сказал о них так:

«Маскируюсь позывными «Радио свободного Кабула», эти подпольные станции мутным потоком льют ложь и клевету на жизнь народа, на жизнь столицы, всячески чернят революционную действительность. Они беспардонно толкуют о каких-то «беспорядках и лишениях», якобы имеющих место в нашем главном городе, распускают слухи о недостатках в снабжении, смакуют подробности террористических актов врагов революции. В этих злобных вымыслах нет ничего от правды, от реального положения дел. Сегодняшний Кабул, чье население уже превысило миллион человек, живет нормальной трудовой жизнью»¹².

Организация, общие направления, характер и методы вещания США, Англии, ФРГ и их союзников на население революционного Афганистана в период с начала 80-х годов, так же как и вся внешнеполитическая пропаганда этих стран в других регионах мира, как в целом ее материальное и идеологическое обеспечение, определялись новой доктриной международной империалистической реакции — доктриной «психополитической войны».

«ПСИХОПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОЙНА»

Идея «психополитической войны» с Советским Союзом и странами социалистического содружества к моменту прихода к руководству в США администрации Р. Рейгана уже, как говорится, носилась в воздухе. Поэтому в контексте общей стратегии противоборства с социализмом, разработкой которой усиленно занимается в последние годы Вашингтон и которая заключается в прямой конфронтации с СССР путем экономической, торговой, технологической и т. д. (не исключая даже возможности ведения «ограниченной» или «затяжной» ядерной) войны, эта идея заняла достойное место.

Правда, не существует какого-то специального документа под названием «Доктрина «психополитической войны», как не было таких документов относительно других позорно провалившихся доктрин — «отбрасывания коммунизма», «освобождения», «наведения мостов». К тому же общая направленность внешнеполитической пропаганды, основанной на этой доктрине, остается прежней: дестабилизация существующего строя в странах социалистиче-

ского содружества и противодействие антиимпериалистической, национально-освободительной борьбе в различных регионах и странах мира с помощью разносторонних подрывных пропагандистских акций по «разложению тыла противника».

Таким образом, «психополитическая война» — это не столько новая теория империалистической пропаганды, сколько определение, характеризующее сегодняшнюю ее практику. Поэтому доктрина нашла свое конкретное воплощение.

В июне 1981 года администрация Р. Рейгана начала новую серию мероприятий, связанных с реорганизацией аппарата внешнеполитической пропаганды США. Прежде всего по личной инициативе президента были произведены персональные изменения в руководстве этим аппаратом. Напомним (об этом уже шла речь в предыдущей главе), что директором Управления международных связей (УМС) был назначен Чарлз Уик, руководителем радиовещания УМС, то есть службы, в ведении которой находится правительственное вещание на зарубежные страны, и прежде всего «Голос Америки», стал Дж. Конклинг, его заместителем — Ф. Николайдес, а упоминавшийся выше Ф. Шекспир получил назначение на пост председателя правления Совета международного радиовещания (СМР). Все эти лица, отличающиеся крайне реакционными взглядами, развернули интенсивную работу по организации «психополитической войны».

В сенате конгресса США были форсированы слушания по проекту нового закона о выделении на двухлетний период средств ряду федеральных ведомств и пропагандистских организаций, связанных с проведением американской внешней политики. Законопроект был одобрен, и в результате УМС получило 1 миллиард, а СМР — 200 миллионов долларов¹, то есть рекордные суммы. Такого в истории этих организаций еще не бывало. Воинственный курс во внешней политике, взятый Вашингтоном, требовал соответствующего пропагандистского обрамления, а значит, и дополнительных ассигнований. Законопроект санкционировал также выделение средств на строительство новых и модернизацию существующих радиопередатчиков в разных районах мира, в том числе на Филиппинах, в Либерии, Ботсване, Шри Ланке, создание на территории Египта крупного филиала «Голоса Америки» для вещания на Советский Союз, создание радиостанции «Свободная Куба» и т. д.

Наряду с финансовым и техническим обеспечением «психополитической войны» разворачивается и программа политического руководства ею — разрабатываются различные пропагандистские проекты. Рассмотрим один из них, получивший претенциозное название «Истина».

Хотя этот проект разрабатывался целым сонмом политологов, «советологов», советников Р. Рейгана, официально автором меморандума «Проект «Истина», рассмотренного и одобренного на совещании в Белом доме 17 августа 1981 года, выступил Ч. Уик. Даже буржуазный американский журнал «Ньюсуик» охарактеризовал проект как «возвращение к риторике времен Трумэна и Эйзенхауэра», а одобрение его — как «организационный поворот назад к «холодной войне»². Действительно это так, и тут сами собой напрашиваются некоторые параллели, хотя бы с появившимся в середине 50-х годов меморандумом Д. Сарнова, о котором уже шла речь.

Названия у этих меморандумов были, естественно, разные: Д. Сарнов предложил «Новый план нанесения поражения коммунизму», Ч. Уик — «Проект «Истина». Но, напомним, план Д. Сарнова осуществлялся в рамках кампании «Правда — наше оружие», или, как она еще именовалась, «Истина». Это была, так сказать, «Истина № 1». Следовательно, Ч. Уик был не так уж оригинален даже в названии своего проекта. Далеко не новатором он оказался и по многим другим пунктам. В меморандуме Д. Сарнова предлагалась программа тотальной диверсионно-пропагандистской деятельности против СССР и европейских стран народной демократии. Суть проекта Ч. Уика заключалась в «нанесении поражения коммунизму» путем такого же рода деятельности против СССР, социалистических и развивающихся стран, — правда, с использованием новых средств, на новом уровне, с учетом новых возможностей и обстоятельств.

В рамках проекта Ч. Уика соответствующим службам США вменялось в обязанность самым активным образом вести «пропаганду американских целей, идеалов и достижений в широком плане», изображать США как страну, для которой характерна «глубокая преданность делу мира»³. В меморандуме Д. Сарнова говорилось о задачах пропагандистского аппарата США точно то же, хотя и более цветисто: «Наше понимание свободы должно быть привито всему человечеству... Лишь это придаст величие нашему моральному облику, вдохнет в нас подлинно революционный порыв и преисполнит настоящим боевым духом, который будет не только равен боевому духу

противной стороны, но и превзойдет его... Предлагается изменить название «Голос Америки» и называть теперь эту вещательную организацию следующим образом: «Голос Америки за свободу и мир». Благодаря постоянному повторению нового названия истина будет непрерывно доводиться до сознания радиослушателей»⁴.

Ч. Уик предложил создать контрпропагандистскую службу с задачей «быстро реагировать на советскую пропаганду» (то есть на появляющиеся в советских средствах массовой информации разоблачительные материалы о гонке вооружений в США, преступных действиях ЦРУ и Пентагона и т. п.). Д. Сарнов в своем проекте также писал: «Для того чтобы отражать политические, идеологические и иные удары, мы должны перейти от обороны к наступлению» — и рекомендовал с этой целью непосредственно под руководством президента создать Стратегическое управление по делам политической обороны, «эквивалентное имеющейся в вооруженных силах Объединенной группе начальников штабов»⁵.

Впрочем, Ч. Уик позаимствовал идею создания «подразделения контрпропаганды» даже не у Д. Сарнова, а у одного из главных вдохновителей «холодной войны» Джона Фостера Даллеса, который открыто призывал в 1948 году: «Мы должны создать организацию, которая осуществляла бы невоенную оборону, подобно организации, возглавляемой нынешним министром обороны. Новый департамент невоенной обороны должен располагать соответствующим персоналом и значительными средствами»⁶.

Ч. Уик предложил вменить в обязанность УМС и СМР выступать с заведомо лживыми «обличениями СССР в поддержке международного терроризма и в нарушении прав человека». Идея опять-таки была не нова — Д. Сарнов предлагал то же самое. Он писал клеветнически: «Коммунисты не брезгают и такими средствами голого террора, как поджог, похищение и убийство... Диверсионно-террористическая деятельность в мирное время является коммунистическим нововведением»⁷.

Параллели легко можно было бы продолжить. Как видим, сходство налицо.

Спустя два месяца после одобрения Белым домом «Проекта «Истина» Ч. Уик на одной из полуофициальных встреч, уточняя его содержание, заявил: «Мы находимся в состоянии войны, будь то война де-факто или объявленная война». Естественно, такое заявление вызвало переполох, и Ч. Уик был вынужден пояснить, что «имел в

виду войну идей с Советским Союзом»⁸. Иными словами, речь шла о «психополитической войне». Направленность ее хорошо иллюстрирует памятная записка Ф. Николаидеса, тогдашнего заместителя директора «Голоса Америки». Суть «войны идей» он сводил к следующему: «Мы должны стараться дестабилизировать Советский Союз и его сателлитов (стандартная формула антикоммунистической пропаганды! — А. П.), способствуя разладу между народами и правителями. Нам следует постараться вбить клин недовольства и подозрительности между руководителями стран коммунистического блока. Мы должны раздуть пламя национализма...»⁹ Такова квинтэссенция «Проекта «Истина», одного из первых в разжигаемой администрацией Рейгана «психополитической войне».

Осуществлялся и ряд других мероприятий, связанных с этим внешнепропагандистским курсом. Палата представителей конгресса США, например, занялась обсуждением вопросов использования спутников связи для ведения международных радиопередач. Любопытно, что обсуждение состоялось 23 октября 1981 года, то есть в тот самый день, когда Ч. Уик разглагольствовал о «состоянии войны» в связи с «Проектом «Истина».

Тема слушаний была сформулирована следующим образом: «Американское иновещание и спутники непосредственного вещания». Участники слушаний — конгрессмены, высокопоставленные представители госдепартамента, Пентагона, УМС, СМР, «Голоса Америки», РСЕ, РС и другие — обсуждали не столько технические и финансовые, сколько политические стороны проблемы: как лучше приспособить спутники для усиления подрывного радиовещания на социалистические страны, избежав при этом неприятностей, связанных с негативной реакцией мирового общественного мнения на новые проявления «электронного империализма». Как заявил Т. Инглиш, председатель подкомиссии, проводившей обсуждение, «основное внимание мы уделим потенциальной роли спутников прямого вещания для усиления радиосигнала на коротких волнах и той пользе, которую спутники смогут принести в преодолении глушения сигналов советским и восточноевропейскими правительствами»¹⁰. Имея в виду проблему «преодоления глушения», Т. Роджерс, представитель Пентагона, член бюро по использованию космоса при Национальном совете научных исследований, подчеркнул: «Нет никакого сомнения в том, что разумная подготовка, внедрение и эксплуатация космической системы-службы могли бы принести очень важные

выгоды «Голосу Америки» и РСЕ/РС... Министерство обороны имеет очень, очень большой и многогранный опыт, оно много сделало в этой области»¹¹.

Причины, заставившие собравшихся уделить столь большое внимание указанной проблеме, становятся ясны, в частности, из выступления Д. Джейкобса, технического консультанта РСЕ и РС, который высказался с достаточной откровенностью: «Правительства стран, на которые мы вещаем, настроены решительно против РСЕ/РС... В ООН продолжаются споры между сторонниками свободного потока информации (знакомая формулировка! — А.П.) и теми, кто добивается предварительной договоренности о спутниковых передачах, пересекающих границы. Хотя Соединенные Штаты обрели определенную поддержку в борьбе за свободный поток информации, преобладающее большинство стран,— между прочим, не только находящихся под коммунистическим господством,— все еще выступает за принцип предварительной договоренности. При таком принципе контроль над содержанием международных передач принадлежал бы стране-реципиенту. Очевидно, что такой принцип совершенно неприменим к передачам РСЕ/РС»¹².

Характер и тон высказываний участников слушаний отличались великодержавным высокомерием, крайней разнузданностью и цинизмом, о чем также свидетельствует стенограмма заседаний. Вот характерные фрагменты из нее.

«Дж. Конклинг (директор «Голоса Америки»). В течение ряда лет «Голос Америки» создал глобальную сеть ретрансляционных станций с целью распространения передач на все части мира. В этом отношении мы немного напоминаем американский военный флот. Мы должны действовать во всем мире...

У. Сэлмон (старший советник заместителя государственного секретаря по вопросам безопасности). Мы продолжаем отвергать попытки Советского Союза и ряда стран третьего мира навязать политический контроль над организацией и содержанием прямого спутникового вещания. Мы видим в этом попытку ограничить основополагающее право на свободу выражения... В настоящее время вопросов много, а ответов мало... В частности, какова возможная реакция (на односторонние действия США в области спутникового вещания.— А.П.) со стороны мирового сообщества?

Каковы возможные осложнения на других форумах, таких, как Генеральная Ассамблея ООН или комитет по космосу?

Г. Инглиш (председатель подкомиссии). Почему нас это должно волновать? Почему нас должно волновать, что Советский Союз и страны восточного блока думают о нашем прямом спутниковом вещании? Нас же не волнует их мнение о нашем вещании через ионосферу! Какие тут тонкости с дипломатической точки зрения?

Р. Шрамм (советник госдепартамента из бюро международных коммуникаций). На этот вопрос отвечу я...»¹³

Далее между Р. Шраммом и Г. Инглишем происходит диалог о принципах технического регулирования международного радиовещания, то есть о распределении волн, которым занимается Международный союз электросвязи и которого придерживаются все государства. При этом почтенный конгрессмен высказывается совершенно развязно, прибегая к далеко не парламентарным выражениям.

«Г. Инглиш. Итак, вы говорите, что это на самом деле не закон. Это своего рода политика, международная политика. И в этой политике есть лазейка. И мы ее можем использовать, и используем. Верно ли?

У. Сэлмон. Довольно верно...

Г. Инглиш. Так какое нам дело! Ну и что, если русские сойдут с ума? Они и так сумасшедшие. Им не нравится, что мы ведем передачи на их страну... Если мы запустим спутник и начнем вещать с этого спутника, им это тоже не понравится. Вероятно, им это понравится еще меньше, потому что наши успехи будут больше. Может быть, мы соберемся с силами и уколем их... вы сами знаете куда! Ну и что?»¹⁴

В ходе обсуждения было решено главное: не считаться с реакцией международной общественности, а тем более «стран-реципиентов» на использование космического пространства в целях ведения империалистической радиовойны. Участники слушаний постановили просить госдепартамент выделить для «изучения технических возможностей, а также финансовой, юридической, политической сторон перехода с наземной на спутниковую систему трансляции» один миллион долларов и дополнительно, по линии РСЕ и РС, еще четверть миллиона. Было намече-

но провести совещания руководителей Управления международных связей, Совета международного радиовещания, «Голоса Америки», РСЕ, РС и других «заинтересованных организаций» (НАСА, ЦРУ, Пентагона) по проблеме спутникового иновещания. Решения, как видим, целиком шли в русле «психополитической войны».

В дальнейшем такого рода активность администрации Рейгана еще более возросла. Делая ставку на конфронтацию с силами социализма, США и их союзники по НАТО начали новый этап империалистической радиовойны, который можно охарактеризовать как *открытую*, широкомасштабную идеологическую диверсию против стран социалистического содружества и национально-освободительных, антиимпериалистических движений, против всего миролюбивого человечества.

Заклучение

Империалистическая радиовойна продолжает расширяться. Пока шла работа над этой книгой, мир узнал о новом «крестовом походе против коммунизма», объявленном президентом Рейганом 8 июня 1982 года в его выступлении в британском парламенте. Главной задачей этой «глобальной кампании» провозглашено «укрепление инфраструктуры демократии, системы свободной прессы, профсоюзов, политических партий, университетов»¹, а на самом деле речь идет о новых идеологических диверсиях империализма против свободлюбивых народов, об идейно-политическом и психологическом обеспечении агрессивного внешнеполитического курса, проводимого США в глобальном масштабе. Недаром руководители ЮСИА прямо заявили, что перед ними стоит цель придать внешнеполитической пропаганде такое «новое качественное развитие, которое поставило бы ее на уровень военных (курсив мой.— А. П.) задач обеспечения безопасности Запада»².

И сразу же в Вашингтоне активизировалась деятельность правительственных групп на самом высоком уровне по ведению «психополитической войны», началась разработка «полуправительственных» программ, целью которых является использование «большого бизнеса» для «укрепления демократии в развивающихся и, где это будет возможно, в коммунистических странах», как было демагогически заявлено в одном из недавних документов такого рода³.

Под эгидой госдепартамента США в конце 1982 и в 1983 годах были проведены многочисленные международные совещания и симпозиумы, такие, как «Коммунистическая агрессия и противостояние ей», «Конференция по проблемам демократизации в коммунистических странах» и т. п. Непременные участники этих совещаний — представители ЦРУ, Пентагона, «друзья США по НАТО», «изгнанники» из СССР и европейских социалистических стран, кубинские контрреволюционеры и даже афганские басмачи. Под знамена «крестового похода» и «психополитической войны»

тической войны» США собирают всю международную реакцию. Особое внимание при этом уделяется организационному совершенствованию системы внешнеполитической радиопропаганды империализма, развитию ее технической базы, финансированию, созданию новых подрывных радиоорганизаций.

В августе 1982 года Р. Рейган подписал законопроект о возвращении Управлению международных связей его прежнего названия — ЮСИА. Формально это было объяснено «курьезом»: оказывается, за рубежом часто путали названия УМС и ЦРУ из-за того, что по-английски обе аббревиатуры состоят из одних и тех же букв! На самом деле за очередной сменой вывески скрывается курс на повышение эффективности политического руководства всей внешнепропагандистской машиной США.

Вашингтон делает все новые шаги по пути разжигания «психополитической войны» и укрепления ее материально-технической основы. Так, бюджет ЮСИА на 1985 финансовый год увеличен по сравнению с предыдущим годом на 28 процентов; на 82,7 миллиона долларов возрастает в 1985 финансовом году ассигнования для «Голоса Америки». Тем самым кладется начало осуществлению пятилетней программы модернизации пропагандистского «радиооружения» США. В частности, предусматривается строительство новых передатчиков еще в восьми районах мира⁴.

Тотальная подрывная радиовойна против сил мира и прогресса приобрела при нынешней американской администрации невиданный, поистине глобальный размах. Прямым объектом идеологической (а все чаще и военной) агрессии Вашингтона становятся целые регионы, которые цинично объявляются «критически важными для безопасности и процветания США».

В 1982—1983 годах продолжала расширяться сеть «черных радиопередатчиков» для вещания на некоторые латиноамериканские страны, где разгорелась национально-освободительная, антиимпериалистическая борьба, и, как уже говорилось, на Афганистан. Деятельность этих пиратских радиостанций инспирирована в первую очередь США.

В октябре 1983 года «главнокомандующий радиовойны» Р. Рейган поставил свою подпись под «законом о радиовещании на Кубу». В соответствии с этим законом создана радиостанция, кощунственно названная именем героя кубинского народа Хосе Марти. Первоначально это детище ЦРУ, новый рупор лжи, распространяемой в эфире, предполагалось спрятать под крышу Совета международ-

ного радиовещания, в формальном ведении которого находятся небезызвестные «Радио Свобода» и «Радио Свободная Европа», ибо, как сказал сам Рейган, характер возложенных на «Радио Марти» (РМ) задач «аналогичен характеру задач РС/РСЕ»⁵. Однако в конце концов решено было включить РМ в систему правительственной радиостанции «Голос Америки».

Современная империалистическая радиовойна ведется без оглядки на какие-либо моральные нормы и принципы международного права. Грани между «белой», «серой» и «черной» внешнеполитической пропагандой стираются все больше,—вернее, она все больше переводится на «черные рельсы». Это стало неотъемлемой частью политики, которую проводят администрация Рейгана и союзники США по НАТО, стремясь до крайности обострить состояние конфронтации между государствами с различным общественным строем.

Глубокая оценка нынешнего положения в мире, стратегии и тактики идеологической агрессии империализма была дана на июньском (1983 года) Пленуме ЦК КПСС, где говорилось, что авантюристическая политика Вашингтона, нагнетая до предела международную напряженность, толкает человечество к ядерной катастрофе. «Классовый враг,—указывалось на Пленуме,—открыто заявляет о намерении ликвидировать социалистический строй. Президент Рейган призвал к новому «крестовому походу» против коммунизма. И одно из главных средств достижения своей цели империализм видит в «психологической войне». Она ведется Западом на самой высокой, можно сказать, истерической антисоветской, антикоммунистической ноте. Противник пустился на сущий разбой в эфире. Мы имеем дело с попытками организовать против нас настоящую информационно-пропагандистскую интервенцию, превратить радио- и телевизионные каналы в орудие вмешательства во внутренние дела государств и проведения подрывных акций»⁶.

Радиовойна является порождением капитализма на стадии его загнивания, она велась и ведется против населения других стран прежде всего в интересах монополистического капитала. Ход современной истории не раз доказывал возможность успешно противостоять любым милитаристским замыслам и акциям империализма. Так и в сфере идейно-политической. Народы не раз отстаивали и способны отстоять перед лицом любых покушений свои духовные ценности—ценности гуманизма, социальной справедливости и мира.

Библиографические ССЫЛКИ

Введение ЧТО ТАКОЕ «РАДИОВОЙНА?»

- ¹ См.: World Radio TV Handbook. 1980. Denmark, 1980, pp. 535, 537.
- ² См.: The Right to Know. Report of the Presidential Study Commission on International Radio Broadcasting. Wash., 1973, p. 13.
- ³ См.: Hale J. Radio Power. Propaganda and International Broadcasting. Philadelphia, 1975, p. 174.
- ⁴ См.: "Time", 1981, Jan. 12, p. 27.
- ⁵ См.: World Radio TV Handbook, 1974. Denmark, 1974, pp. 365—389.
- ⁶ См.: The Board for International Broadcasting. The Seventh Annuals Report to the President of the U.S. and the Congress of the U.S. Wash., 1982, p. 21.
- ⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 99.
- ⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 387.
- ⁹ Цит. по ст.: Колосов Ю. Массовая информация и международное право.— «Человек и закон», 1978, № 8, с. 31.
- ¹⁰ Rolo Ch. J. Radio Goes to War. London, 1943, p. 18.
- ¹¹ Громько Анат. Внешняя политика США: уроки и действительность. 60—70-е годы. М., 1978, с. 5.
- ¹² Гуревич П. С. Буржуазная пропаганда в поисках теоретического обоснования. М. 1978, с. 151.
- ¹³ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г. М., 1983, с. 68.

Глава I. «ТЕАТР РАДИОВОЙНЫ» — МИРОВОЙ ЭФИР

ЗВУКИ ВСТУПЛЕНИЯ

- ¹ См.: «Радиофронт», 1933, № 1, с. 44.
- ² См. там же.
- ³ «New York Times», 1923, Mar. 6, 9.
- ⁴ Berchtold W. E. The World Propaganda War.— "North American Review", 1934, Vol. 238, p. 425.
- ⁵ Propaganda by Short Wave. Ed. by H. L. Childs, J. B. Whitton Princeton, 1942, p. 8.
- ⁶ См.: Rolo Ch. J. Op. cit., p. 46.
- ⁷ Цит. по: Briggs A. The Golden Age of Wireless. The History of Broadcasting in the United Kingdom. Vol. 2. London, 1965, p. 371.
- ⁸ Ibid., pp. 372—373.
- ⁹ Ibid., pp. 374—375.
- ¹⁰ Schroeder H. Dalmetscher und Waffe.— "Welt-Rundfunk". 1943, H. 2. März—Apr., S. 55.
- ¹¹ Ibid., S. 70.

¹² Цит. по кн.: *Fischer E. K. Dokumente zur Geschichte des deutschen Rundfunks und Fernsehens. Eine Dokumentation* Göttingen, 1957, S. 125.

¹³ *Lubbers H., Sciwipps W. Morgen die ganze Welt. Deutscher Kurzwellensender in Dienste der NS Propaganda.* Köln—Berlin, 1970, S. 5.

¹⁴ *Whitton J. B., Herz J. H. Radio in International Politics.*—In: *Propaganda by Short Wave*, p. 21.

-ОТ БЕТХОВЕНА
К ГИТЛЕРУ-...

¹ *Schroeder H. Op. cit.*, S. 50.

² *Signale der neuen Zeit.* München, 1934, S. 197

³ *Rolo Ch. J. Op. cit.*, p. 38.

⁴ *Schroeder H. Op. cit.*, S. 62.

⁵ *Jacob Ph. E. The Theory and Strategy of Nazi Short Wave Propaganda.*—In: *Propaganda by Short Wave*, p. 67.

⁶ *Ibid.*, pp. 67—68.

⁷ *Handbuch des deutschen Rundfunks 1938/39.* Heidelberg—Berlin—Magdeburg, 1938, S. 26.

-СКРИПУЧАЯ
СИМФОНИЯ-

¹ *Siepmann Ch. A. Radio, Television and Society.* N. Y., 1950, p. 295.

² *Handbuch des deutschen Rundfunks 1939/40.* Heidelberg—Berlin—Magdeburg, 1939, S. 35.

³ Цит. по: *Rolo Ch. J. Op. cit.*, p. 43.

⁴ *Ibid.*, p. 42.

⁵ Цит. по: *Raushning H. Gespräche mit Hitler.* Wien, 1973, S. 62.

БЕЗУЧАСТНЫЙ
ЗРИТЕЛЬ?

¹ *Siepmann Ch. A. Op. cit.*, p. 295.

² *Rolo Ch. J. Op. cit.*, p. 46.

³ *Sorensen Th. C. The World War: The Story of American Propaganda.* N. Y., 1968, p. 10.

⁴ Цит. по: *Barnouw E. The Golden Web. A History of Broadcasting in the United States.* Vol. 2. 1933 to 1953. N. Y., 1968, p. 346.

⁵ *VOA. Published by the Broadcasting Service USIA.* Wash., 1967, p. 7.

ТРЕХЦВЕТНЫЙ
ГРИМ

¹ См.: *Wortschlacht im Äther. Der deutsche Auslands Rundfunk im Zweiten Weltkrieg.* Köln, 1972, S. 16—17.

² *Ibid.*

³ См.: *Schnabel R. Missbrauchte Mikrophone. Deutsche Rundfunkpropaganda im Zweiten Weltkrieg.* Wien, 1967, S. 94.

⁴ Цит. по: *Scheel K. Krieg über Ätherwellen.* Berlin, 1970, S. 283.

⁵ Цит. по: *Schnabel R. Op. cit.*, S. 133.

⁶ *Ibid.*, S. 153.

- ⁷ См.: *Scheel K.* Op. cit., S. 228.
⁸ *Артемов В., Семенов В.* Би-би-си: история, аппарат, методы радиопропаганды. М., 1978, с. 19.
⁹ Там же.
¹⁰ *Brinitzer K.* Hier Spricht London! Hamburg, 1969, S. 10.
¹¹ Ibid.
¹² Ibid., S. 35.
¹³ Цит. по: *Bennet J.* British broadcasting and the Danish Resistance movement 1940—45. London, 1965, p. 217.
¹⁴ Ibid., p. 218.
¹⁵ *Delmer S.* Die Deutschen und ich. Hamburg, 1963, S. 606.
¹⁶ Ibid., S. 606—607.
¹⁷ Wortschlacht im Äther, S. 27.
¹⁸ См.: *Sterling Ch. H., Kittors J. M.* Stay Tuned. A Concise History of American Broadcasting. Belmont, California, 1978, p. 214.
¹⁹ *Childs H. L.* Public Opinion: Natura, Formation and Role. Princeton—New Jersey—Toronto—New York—London, 1965, p. 326.
²⁰ *Лайнбарджер П.* Психологическая война. М., 1962, с. 124.
²¹ "Public Opinion Quart.", 1946, Winter, p. 584.

Глава II. «ИСКУССТВО» МАНИПУЛЯЦИИ

- ¹ "Public Opinion Quart.", 1950, Fall, p. 43.
² Цит. по: *Арбатюв Г. А.* Идеологическая борьба в современных международных отношениях. Доктрина, методы и организация внешнеполитической пропаганды империализма. М., 1970, с. 178.

В ЗАКУЛИСНЫХ ЛАБИРИНТАХ И НА АВАНСЦЕНЕ

- ¹ *Jacob Ph. E.* The Theory and Strategy of Nazi Short-Wave Propaganda.—In: Propaganda by Short Wave, pp. 54—55.
² Handbuch des deutschen Rundfunks 1939/40, S. 18.
³ См.: *Jacob Ph. E.* Op. cit., pp. 55—59.
⁴ *Арбатюв Г. А.* Цит. соч., с. 171.
⁵ *Russel B.* The Impact of Science on Society. London, 1967, p. 33.
⁶ *Doob L. W.* Propaganda: Its Psychology and Technique. N. Y., 1935, p. 89.
⁷ *Smith B. L., Lasswell H. D., Casey R. D.* Propaganda, Communication and Public Opinion. A Comprehensive Reference Guide. Princeton, 1946, p. 1.
⁸ *Linebarger P. M.* Psychological Warfare. Wash., 1948, p. 117.
⁹ *Martin J.* Propaganda Technique in the World War. N. Y., 1958, p. 3.
¹⁰ *Choukas M.* Propaganda Comes of Age. Wash., 1965, p. 37.
¹¹ Propaganda in War and Crisis. N. Y., 1951, p. 27.
¹² *Linebarger P. M.* Op. cit., p. 40.
¹³ *Linebarger P. M.* Psychological Warfare. Wash., 1954, p. 277.
¹⁴ Ibid.
¹⁵ Ibid., p. 1.
¹⁶ См.: *Crossman R. H.* Psychological Warfare.—"The Journal of the Royal United Service Institution", London, 1952.

- ¹⁷ Цит. по: Schnabel R. Op. cit., S. 150.
¹⁸ Latey M. Broadcasting to the USSR and Eastern Europe. BBC Lunch-time Lectures, ser. 3, 1964, No 2, p. 15.
¹⁹ Davison W. Ph. International Political Communication. N. Y.—Wash., 1965, p. 47.
²⁰ A Psychological Warfare Casebook. Baltimore, 1958, p. 580.
²¹ Barret E. W. Truth in Our Weapon. N. Y., 1953, p. 8.
²² Беглов С. И. Внешнеполитическая пропаганда. Очерк теории и практики. М., 1980, с. 83—84.
²³ "The Annals of the American Academy of Political and Social Science", 1935, Jan., pp. 62—63.
²⁴ Лайнбарджер П. Цит. соч., с. 147—148.

ОСВОЕНИЕ
 -КЛАССИКИ-

- ¹ См.: Лайнбарджер П. Цит. соч., с. 112—115.
² См.: "Journal of Abnormal and Social Psychology", 1941, Vol. 36, No 3, pp. 311—337.
³ Bruner J. S. The Dimensions of Propaganda: German Short-Wave Broadcasts to America.—In: Public Opinion and Propaganda. New York—Chicago—San-Francisco, 1964, p. 135.
⁴ Ibid., p. 136.
⁵ Ibid.
⁶ Ibid.
⁷ Ibid., p. 140.
⁸ The Right to Know, p. 812.
⁹ Bruner J. A. Op. cit., p. 146.
¹⁰ Ibid., p. 149.
¹¹ Ibid., p. 150.
¹² Ibid., p. 152.
¹³ Ibid., p. 156.

РАЗРАБОТКА
 СЦЕНАРИЕВ

- ¹ "United States News and World Report", 1955, May 27, p. 137.
² Ibid., p. 142.
³ Public Financing of Radio Free Europe and Radio Liberty. Hearing before the Committee on Foreign Relations U. S. Senate, 92-d Congress, 1-st Session, May 24, 1971. Wash., 1971, p. 12.
⁴ Ibid.
⁵ Цит. по кн.: Панфилов А. Ф. За кулисами «Радио Свобода». М., 1974, с. 84.
⁶ Там же.
⁷ "Problems of Communism" (USIA), 1968, Jan.—Febr., No 1—2, p. 62.
⁸ Ibid.
⁹ Ibid., pp. 63—70.

Глава III. ТРУППА

¹ *Rolo Ch.J. Op. cit.*, p. 64.

² *Ibid.*, p. 55.

-ЗВЕЗДЫ-
И МАРИОНЕТКИ

¹ Цит. по: *Propaganda by Short Wave*, p. 82.

² См.: *Brinitzer K. Op. cit.*, S. 47.

³ *Ibid.*, S. 49.

⁴ Цит. по: *Панфилов А. Ф. Цит. соч.*, с. 102—103.

⁵ Там же, с. 103—104.

⁶ См.: *Radio Free Europe and Radio Liberty. U.S. Senate, 92-d Congress, 1-st Session, Report No 92—319. Calendar No 13. Wash., 1972, p. 12.*

⁷ Цит. по кн.: *Панфилов А. Ф. Цит. соч.*, с. 115—118.

⁸ Цит. по кн.: *Герэн А. Коммандос «холодной войны»*. М., 1972, с. 8—9.

⁹ *Brinitzer K. Op. cit.*, S. 35.

ГЛАВНЫЙ
АНТРЕПРЕНЕР

¹ "New York Herald Tribune", 1949, Sept. 14.

² Цит. по кн.: *Wise D., Ross T. B. The Invisible Government. N.Y., 1964, p. 321.*

³ *Ibid.*

⁴ Цит. по кн.: *Davis J. Peace, War and You. N.Y., 1952, p. 117.*

⁵ Цит. по кн.: *Holt R. T. Radio Free Europe. Minneapolis, 1958, p. 233.*

⁶ "The New York Times", 1951, Nov. 24.

⁷ *Documents on American Foreign Relations. Vol. 13. Princeton, 1953, pp. 128—129.*

⁸ *Holt R. T. Op. cit.*, p. 200.

⁹ "The Commonwealth", 1948, Dec. 31.

¹⁰ Цит. по кн.: *Панфилов А. Ф. Цит. соч.*, с. 42.

¹¹ «Набат», 1951, 9 апр., № 23.

¹² «Нов. рус. слово», 1951, 16 дек.

¹³ Там же.

¹⁴ «Нов. рус. слово», 1952, 10 авг.

¹⁵ "RL—Newsletter", 1968, Febr., p. 10.

¹⁶ "The New York Times", 1971, Mar. 15.

ГАЛЬВАНИЗАЦИЯ
ТРУПА

¹ Цит. по: "Radio i Swiat", Warszawa, 1953, sierp., N 31, s. 23.

² *Ibid.*

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid.*

⁵ *Holt R. T. Op. cit.*, p. 53.

⁶ *Documents of Germany under Occupation. 1945—1954, London, 1955, p. 416.*

⁷ Цит. по пер. ст. В. Вальтера «Радиовещание и телевидение в монополистическом государстве». (Архив ЦНП при Гостелерадио СССР, ед. хр. № 627, с. 7—8).

⁸ См. там же.

⁹ Steigner V. *Auslandsrundfunk—ein Regierungssender?* (Zur Vorgeschichte der Deutschen Welle).—“Rundfunk und Fernsehen”, 1970, Н. 2, S. 12.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Цит. по.: «ГДР—информация и иллюстрации», 1967, № 3, с. 14.

¹² Steigner V. *Op. cit.*, S. 9—10.

¹³ Ibid., S. 12.

¹⁴ Ibid., S. 12—13.

¹⁵ Ibid., S. 13.

¹⁶ “Stuttgarter Zeitung”, 1961, Jun. 6.

¹⁷ “The Reporter”, 1961, Sept. 9.

¹⁸ Цит. по: Steigner V. *Op. cit.*, S. 18.

ВETERАНЫ
ДВОЙНОЙ
ИГРЫ

¹ BBC Handbook 1972. London, 1972, p. 256.

² BBC Handbook 1974. London, 1974, p. 269.

³ См.: BBC Handbook 1974, pp. 310, 273; BBC Handbook 1973. London, 1973, pp. 244—245.

⁴ Цит. по: Panfilov A. *Broadcasting Pirates*. Moscow, 1981, pp. 109—110.

⁵ Ibid., pp. 111—112.

⁶ См.: «Известия», 1968, 16 дек.

⁷ Цит. по кн.: Panfilov A. *Op. cit.*, p. 113.

⁸ См.: «Неделя», 1968, № 52, с. 10—11.

Глава IV

ВТОРОЙ АКТ

¹ Цит. по: «Правда», 1982, 6 июля.

² “United States of America Congressional Record”, Wash., 1951, Vol. 97, Mar. 30, No 57. App., pp. A1763—A1764.

КАРТИНА
ПЕРВАЯ:
«ДЕНЬ X»

¹ Barret E. W. *Op. cit.*, p. 72.

² Цит. по: Holt R. T. *Op. cit.*, p. 54.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Ganther J. *Inside Europe Today*. London, 1961, p. 51.

⁶ Ibid.

⁷ Зазворка Г. *Психологическая война НАТО*. М., 1963, с. 123.

КАРТИНА
ВТОРАЯ:
-ВЕТО- И -ФОКУС-

- 1 "Nivá Mysl", Praha, 1965, No 10, s. 1185.
- 2 Holt R. T. Op. cit., pp. 154—155.
- 3 "Polityka", Warszawa, 1959, 3—17 pazdz.
- 4 Цит. по кн.: Контрреволюционные силы в венгерских октябрьских событиях. Вып. 1, М., 1956, с. 52—53.
- 5 Контрреволюционные силы в венгерских октябрьских событиях. Вып. 2. М., 1956, с. 115.
- 6 Там же, с. 116.
- 7 Там же.
- 8 См.: Davison W. Ph. Op. cit., p. 113.

КАРТИНА
ТРЕТЬЯ:
« НАВЕДЕНИЕ МОСТОВ »

- 1 Цит. по: «Известия». 1968. 18 авг
- 2 Там же, 19 февр.
- 3 Там же, 16 июля.
- 4 См.: Панфилов А. Ф. Цит. соч., с. 145—146.
- 5 См. там же, с. 146—147.
- 6 "Pravda", Bratislava, 1970, 23 jan.
- 7 "Rudé Právo", 1970, 24 jún.
- 8 «Сов. Россия», 1968, 12 авг.
- 9 Цит. по: «Правда», 1971, 15 янв.
- 10 Цит. по: Марко М. Черным по белому. О событиях в ЧССР в 1968—1969 годах. М., 1974, с. 179
- 11 Там же.
- 12 "Guardian", 1968, Sept. 11.
- 13 Ibid.

ПОД МАСКОЙ
«ОБЪЕКТИВНОСТИ»

- 1 Подсчеты сделаны по справочнику "World Radio TV Handbook. 1970" (Denmark, 1970).
- 2 USIA: 22-d Review of Operations. Jan. 1—Jun. 30, 1964. Wash., 1964, p. 1.
- 3 Ibid., p. 6.
- 4 "Newsweek", 1965, Jun. 7, p. 12.
- 5 Ibid.
- 6 Davison W. Ph. Op. cit., pp. 35—36.
- 7 Артемьев В. Анатомия лжи. М., 1973, с. 153

ФАРС
В КОНГРЕССЕ США

- 1 "Daily mirror", 1970, Febr. 2.
- 2 "Variety", 1970, Aug. 6, p. 44.
- 3 "Informashon", 1970, Aug. 14.
- 4 "Frankfurter Allgemeine Zeitung", 1970, Okt. 20.

- 5 "The New York Times", 1971, Jan. 24.
- 6 Radio Free Europe and Liberty, p. 9.
- 7 Ibid.
- 8 Ibid.
- 9 "Frankfurter Allgemeine Zeitung", 1971, 16 März.
- 10 Public Financing of Radio Free Europe and Radio Liberty, p. 7.
- 11 Ibid., p. 33.
- 12 Ibid., pp. 36—37.
- 13 Ibid., pp. 39—40.
- 14 Ibid., p. 114.

Глава V. КРИЗИС ЖАНРА

- 1 The Right to Know, pp. 62—63.

·НОВАЯ· КОНЦЕПЦИЯ

- 1 Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 14—15.
- 2 The Right to Know, p. 2.
- 3 См.: Засурский Я. Н. Средства массовой информации и идеологическая борьба на международной арене в современных условиях.— «Вестн. Моск. ун-та. Сер. 2. Журналистика», 1974, № 1, с. 5.
- 4 Цит. по ст.: Панфилов А. О «свободном потоке информации» и глушении радиопередач.— «Аргументы и факты», 1981, № 1 (49), с. 26.
- 5 Там же, с. 27.
- 6 "Neue Zürcher Zeitung", 1970, Aug. 30.
- 7 "Figaro", 1971, Mai 16.
- 8 The Right to Know, p. 85.
- 9 Ibid., p. 86.
- 10 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 85—86.
- 11 См.: Панфилов А. О «свободном потоке информации» и глушении радиопередач, с. 28.
- 12 См.: Ярошенко В. Н. Подрывная пропаганда в системе буржуазного внешнеполитического радиовещания. М., 1978, с. 162.
- 13 Public Financing of Radio Free Europe and Radio Liberty, p. 124.

ПОДНОВЛЕНИЕ ФАСАДА И УКРЕПЛЕНИЕ ФУНДАМЕНТА

- 1 The Right to Know, p. 3.
- 2 Ibid., p. 39.
- 3 "Variety", 1973, Jan. 3, p. 33.
- 4 Abshire D. M. International Broadcasting: A New Dimension of Western Diplomacy. Wash.—London, 1976, p. 9.
- 5 Lisann M. Broadcasting to the Soviet Union: International Politics and Radio. N.Y.—Wash.—London, 1975.
- 6 Hale J. Radio Power. Propaganda and International Broadcasting. London, 1975.
- 7 The 27-th Report United States Advisory Commission on Information. July, 1974. Wash., 1974, pp. I—II.
- 8 Ibid., p. 8.
- 9 Ibid.
- 10 Ibid., p. 44.

- 11 Ibid.
- 12 Ibid., p. 43.
- 13 Ibid., p. 44.
- 14 Ibid., p. 45.
- 15 Ibid.
- 16 См.: Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М., 1980.
- 17 Report on International Broadcasting. Press Release White House. Wash., 1977. Mar. 22.
- 18 См.: «Правда», 1978, 30 марта.
- 19 Цит. по: «США: экономика, политика, идеология», 1978, № 1, с. 92.
- 20 Radio Free Europe and Radio Liberty U.S. Senate, 92-d Congress; 2-d Session, Report No 92-851, Calendar No 814. Wash., 1972, p. 6.
- 21 «Variety», 1974, May 29, p. 2, 60.
- 22 «Novinarz». Praha, 1972, N 10, s. 23—24.
- 23 Подсчеты сделаны по справочнику «World Radio TV Handbook. 1980».

-НОВЫЙ ПОРЯДОК.
ЗА КУЛИСАМИ

- 1 «International Herald Tribune», 1981, Aug. 6.
- 2 «Columbia Journalism Review», 1982, May—Jun., p. 25—26.
- 3 «International Herald Tribune», 1981, Aug. 6.
- 4 Ibid.
- 5 «Broadcasting», 1982, Jun. 28, p. 34.
- 6 «Columbia Journalism Review», 1982, May—Jun., p. 31.
- 7 «The New York Times», 1982, Mar. 23.
- 8 Ibid.
- 9 Ibid., Mar. 28.
- 10 «Broadcasting», 1982, Jun. 28, p. 34.
- 11 «The New York Times», 1982, Mar. 28.
- 12 Ibid.
- 13 Цит. по: «Известия», 1984, 11 янв.
- 14 «The New York Times», 1982, Mar. 28.
- 15 «International Herald Tribune», 1981, Oct. 9.
- 16 Цит. по: «Columbia Journalism Review», 1982, May—Jun., p. 33.
- 17 Ibid., p. 34.

Глава VI. НАЧАЛО НОВОГО АКТА

- 1 Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 21.

СТАРЫЕ ШОУ
НА НОВЫЙ ЛАД

- 1 «New York Daily News», 1980, Oct. 25.
- 2 Цит. по: «Правда», 1981, 14 дек.
- 3 Там же.
- 4 Цит. по: «Лит. газ.», 1983, 6 апр., № 14, с. 9.
- 5 См.: «Известия», 1982, 9 ноября.
- 6 Там же.
- 7 См.: «Трубуна Луду», 1982, 24 pazdz.
- 8 «Лит. газ.», 1982, 18 авг., № 33, с. 14—15.

- 9 "Dziennik Polski", London, 1982, 24 kwiet.
 10 См.: "Żołnierz Wolności", 1982, 26 listop.
 11 «Известия», 1982, 18 окт.

РАСПИРЕНИЕ
 АРЕНА

- 1 «Известия», 1980, 3 июня.
 2 Цит. по: «Комс. правда», 1980, 20 окт.
 3 См.: World Radio TV Handbook. 1980, p. 273, 511, 516, 518.
 4 См.: Панфилов А. Радиовойна против Афганистана.—
 «Аргументы и факты», 1981, № 4 (52), с. 20.
 5 См.: «Известия», 1982, 16 дек.
 6 «Известия», 1980, 26 февр.
 7 Цит. по: «Известия», 1980, 14 февр.
 8 См.: «Известия», 1982, 16 дек.
 9 Там же.
 10 См.: "Christian Science Monitor", 1982, Nov. 25.
 11 См.: «Известия», 1982, 16 дек.
 12 Там же.

-ПСИХОПОЛИТИЧЕСКАЯ
 ВОЙНА-

- 1 См.: "Trybuna Ludu", 1981, 20 lipca.
 2 См.: "Newsweek", 1981, Aug. 19, p. 23.
 3 Цит. по: «Правда», 1981, 14 дек.
 4 "United States News and World Report", 1955, May 27, p. 137
 5 Ibid., p. 142
 6 Ibid., p. 140.
 7 Ibid., p. 141.
 8 Цит. по: «Правда», 1981, 14 дек.
 9 Там же.
 10 International broadcasting: direct broadcast satellites. Hearing before a subcommittee of the Commission on government operations, House of representatives, Oct. 23, 1981. Wash., 1981, p. 1.
 11 Ibid., p. 10.
 12 Ibid., p. 22.
 13 Ibid., p. 51—52.
 14 Ibid., p. 52.

Заключение

- 1 Цит. по: «Лит. газ.», 1983, 7 сент., № 36, с. 2.
 2 Там же.
 3 См.: «Правда», 1983, 13 февр.
 4 См.: «Правда», 1984, 8 февр.
 5 См.: «Правда», 1983, 6 дек.
 6 Черненко К. У. Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии.— Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 года. М., 1983, с. 52.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Введение: что такое «радиовойна»?	5
Глава I.	«ТЕАТР РАДИОВОЙНЫ» — МИРОВОЙ ЭФИР	16
	Звуки вступления	17
	«От Бетховена к Гитлеру»... ..	26
	«Скрипучая симфония»	30
	Безучастный зритель?	37
	Трехцветный грим	43
Глава II.	«ИСКУССТВО» МАНИПУЛЯЦИИ	58
	В закулисных лабиринтах и на авансцене	59
	Освоение «классики»	70
	Разработка сценариев	75
Глава III.	ТРУППА	87
	«Звезды» и марионетки	88
	Главный антрепренер	103
	Гальванизация труппы	113
	Ветераны двойной игры	122
Глава IV.	ВТОРОЙ АКТ	132
	Картина первая: «День X»	133
	Картина вторая: «Вето» и «Фокус»	139
	Картина третья: «Наведение мостов»	143
	Под маской «объективности»	151
	Фарс в конгрессе США	159
Глава V.	КРИЗИС ЖАНРА	170
	«Новая» концепция	171
	Подновление фасада и укрепление фундамента	178
	«Новый порядок» за кулисами	189
Глава VI.	НАЧАЛО НОВОГО АКТА	198
	Старые шоу на новый лад	199
	Расширение арены	208
	«Психополитическая война»	218
	Заключение	226
	Библиографические ссылки	229

Панфилов А. Ф.

- П 16** **Радиовойна: История и современность: Очерки о внешнеполитич. радиопропаганде фашистской Германии, США, Англии и ФРГ.—М.: Искусство, 1984.—239 с.—(Империализм. События. Факты. Документы).**

В основу книги положен обширный фактический материал о прошлом и настоящем империалистической радиопропаганды, о ее политической направленности, формах организации, приемах и методах. Автор раскрывает манипуляторскую сущность и подрывной характер деятельности таких западных радиостанций, как «Голос Америки», Би-би-си, «Немецкая волна», «Радио Свобода», «Радио Свободная Европа», вещающих на Советский Союз и другие страны социализма.

П 4403050000—102
025(01)—84 19—84

ББК 76.31
37И

Артемий Флегонтович Панфилов

РАДИОВОЙНА

История и современность

Редактор А. А. Черняков

Младший редактор Н. В. Соколова

Художник Е. Г. Клодт

Художественные редакторы Г. И. Сауков,

М. Г. Егизарова

Технические редакторы Т. Е. Ступина,

В. У. Борисова

Корректоры Ю. А. Евстратова, Т. И. Чернышова

И.Б.2024

Слано в набор 21.12.83. Подписано к печати 07.08.84 А09763. Формат издания 84×108/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура школьная. Высокая печать. Усл. печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 13,847. Изд. № 6338. Тираж 65 000. Заказ 2502. Цена 60 коп. Издательство «Искусство» 103009 Москва, Соблювский пер., 3. Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Совхозполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 113054 Москва, Валовая, 28.

